

С.М.

Студенческий меридиан

ISSN
0321—3803

Ноябрь,
1988 г.

Читайте в номере —
Уважать экономику...
Самоуправление:
использован ли шанс?
О настоящем
во имя будущего

Делегат XIX Всесоюзной партконференции, студентка МХТИ Виталина Трифоненко. Фото С. Кузнецова

ФОТОРЕПОРТАЖ

Пятнадцать дней из жизни

Меня зовут Джамаль Салик. Я учусь в аспирантуре Московского инженерно-строительного института. Вот он я — на одном из снимков фоторепортажа, который мы привезли с Алексеем Смольским.

А вот и сам автопоезд «Дружба» — три «Икаруса» и 120 молодых людей из Сирии, ГДР, Демократического Йемена и Афганистана. Все мы учимся в СССР.

Советские студенты наверняка хорошо знают и красавец Минск, и промышленный гигант

Могилев, и старинный Кобрин, основанный еще в 1287 году, и Оршу, где прозвучал первый залп легендарных «катюш»... Для нас же в путешествии, которое организовал Общесоюзный совет по делам иностранных учащихся, все было внове.

Конечно, мы могли бы вы-

брать и другую республику, ведь и в других городах и селах вы свято храните память о погибших за вашу свободу и счастье героях, как в Бресте и Кобрине; ударно работаете и строите красивые дома, как в Минске и Гродно; заботитесь об экологии и сохранении богатства вашей

природы, как в Беловежской Пуще...

В вашей стране сейчас очень непростое время — говорить о жизни правду, снимать «шоры» с глаз, открыто смотреть на свои проблемы. Время гласности! Не каждое государство решится на такое. Только сильное и верящее в своих граждан!

Но, судя по тому, как вы решительно взялись за перестройку: не боитесь критиковать, потому что настоящая критика, как хирургия, — делает больному больно, чтобы потом вылечить; по тому, что мы видели на ваших заводах, в учреждениях, колхозах, из разговоров с вашими людьми, мы поняли — перестройка победит!

Нам было все важно понять: ваши народные обычаи и трудовые традиции, технические достижения и встречи... у пионерского костра. Ведь обо всем этом нас будут расспрашивать дома, когда вернемся на родину...

В Минске вместе с его жителями мы участвовали в празднике города. В состоявшихся по этому поводу торжествах, спортивных состязаниях, концертах, народных гуляниях... Особенно запомнилось большое шоу на стадионе, где выступали Геннадий Хазанов, Юрий Антонов, ансамбль «Песняры», автордео

Так встречали нас повсюду. Каравай в подарок от жителей Орши.

По пути в Беловежскую Пущу. Остановка у Каменецкой башни.

из города Тольятти, мисс Минск. Праздник закончился фейерверком. А на следующий день нас уже встречал хлебом-солью гигант индустрии — Могилев.

Под Могилевом, в городе Горки, нас ждала удивительная встреча с заповедными уголками природы. Причем мы побывали не только в ботаническом

Пролетарий всех стран,
соединяйтесь!

СТМ

Студенческий меридиан

Ежемесячный
общественно-политический
и литературно-художественный
журнал ЦК ВЛКСМ
и Госкомитета СССР
по народному образованию

Издается с мая 1924 года.
1988, № 11, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редколлегия:
Генрих Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Сергей Суятинов,
Илья Толстой,
Игорь Цыбульский,
Вячеслав Шостаковский

Главный художник
А. Архутин

Художественный редактор
К. Кухтин

Технический редактор
Г. Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Ново-
водмитровская ул., 5а, «Студен-
ческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При
перепечатке ссылка на «Студен-
ческий меридиан» обязательна.
Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 30.08.88. Подп. в
печ. 13.10.88. А01170. Формат
70×100¹/₁₆. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ.
л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд.
л. 10,2. Тираж 810 000 экз. Цена
30 коп. Заказ 199.

Ордена Трудового Красного Зна-
мени издательско-полиграфичес-
кое объединение ЦК ВЛКСМ «Мо-
лодая гвардия». Адрес ИПО:
103030, Москва, Сущевская ул.,
д. 21.

© «Студенческий меридиан»,
1988 г.

Всем участникам автопоезда хочется отведать свежего белорусского хлеба.

Скорее, скорее... Хочется успеть посмотреть все.

саду сельскохозяйственного института, но и в знаменитой Беловежской Пуще! Зубры, лоси, косули... Хорошо, что вы так бережно заботитесь об охране таких мест. И, наверное, так не только в Белоруссии?!

По пути из Беловежской Пущи, где сохраняются редчайшие представители животного мира, осмотрев по дороге старинную Каменецкую башню, мы отправились в город Гродно. Оттуда поплыли на катере по реке Неман.

Конечно, все мы изучали Великую Отечественную войну по учебникам. Но, наверное, только встреча с крепостью-героем Брест и мемориалом

Володя Дальпиро — самый юный участник автопоезда.

Хатынь показала нам воочию, как вы бережете память о своих героях. Такое горе, как Хатынь, не должно повториться. Ни в какой точке земного шара. И колокола мемориального комплекса будут всегда напоминать об этом тем, кто побывал в Хатыни. Будь он русский, сириец, австралиец или швед...

После этих пятнадцати дней по Белоруссии мы еще лучше поняли, почему вы так любите свою Родину, почему уверены в победе перестройки.

Жаль, правда, что не было с нами в автопоезде советских студентов. И еще небольшой упрек организаторам автопоезда. Когда уже шла регистрация автопоезда, нам раздали анкету, в которой нас спрашивали: с кем бы мы хотели встретиться, где побывать, какую музыку послушать... И это было здорово, но... программа мероприятий была уже утверждена три месяца назад, и наши пожелания пошли под сукно.

Надеюсь, что все эти моменты будут учтены в будущем, для того чтобы живое дело не превращалось в формальность, а святое слово «дружба» было не просто словом, а прочно вошло в нашу жизнь.

Встреча в пионерском лагере: примерим национальный афганский наряд?

На ярмарке в Минске — танцуют все!

Капитан волейбольной команды Сирии Яхья Шараф: «Борьба была трудной, но мы выиграли!»

Что я думаю о перестройке

Сейчас в вузах заметна тенденция сокращения лекционного материала, количества лекций. Делается упор на самостоятельное изучение материала студентом. Я считаю это не совсем правильным.

Лекционный материал должен строиться на информации, которую студент не может почерпнуть в учебниках, в дополнительной литературе. Так зачем же сокращать эту информацию о новом, передовом? И еще: хорошо бы ввести и в институтах пятидневку. А один день (субботу) дать студентам для самостоятельной работы в библиотеках над монографиями, зарубежной литературой и пр. И я уверен, что студенты будут использовать этот день в нужных для образования целях, а если нет, так сами и пострадают в первую же сессию.

Вот и будет проявление самостоятельности на деле, а не только на словах.

И. Карманов, г. Кременчуг

Больше уроков труда

Заставила меня нужда написать вам. Мы, трудовики, часто разговариваем о нашей программе в МГПИ имени В. И. Ленина. Из нас готовят дилетантов. Зачем нам дают много ненужного (галопом по Европам)? Зачем девушки становятся к станкам, а парни делают примерки и шьют?!

Пора пересмотреть программу. Каждому — свое. Группу надо разделить. В школе есть такое разделение, почему нельзя это сделать в институте?

Учителя надо подготовить так, чтобы он мог привлечь детей к трудовому творчеству, именно творчеству! Труд должен быть не только полезным, но и интересным.

Как заинтересовать детей? Это главная задача всех учителей. Хочется в школе ввести несколько трудовых мастерских. Например, моделирование

(это слесарное дело + авиамоделирование + конструирование и т. д.), автодело (устройство автомобилей, вождение и т. д.), радиоэлектроника и программирование (основы радиоэлектроники и вычислительной техники и т. п.).

Надо пересмотреть программу школы! Больше нужно уроков труда, так как один раз в неделю — это очень мало!

Да, я забыл про девочек. У них такие мастерские нужно бы организовать — «Ателье...» (любое название) и «Кафе «Снежинка». В ателье, допустим, «Элегант» девочки учатся шить. В кафе — учатся готовить.

Кружковое обучение... Куда ребятам нравится, пусть туда и идут. Мастера трудового обучения должны быть «спецами», и потому дайте нам хорошую программу в вузе, а мы вам дадим хороших детей, любящих и умеющих трудиться.

Александр Короленьков, Москва

Учись учиться

Мне кажется, нужно добиться, чтобы внутренней потребностью, повседневным делом каждого человека, неотъемлемой частью советского образа жизни стало самообразование. Для того чтобы такая настоятельная потребность возникла, нужна

общественная потребность, социальный заказ на высокообразованного, культурного человека и затем предпочтение таких людей во всех сферах жизни государства. Так подкрепляется стремление молодых людей в большинстве своем учиться на «отлично». И пока будет процветать посредственность, а личные интересы — преобладать над общественными, всякие благие пожелания будут оставаться только словами.

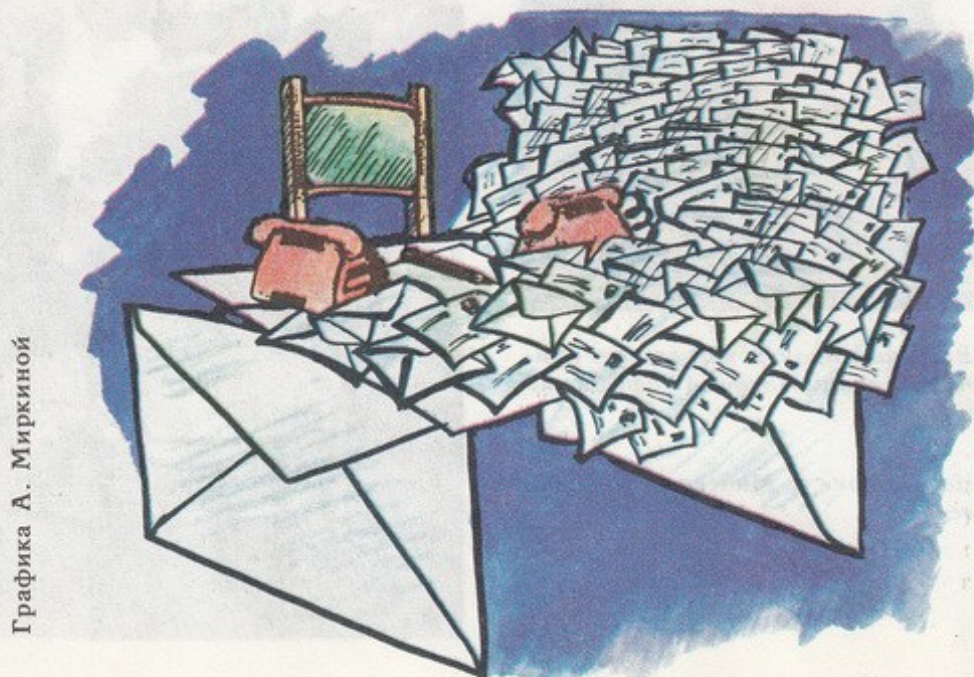
Таким образом, успехи в учебе зависят от того:

1. Встретился ли тебе настоящий Педагог, личность.
2. Сумел ли ты в книгах, в духовном наследии человечества найти то, что осветило твое движение вперед.
3. Увидел ли ты свое место в обществе и в соответствии с этим поставил ли цель, достижение которой и требует отличной учебы.

Г. М. Сторик, г. Киев

Курсы быстрого чтения

Думаю, не ошибусь, если скажу, что проблема времени для чтения специальной и научно-популярной литературы стоит перед всеми — от старшеклассников до академиков. Выход? Чи-

Графика А. Мирскиной

тать быстрее. Научиться читать быстро и при этом запоминать прочитанное лучше, чем при обычном чтении, можно на специальных курсах или самостоятельно по книге О. А. Кузнецова и Л. Н. Хромова «Техника быстрого чтения».

Но курсы — в столице. Тираж выпущенной книги — 70 тысяч — ничтожно мал для миллионной армии желающих. А держать библиотечную десять недель (срок для освоения быстрого чтения) — непозволительная роскошь.

Предлагаю: при помощи специалистов откройте заочный курс быстрого чтения на страницах «Студенческого меридиана».

Надеюсь, мое обращение поддержат многие.

*М. Загорский, студент
медицинского института,
г. Тернополь*

От редакции: Несколько лет назад, в 1978-м, такие курсы проводились на страницах журнала. Но, может, стоит еще к ним вернуться? Что вы скажете, уважаемые читатели?

Скажи: «Не знаю!»

Вхожу в аудиторию в первый раз. Лекционный курс только начинается...

— Достаньте чистые листочки... — Прошу написать на них пять сложных вопросов из курса диамата, который мы только начинаем изучать.

На ответы — 15 минут...

Аудитория выслушивает и записывает вопросы почти без удивления.

И вот у меня около сотни написанных листков. Объявляю притихшему залу:

— На все эти вопросы каждый из вас имел право ответить очень просто, одним словом: «Не знаю». Сегодня только первое занятие... — В аудитории бурные эмоции: кто-то возмущен, кто-то разочарован, а кто-то смеется над собой.

Ответы заставляют убедить-

ся, что многие молодые люди не умеют признаваться в собственном незнании. Большинство предпочло во что бы то ни стало что-нибудь написать, пусть даже совершенно неверно.

Проблема осознания собственного незнания очень важна в процессе формирования культуры мышления. Культуры, которая является одним из самых центральных предметов вузовской программы. Она преподается (должна преподаваться!) на всех занятиях. Ее характеризует не простая сумма усвоенных знаний, а умение самостоятельно определить правильную позицию в самом начале познания и мужественный отказ от проникающих в душу предубеждений. В. И. Ленин писал, что от незнания гораздо ближе к истине, чем от предубеждений. Этот мудрый наказ стоит помнить начинающим исследователям.

Культура мышления необходима не только при исследовании новых явлений. Она помогает научиться слушать собеседника, учит искусству спора (ее обнаруживаешь только тогда, когда в ответ на неожиданный аргумент оппонент говорит: «Я с вами не согласен», а не: «Ну, это глупости»). Она помогает избавиться от иллюзии всезнания. Она советует молодому человеку: «Не знаешь сути экономических процессов, происходящих в стране, — не верь рассказам и сплетням. Обратись к достоверным источникам. Не понимаешь политических процессов, происходящих в мире, — постарайся понять их на основе науки и отбросить лживые измышления».

Итак, самый верный путь к настоящему знанию начинается с честного определения границ и мужественного признания собственной некомпетентности перед последующим этапом учебной или исследовательской работы.

*Н. Грудинин, доцент
Волгоградского
инженерно-строительного
института*

Еще, и еще, и еще... о Высоцком

Что наиболее ценно в творчестве Владимира Семеновича? То, что, начав с простых, стилизованных под «блатные» песен, он поднялся до философских вершин, то, что его стихи будят уснувшую совесть, поднимают значение чести и верности, заставляют думать о смысле жизни и месте человека в ней. Его стихи очищают душу, жаждущую очищения, показывают автора живым, борющимся с недостатками человеком, а не посторонним наблюдателем за жизнью. Его позиция в любом деле наиболее ценна. И то, что он никогда не отрекался от пройденных ступеней, — тоже очень важно.

Публикации в журнале показывают, как обычный человек превращается в Личность, — заблуждаясь, ошибаясь, делая неверные шаги, но борясь с этим, ища новые пути, — становится Человеком...

Пусть на первых порах кто-то привлечет его «дворовый» жанр, но и там очень много ценных мыслей, а потом уже поневоле не отбросит его поистине драгоценных строк:

Я не люблю себя, когда я трушу,
Досадно мне, когда невинных
бьют...

Он всегда начинал с себя. Научиться бы!

*В. Мартынова, г. Дзержинск
Донецкой обл.*

Читайте Вольтера

Письмо это пишу из-за необходимости очистить свою душу от избыточных чувств, впечатлений и ассоциаций. После прочтения «Философских повестей» Вольтера убедилась в актуальности этого сборника, в частности, повести-притчи «Кандид».

Исходя из этого произведения, я выработала такую заповедь: надо понимать, что «работа гонит от нас три больших зла: скуку, порок и нужду»; знать, что «надо возделывать свой соб-

ственный сад», лелеять свое дело; помнить, что «лучше всего работать без рассуждений, ибо это единственное средство сделать жизнь сносною».

Итак, кто еще не прочел Вольтера — читайте, размышляйте, анализируйте. Таков мой совет.

Жанна Арестович,
«потенциальная» студентка,
г. Вильнюс

А я вот такая

Насчет личных пристрастий. Люблю группы «Кино» и «Наутилус Помпилиус». Считаю, что высшее образование — не самоцель. И если завалю вступительные — рыдать не стану. Люблю делать все так, чтобы люди удивлялись. Люблю выводить людей из себя. Согласна: несколько эгоистическая это наклонность, но самохарактеристика должна быть полной и объективной, не как та, которая прилагается к аттестату и которой «классная» поклялась мне испортить жизнь.

Еще — я ужасно нервная. С родственниками так вообще разговаривать не умею. Все родные и двоюродные бабки меня с позором изгнали из своих квартир. Одна мама меня терпит. И наиболее выносливые из друзей.

О друзьях. Я их могу в десять минут завести и в пять минут потерять...

Ну, ладно. Уж извините, что отняла время. Это все моя лень-матушка. За стол-то я села, чтобы к завтрашнему экзамену готовиться, по химии. Но не одна же я такая? Есть же люди, на меня похожие? Правда?

Надежда Б.,
г. Семипалатинск

От редакции: К письму была приложена квитанция сберкасы о перечислении Надеи денег на счет 700 — строителство музея Владимира Высоцкого — и вот эта приписка: «Те 85 рэ, которые я отправила на строителство музея, не мамины, а мои, кровно заработанные».

Откуда нищие?

Я живу на окраине Москвы. К метро, к центру удобнее добираться электричкой. Учусь в техникуме под Клином, куда тоже езжу на электричке. Вот и выходит, что я очень много времени провожу в этом транспорте. Читаю, размышляю, наблюдаю за людьми... Но вот что меня поразило, вернее, кто — нищие. То именем Христа просят милостыню, то просто — «подайте, люди добрые». И случается это так часто. И кажется, я к ним уже привык. Но всякий раз душу переворачивает, когда слышу их голоса... Достают мелочь, опускаю глаза, а получается вроде бы королевский жест.

Так вот, хочу спросить: откуда они, наши нищие? Кто такие?

С уважением студент 2-го курса
МГРТ Березин Константин

Они — купцы, у нас — товар...

Еще не так давно многие советские издания с возмущением писали о купле-продаже профессиональных спортсменов на Западе. Дескать, это практически «торговля живым товаром», это гадко, неэтично, преступно по отношению к человеку на пороге XXI века. Правда, всегда забывали добавить, что до 40 процентов от суммы перепродажи получал сам спортсмен — это всегда четко оговаривалось в его договоре (контракте) с клубом, то есть сам он ничего не терял и материально не страдал.

С некоторых пор наши заслуженные мастера спорта стали играть в футбольных (и не только) клубах западных стран: баскетболистка Ульяна Семенова, футболисты Олег Блохин, Вагиз Хидияттулин. И выступают успешно.

Но если на Западе при перепродаже спортсмена наживается клуб-хозяин, то у нас — Спорткомитет. В газетах писали, что есть постановление Совета Министров СССР, на основании

которого львиная доля денег поступает в адрес Спорткомитета и лишь мизерная часть — игроку.

Хотелось бы узнать — кто на этом наживается? Ведь разговоры о том, что валюта идет на развитие спорта, остаются разговорами.

Я в чем-то не прав?..
Курсант Юрий Шариков,
Ленинград

Кто за красоту?

Пишет вам ученик 9-го класса. Как вы поняли, я не студент. Но журнал ваш выписываю. «Ст.М.» мне нравится. Но все-таки хочу дать совет.

Знаете, на молодых людей, особенно студентов, стыдно смотреть. Эти сутулые худющие хлюпки еле-еле передвигаются. Скучные такие, вялые, некрасивые... Может, они действительно слишком заняты, загружены науками? Давайте им поможем — расшевелим их. Как? Мне кажется, очень просто. Вот послушайте.

Откройте на страницах журнала рубрику типа «Гармония тела» или «Наливайте силой мышцы»... И рассказывайте о занятиях модной и популярной среди молодежи атлетической гимнастикой. Естественно, печатайте здесь яркие цветные фотографии красивых людей. Если объяснять человеку, как стать бодрым, здоровым, красивым — только не нудно, а увлекательно, — вряд ли человек откажется быть красивым. Студенты, уверен, выкроют два-три часа для своего физического совершенства. Распрямят плечи, оживут и оптимистичнее будут учиться.

А. Каплин, г. Ульяновск

Вниманию читателей

По техническим причинам урок английского языка перенесен в № 12.

ОТРЯД НА МАРШЕ

Уважать экономику...

**Александр Заварзин,
командир ВСО**

— Встречи командира ВСО с читателями на страницах журнала и разговор об итогах очередного студенческого лета уже вошли в традицию. Сколько сделано, построено, освоено — об этом, как правило, идет речь. Может быть, немного отступим от традиции?

— Попробуем...

— Когда несколько цифр. 145 — сторонников студотрядов, 128 — противников; 205 студентов считают, что работу ВСО надо в корне менять. 44 человека — «ничего изменить нельзя». Если помните, это данные «Комсомолки», летняя читательская почта. Как бы вы эти цифры прокомментировали?

— Тревожные данные. Но драматизировать ситуацию я бы не стал. Да, в последние годы приходится говорить о падении престижа студенческого отряда. Это тот неизбежный фон, которым еще напоминают о себе времена застоя. Нарушался принцип добровольности. Недостаточно мобильной

была сама структура патриотического движения. Требовала пересмотра правовая основа, система финансирования. «Зажат» линейный отряд, не было свободы маневра. Так что цифры не случайны. Но впадать в панику и уж тем более делать вывод о глубоком «кризисе» студотрядов — это, по крайней мере, несерьезно. В нынешнем сезоне старались жестко проводить принцип добровольности при формировании — и что, отряд «развалился»? Ничуть не бывало. Он скорее окреп.

— Но около 100 тысяч студентов все-таки откололись от движения...

— А что в этом страшного? Мы предвидели сокращение

численности, сознательно пошли на это. И итоги сезона как раз лишний раз подтверждают верность хорошего принципа: не числом, а умением. Я часто бываю в отрядах. Один командир вот каким опытом поделился: численность отряда сократилась чуть ли не вдвое, а объем работ тот же выполняем. Парадокс? Нет. Закономерность новых условий хозяйствования.

— А как вообще чувствуют себя стороны в новых условиях? Студенты, с одной стороны, и принимающие организации — с другой?

— Где всерьез думают о взаимных интересах, все идет нормально. В Калининской области, например, и в некоторых других созданы резервные фонды цемента, щебня, кирпича. Распределяются материалы по заявкам областного штаба. Если бы так везде...

— И вновь, в который раз, — просто, передислокации?

— К сожалению... Уже первые недели сезона принесли немало хлопот. В Иркутской области только активированные простои в подразделениях Минвостокстроя составили 1400 человеко-часов. В Тюменской области уже в начале трудового семестра было передислоцировано 18 отрядов. Таких примеров немало. Провели селекционное совещание с участием руководителей министерств, проанализировали ситуации в большинстве регионов. Очень неуютно чувствовали себя хозяйственники, вынуждены были перестраиваться в пожарном порядке.

— Если не отпала необходимость в такого рода «подстегивании» по селектору, значит, не в полной мере заработала экономика сотрудничества студентов и строительных ведомств...

— Наивно было бы предполагать, что она заработает вот так, вдруг. Процесс перехода на экономические методы хозяйствования сложен, трудно решить все проблемы за два-три года.

— А сам Всесоюзный отряд как выглядит в рамках этого процесса? По сути, отряд — это огромный трест, если иметь в виду объемы строительно-монтажных работ: почти 788 миллионов рублей только в прошлом году. Видимо, ему свойственны все проблемы большого строительного подразделения и все «болячки» — тоже.

— Не все, но многие... У отряда все-таки своя специфика. Сезонность работы. Наличие в составе формирований нестроительного профиля. Если говорить о перестройке отряда, то это в первую очередь пересмотр правовых, организационных основ, системы финансирования. Изменен устав, разрабатывается новый типовый договор — он как раз ориентирован на экономические методы

хозяйствования. Меняем сейчас систему взаимоотношений внутри Всесоюзного отряда. Что такое Центральный штаб?

— *Руководящий орган...*

— Был... Наша цель — превратить штаб в координационно-методический центр. Улавливаете разницу? Не диктовать свою волю «нижестоящим», нет. Координация. Методическая помощь в решении текущих проблем.

— Но если эта концепция утвердится, то пострадает ваш аппарат. Станет очевидной ненужность кое-каких промежуточных звеньев. Предположим, зональных штабов.

— Возможно...

— Как в таком случае вы смотрите на предложение, которое высказывается в последнее время. Линейный отряд, основная производственная единица, просто «нанимает» себе аппарат. Платит ему зарплату. Сработал аппарат хорошо, сумел организовать дело, фронт работ, поставку материалов — получил сполна. Не сумел — не получил зарплату...

— В конце концов мы придем к тому, что зарплата управленца будет жестко увязана с результатом работы основного производственного подразделения.

— Поставьте себя на место хозяйственника. Какие претензии предъявите студенческому отряду?

— Претензии... Пожалуй, уровень профессиональной подготовки. Споры нет, у нас достаточно отрядов, способных выполнять самую сложную работу и с хорошим качеством. Но в целом профподготовку надо улучшать. А чтобы ее улучшать, нужны средства. Но процент отчислений, идущих в фонд Всесоюзного отряда, установлен сравнительно давно, и ориентирован он на строителей. А у нас в последнее время растет число отрядов нестроительного профиля. Что, грубо говоря, имеет комсомол с того, что создает, скажем, медицинские отряды. Ничего. Ни копейки. Чисто экономически это нам невыгодно. Мы вышли с предложением пересмотреть основы финансирования отряда, сделать эту систему более гибкой, учитывающей ситуацию в народном хозяйстве. Словом, речь идет о том, чтобы на всех

уровнях — от Центрального штаба до линейного отряда — уважать экономику дела.

Отряд как самостоятельная хозяйственная единица производит прибыль, так? Значит, в принципе имеет право распоряжаться частью этой прибыли. Эти средства шли бы на повышение профессионального уровня участников трудового семестра, в конкретные вузы. На финансовую поддержку комсомольских инициатив. Не на дотацию жить и развиваться, а на собственные, честно заработанные деньги. И — что особенно важно — в ближайшее время необходимо создать систему договорных цен на услуги студенческих отрядов: строительных, нестроительных, медицинских, педагогических. Так мы по-настоящему научимся уважать экономику.

— Все так. Только боюсь, что пока такого рода уважение дойдет до глубинки...

— А вы не бойтесь. Поезжайте хотя бы в совхоз «Никулинский», что в Чувашской АССР. Там два отряда Чебоксарского сельскохозяйственного института взяли на арендный подряд 720 гектаров земли и животноводческую ферму. Лиха беда начало. Таких адресов по стране уже немало...

Беседу вел В. Викторов

От редакции.

Разговор с командиром Всесоюзного отряда касался в основном проблем перестройки «верхних этажей» студотрядовского движения. А как обстоят дела на «нижних»? Есть ли там признаки перемен? Редакция будет признательна тем, кто поделится своими мнениями, наблюдениями. И в первую очередь по таким проблемам: «Добровольность — реальность или благое пожелание?»; «Отряд и хозрасчетная организация — плюсы и минусы сотрудничества»; «Экономика отряда — в чем ее «болевые точки»?»; «Перестройка управления — как она сказывается на рядовом бойце отряда?»

Самоуправление: использован ли шанс?

Аркадий Поздняк

Полтора года прошло с тех пор, как руководители бывшего Минвуза СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ подписали документ «О первоочередных мерах по расширению участия студентов в управлении высшими учебными заведениями». Идея студенческого самоуправления отныне обрела законное право на свое возрождение.

Да, именно возрождение. Еще в совнаркомовском декрете «О высших учебных заведениях РСФСР (положение)», подписанном В. И. Лениным 2 сентября 1921 года, студентам была предоставлена возможность избираться в советы вузов и факультетов, участвовать в работе предметных комиссий, входить делегатами с правом решающего голоса на все собрания любого уровня, где решались вопросы вузовской жизни. А созданное в 1923 году Центральное бюро пролетарского студенчества на своих совещаниях обсуждало учебные планы и программы, вопросы финансирования и комплектования вузов, заслушивало отчеты профессуры. Только вот не суждено было студенческому самоуправлению набрать полную силу, стать традицией. Административно-командная система затронула, разумеется, и высшую школу — даже само слово «самоуправление» было отнесено к разряду чуть ли не крамольных...

Возвратимся, однако, в день сегодняшней. Стало ли после принятия постановления студенческое самоуправление свершившимся фактом или же ему в большей степени присущи черты «призрака»?

Грустно признаваться в этом, но пока приходится говорить о «призраке». Мои первые собеседники — участники Всероссийской научно-практической конференции «Пути развития студенческого самоуправления», которая состоялась в городе Горьком. С. Тарасова, студентка Куйбышевского университета: «У нас «бурление» пока на уровне слов...», В. Морозов, ассистент Куйбышевско-

го политехнического института: «Мы, выстрадавшие идею самоуправления, еще и не думали о каких-то ощутимых результатах: сделан лишь первый шаг в перестройке сознания...»; Н. Казаринова, студентка ЛЭТИ: «Студенческое самоуправление в нынешней системе образования — вещь малореальная»; С. Мигранов, зам. секретаря комитета комсомола Башкирского университета: «Студенческое самоуправление так трудно внедряется потому, что есть противодействие со стороны тех, кому это невыгодно...» И уж совсем обескураживающими выглядят данные, полученные на состоявшемся в дни конференции студенческом диспуте: 85 процентов опрошенных выступили против идеи самоуправления...

А казалось бы, еще совсем недавно в ходе отчетно-выборной кампании, предшествовавшей XX съезду ВЛКСМ, не было, пожалуй, ни одного собрания, которое в конце концов не принимало бы лозунг: «Даешь студенческое самоуправление!» И вот, поди ж ты, когда пришло время переходить от слов к делу — случилась до боли знакомая ситуация, которую очень точно охарактеризовал в письме в ЦК ВЛКСМ студент из Донецка С. Митин: «Студентам дают власть в руки, а они норовят спрятать руки за спину...»

Беда многих из нас — недопонимание самой сути самоуправления. Одним оно представляется как жизнь без куратора, другим — как возможность безнаказанно проспать первую пару занятий, ну а третьи — и среди них много комсомольских активистов — видят в самоуправ-

лении некое подобие дубины, которой можно «страшнить» непокорных.

Существует расхожее мнение, что самоуправление внедряется «сверху», так сказать, в приказном порядке. Признаем, полагаю руку на сердце, на то есть определенные основания. Вспомним хотя бы сам факт появления совместного постановления Минвуза, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС. Для многих оно явилось неожиданностью. В студенческих аудиториях раздавались недоуменные вопросы: а почему никто не посоветовался с нами, студентами и преподавателями? Что ж, вопрос, как говорится, уместный и справедливый. Наверное, можно понять Минвуз, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ: они стремились не тянуть волокиту, а сделать все возможное, чтобы с нового учебного года самоуправление в стенах учебных заведений имело законное право на существование.

Одна из причин того, что самоуправленческие начала «со скрипом» входят в жизнь студенческих коллективов, — это половинчатое, извращенное, бюрократическое, по сути, осуществление на практике многих хороших идей, содержащихся в постановлении.

Присмотримся к тому, как реально работает один из механизмов самоуправления — участие студентов в работе ученых советов вузов и факультетов. Чисто формально — здесь нет никаких проблем. Члены «студенческой фракции» во всех вузах заседают в советах рядом со своими наставниками. Кажется,

все в ажуре. Но, честное слово, побывав во многих вузах и повстречавшись с немалым числом представителей этой «фракции», нередко задаешься вопросом: а те ли это люди? Кое-где студенческие делегаты в ученых советах уже после зимней сессии оказались за бортом вуза... Быть может, не ко двору пришлась их принципиальность, критика в адрес старших товарищей? Куда там... Причина, как правило, куда прозаичнее. За редким исключением, «бывшие» члены ученых советов оказались заурядными двоечниками. Причем и до своего избрания имели стойкую репутацию «хвостистов». Остается только гадать, как хронический двоечник С. Богомолов не только попал в члены ученого совета, но и возглавлял студенческое научное общество Горьковского медицинского института?..

Почему стали возможны такие факты? Да потому, что такое неординарное событие, как выборы студенческих представителей, способное всколыхнуть молодежь, породить состязательность умов и программ, выявить неформальных лидеров, сплошь и рядом превратили в заурядную бюрократическую затею.

Во многих вузах, например, выборы состоялись в совсем неподходящее время — в сентябре, когда одна, причем очень значительная, часть студентов была занята на сельхозработах, а другая отдыхала после стройотрядовского лета. На пятом курсе лечфака 2-го Московского мединститута представителя в ученый совет избирали тогда, когда на месте находилось не более трети студентов, да и то, что такие выборы состоятся вообще, ребятам сказали всего за день.

На некоторых факультетах Курганского машиностроительного института деканы применили доморощенную уловку — дали возможность студентам избрать в совет представителей больше, нежели самих мест. Ну а потом провели естественный отбор по принципу — удобных, «послушных карманных активистов» — в окончательный список, а потенциальных «смутьянов» — вычеркнули. А в Ярославском пединституте не стали утруждать себя никакими улов-

ками. Здесь просто посчитали, что штатные активисты, вроде секретарей факультетских комсомольских бюро и председателей студенческих деканатов, и есть те лица, которым уже по должности своей забронированы места в советах...

Нередко сталкиваешься и с тем, как суть подменяется формой, видимостью дела. В ряде вузов самыми верными признаками самоуправления всерьез предлагают считать всевозможные студенческие деканаты, комиссии, штабы и иные формирования, возникшие на «самоуправленческой волне». Нет, я не противник новых структур, но как часто еще на поверку оказывается, что решение об их создании принимается келейно, узким кругом комсомольского и профсоюзного актива, опять-таки без совета со студенческой массой. Итог чаще близок к плачевному — вырастают новые

бюрократические отростки. Трудно поверить, что с их помощью студенты смогут обрести уроки демократии. Скорее наоборот — еще больше усугубляется проблема формализма и формальных лидеров...

Печально, но факт: сильным тормозом на пути самоуправления является то обстоятельство, что в оппозицию к нему встала значительная часть вузовских педагогов. Немало и таких, кто вслух не рассуждает о пагубности самоуправления, но в то же время не спешит помочь студентам. Вам, дескать, дали права, вот вы сами и самоуправляйтесь, а мое дело — сторона. Первая реакция многих преподавателей была похожей на ту, которую «огласил» со страниц газеты «Ленинградский университет» Е. Жеглов: «Ну что, действительно, делать студенту в ученом совете? Пусть там заседают преподаватели, а студент

пусть учится. Какие студенческие интересы там можно отстаивать и у кого? У преподавателей, которые ломают головы над тем, как бы качественнее и разнообразнее обучить студента?»

Как это ни странно, но до сих пор не прекращаются споры о границах самоуправления, то есть к решению каких вопросов можно допустить студентов, а куда их следовало бы не подпускать и на пушечный выстрел. Вот, например, к какому выводу пришли недавно участники очередного пленума головного совета по биологии при Минвузе РСФСР. Они решили, что самоуправление — это очень хорошее начинание, если ограничить его самоуправлением в студенческих общежитиях.

Особое неудовольствие среди многих представителей преподавательского корпуса вызывает предоставление студентам права участвовать в оценке работы

их наставников. Например, ректор ГИТИСа рассказывал, что едва его избрали на эту должность, как на стол легло заявление от одного преподавателя, в котором прямо говорилось, что анкетирование есть безнравственная акция, противоречащая целям перестройки.

На VIII пленуме Ставропольского крайкома партии приводились такие факты: в крае более половины преподавателей упорно отстаивают свое право на пребывание вне зоны студенческой критики, осуждают введение студентов в ученые советы и предоставление им возможности влиять на подбор педагогов и оценку их деятельности.

Чего ждут студенты от своих наставников?

Во всяком случае, желают видеть в них не сторонних наблюдателей, не скептиков, а заинтересованных, деятельных уча-

стников становления студенческого самоуправления. Хотят, чтобы они были такими, как, например, декан факультета автоматизации управления Минского радиотехнического института М. П. Батура. Когда его спрашивают о стратегической линии в работе деканата, Михаил Павлович неизменно отвечает, что видит ее прежде всего в развитии студенческого самоуправления.

Чуть больше года существует на факультете студенческий совет по самоуправлению, а перемены тем не менее уже заметны. Первым делом студсовет осуществил пересмотр расписания. Недовольных им было немало: студенты четвертого-пятого курсов просили перенести занятия в пятый учебный корпус, — там расположены выпускающие кафедры, дающие 85 процентов занятий. У третьекурсников свои беды. В расписании стоя-

Поле — прилавок

Еще совсем недавно это могло бы восприниматься как нонсенс: студент летом на рынке? За прилавком? В то время, когда большинство его коллег либо на стройках трудового семестра, либо на практике?

Теперь мы к этому привыкаем...

Во всяком случае, студентки Волгоградского пединститута (вы их видите на снимках) считают свою работу — сбор и продажа овощей — вполне серьезным и ответственным делом. Они участницы

агроконвейера, работающего по принципу «поле — прилавок».

Подобные студенческие формирования действовали прошлым летом в 40 областных центрах страны.

Фото С. Кузнецова

ло: «лекция — физподготовка — лекция». Тоже не дело: какая же учеба после кросса! Совместными усилиями студсовета и деканата расписание удалось скорректировать с пользой для всех. Во время зимней сессии деканат вручил пятнадцати студентам удостоверения, позволяющие посещать экзамены. Идея себя оправдала, хотя, как посетовал Михаил Павлович, он ждал от ребят больше предложений и замечаний. Но это — дело поправимое.

Очень много зависит от того, как поведет себя администрация учебного заведения. Не спорю, есть прекрасные примеры, когда она всей душой относится к идее самоуправления, чутко прислушивается к голосу студентов, идет навстречу их инициативе. Но то пока отдельные примеры и никак не система. Похоже, иные ректоры считают, что, скрепив своей подписью приказы о введении студентов в ученые советы, они сняли проблему самоуправления с повестки дня. Но насколько весомо слово студента на совете? Как реагируют на его предложение?..

Вот что пишет В. Шадронов, студент Пермского политехнического института: «В состав ученого совета, к примеру, выбрано 18 студентов. На первом заседании «наших» присутствовало 16 человек. На втором — 5. На третьем — не знаю. На третьем я и сам не пошел: во-первых, счел, что вопросы, вынесенные в его повестку, — то вопросы не моей компетенции, а во-вторых — что я могу сделать, если ряды наши и дальше продолжают редеть такими темпами? Вспоминаю свое выступление на первом заседании... Выдвигал я и конкретные предложения по изменению курса некоторых учебных дисциплин... Судя по реакции слушателей, говорил я «по делу». Некоторые из преподавателей кивали... И все же в результате все мои «деловые предложения» остались на уровне разговора. Есть, дескать, и такое мнение...» К сожалению, подобная ситуация типична не только для Пермского политехнического. И не случайно потому, по данным социологических

опросов, 60 процентов студентов, избранных в члены ученых советов, считают свое пребывание там приносящим мало пользы. К слову сказать, плохо работают со «студенческой скамейкой» в ученых советах и комсомольские комитеты. Потому-то и не сплочена эта «скамейка», не умеет вести «парламентские дебаты», затрудняется порой определить и выразить позицию студенчества по вопросам самым конкретным.

Мало «провозгласить» демократию. Демократии надо учиться, причем учиться немедленно, сегодня. А учеба дается трудно. Многие комсомольские работники и активисты, столкнувшись со своего рода студенческой «оппозицией» самоуправления, растерялись. Что делать: ждать, пока все студенты «созреют» для того, чтобы самоуправляться, или же вводить самоуправление в директивном порядке? Дилемма... Но овладеть азбукой демократии можно только через конкретный социальный опыт. Нельзя научиться плавать, стоя на берегу. Как тут не вспомнить Ленина: «Разве может быть иной путь к обучению народа управлять самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики?»

Не грех вспомнить, сколь огромное значение придавала самому процессу выработки форм самоуправления Н. К. Крупская, которая и по сей день является, пожалуй, одним из весомых авторитетов в этом вопросе. Самое важное, не единожды повторяла она, чтобы молодежь сама дошла до определенных пусть очень несовершенных, но зато самостоятельных форм самоуправления.

Макаренко говорил, что самоуправление «может сделаться эффективным воспитательным средством». Обратите внимание: может сделаться. А может — и нет. Так неужели мы, получив шанс возродить студенческое самоуправление, когда-нибудь вздохнем с горьким сожалением: да, могли, но не сделали...

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

«Скажите, могу ли я, учась в институте (дневное отделение), работать на полную ставку, если учусь отлично и справляюсь с работой?»

Геннадий Старунчик, Иванов-Франковск».

Студенты дневного отделения высшего учебного заведения имеют право в свободное от учебы время работать в учреждениях, на предприятиях и в организациях, а также в вузах, где учатся, только неполный рабочий день и получать соответствующую зарплату.

Основание: п. 10 постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 5 мая 1942 года, № 629.

«Три года назад я закончила вуз. В этом году хотела поменять свою специальность, поступив в другой институт, но мне сказали, что все это очень сложно — с новым поступлением. Разъясните, пожалуйста, все эти сложности.

Ольга Марфутина, Иркутск».

В нашей стране еще много людей не имеют высшего образования. Поэтому Минвузом СССР (ныне Госкомитет СССР по народному образованию) установлен порядок получения второго высшего образования. Так, согласно инструктивному письму Минвуза СССР от 2 февраля 1961 года, № И — 11, имеющие одно высшее образование могут поступить в другой вуз при наличии ходатайства с места работы о необходимости получения второй специальности по роду деятельности. При этом выпускники могут поступать и на дневное отделение, если они отработали по распределению не менее трех лет, а на заочное, вечернее — независимо от срока отработки.

Без указанного выше ходатайства имеющие одно высшее образование могут поступать в другой вуз только на дневное отделение, если по состоянию здоровья они не могут работать по специальности, полученной в вузе раньше.

О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе *

Игорь Акимов, Виктор Клименко

Движение рождается вне нас

Психомоторика многолика. Вы узнали только один ее механизм: мысль-движение (или движение-мысль), но столь же правомерны и другие механизмы: чувство-движение и эмоция-движение.

Не правда ли, напрашивается объединение мысли, чувства и эмоции в одну целостность? Так зачем сдерживать себя, отказывать себе в таком доступном удовольствии? Действительно, эти три свойства — три части, три ступени последовательного познания мира. Эмоция фиксирует любой новый предмет из окружающего нас мира. Здесь предмет — это абсолютно любое проявление окружающего мира: человек, нож, запах, радиация, действие, — повторяем, абсолютно все, что можно увидеть или почувствовать. Из предыдущей главы об энергопотенциале вы знаете, что эмоция — это реакция нашей энергетики; движение, разбуженное каждым новым предметом. Реакция (эмоция) положительная — значит, наш энергопотенциал растет; реакция отрицательная — мы энергопотенциал теряем. Значит, фиксация любого нового предмета — это как бы замыкание, запуск в работу, включение энергетической сети.

Если с эмоцией вы мало-мальски разобрались, нетрудно понять, что делает чувство. Чувство означает, что мы вошли в контакт с тем самым предметом и осознаем отношение к нему (люблю — не люблю, нравится — не нравится, полезно — вредно).

Наконец, мысль — это свидетельство, что мы уже овладели предметом. Разумеется, не буквально овладели. Но понять, что происходит, понять, с чем мы

имеем дело, понять, как оно действует (необязательно правильно понять — мы создали какую-то модель отношений с новым предметом, вот в чем сущность мысли), — это и означает овладеть предметом.

Как мысль выражается в движении, вы уже знаете из предыдущей главки. Рассмотрим, как это получается у чувства.

Вы сидите в кино, а на экране автомобиль мчится по виражам горной дороги; или шлюпка борется в океане с огромными волнами. Если это снято не со стороны (средним или дальним планом), а крупно, то есть как бы увидено вашими глазами, то вы будете отклоняться во время поворотов машины или вцепляться в подлокотники кресла, когда шлюпка летит вниз, или вжимать голову в плечи, когда на нее обрушивается волна.

Вы смотрите на стадионе футбол. Если перед вами не просто тяжелая работа или жлобское перебрасывание мячом, а настоящая игра (значит, создается гармония), — вы заражаетесь происходящим на поле. Что значит заражаетесь? Вы входите в контакт с игрой и становитесь частью ее. И когда игрок обводит соперника, вы вместе с ним (в нем, воплощаясь в него) повторяете все его движения, и когда он бьет — вы бьете вместе с ним, и когда он добивается успеха и ликует, или его постигает неудача, и он переживает — вы ликуете и переживаете вместе с ним. Не только в душе, но и всем телом.

Вы встречаете человека, который вам приятен, нравится, дорог. Обратили внимание? Вас так и тянет войти с ним в контакт. Причем не в условный контакт — вас тянет буквально подержаться за него. (Точно так же неприятного вам человека вы физически избегаете, уклоняетесь, сопротивляетесь сближению с ним, переходите

на другую сторону улицы, находите любые благовидные предлоги, чтобы не оказаться в одном с ним месте.) Поэтому хорошему знакомому вы с удовольствием подаете руку, с другом — обнимаетесь, с родными и любимыми — целуетесь.

Это все чувства, выраженные в движении.

Когда слово становится ядом

Футболист сделал финт и обыграл соперника. Как в этом случае поступите вы?

Если вы оценили красоту финта и поняли, что обыгравший вас футболист технически сильнее и у вас нет шансов в борьбе с ним, вы можете поблагодарить его аплодисментами (если вы человек творческий и превыше всего ставите гармонию) или же догоните и снова попытаете счастья в борьбе (если вы истинный игрок и спортсмен — это не одно и то же, но об этом после).

Оба эти варианта естественны для человека с нормальным или высоким энергопотенциалом. Но соперник нашего футболиста давно забыл, что значит быть в норме. Он живет в состоянии хронического утомления, причем иногда его заносит даже в зону переутомления — и тогда его организм спасается, останавливая эту жуткую работу на износ порывом мышц или связок или вспышкой какого-нибудь функционального нарушения, скажем геморроем. Он никогда не бывает здоров — все гриппы и простуды его; мир тускл; ничто уже не радует, зато раздражает буквально все. Он не живет — он терпит, и, когда в довершение всей этой дряни какой-то мальчишка на глазах тысяч болельщиков обводит его с помощью примитивного финта (и становится в этот момент как бы воплощением всех его неудач), он догоняет «обидчика» и хватает его за майку. Или бьет сзади по ногам. А когда тот упадет, еще и пинает...

Как это могло случиться?

Ведь он не хуже нас с вами знает, что так делать нельзя, что это безнравственно, подло; наконец, знает, что судья близко, и хорошо, если дело кончится желтой карточкой. (Мы не берем в расчет обычного случая,

* Продолжение. Начало в № 10.

когда его тренер — кстати, знаменитый и заслуженный человек, — на установке перед игрой прямо говорит: «Если видишь, что не можешь переиграть, затопчи его».) Но ему нечем оценить ситуацию (повторяем — энергопотенциал ничтожен), не из чего сформировать нравственное чувство (причина та же). Единственный механизм, который у него в какой-то степени обеспечен энергетикой, — это эмоция-движение. Его обвели — он ощутил себя оскорбленным, и возникшая отрицательная эмоция толкает его на действия, которые он не только не контролирует, но даже и не осознает. Потом, через несколько секунд, стресс сообщит ему достаточно энергии, чтоб возникло нравственное чувство (разумеется, при условии, что в нем еще цел эталон гармонии, достаточный, чтобы это чувство сформировать; как вы понимаете, когда на месте этого эталона поселяется цинизм, ни о каком нравственном чувстве говорить не приходится; потребуется другой образ жизни и другой — несравненно более высокий — уровень энергетики, чтобы появилась возможность восстановить внутреннюю гармонию и вновь стать доступным нравственному чувству; само собой, конечно же, это не может произойти; так же как для повышения энергопотенциала требуется терпеливая и сознательная работа, точно такая же работа по восстановлению психомоторики требуется и для возрождения нравственного чувства),

и он в искреннем раскаянии схватится за голову: «господи, что же я наделал!..»

Значит, если человек находится на таком уровне энергетики, который может обеспечить только работу механизма эмоция-движение, он не контролирует ситуацию и уж тем более не руководит ею. Он находится во власти ситуации: куда подует ветер, туда и повернется флюгер.

Драки болельщиков спонтанны. Болельщик потому и болельщик, а не зритель, объективно оценивающий происходящее на поле, что в любимом игроке он видит себя, продолжение себя. Он так же утомлен и болен и загнан жизнью в

Живопись А. Мицана

угол, как его кумир, и так же делает вид, что у него все в порядке, и так же боится заглядывать в завтрашний день. Впрочем, для этой, такой обычной для вас работы ни у футболиста, ни у болельщика просто нет сил, и поэтому тоже — ощущая свою сродственную трагичность — они понимают и любят друг друга и презирают благополучного вас.

Вот почему болельщику-фанату не требуется особой причины, чтобы ударить соседа. Любой повод хорош: пропущенный гол, грубая игра соперника (а тем более — подлая игра), подтрунивание соседа, даже просто неосторожное слово, — и срабатывает известный вам механизм: отрицательная эмоция — кулаки. Ну а если контроль к тому же ослаблен свеженькой водчонкой, то процесс и вовсе идет как по маслу.

Квартирные ссоры запускаются тем же механизмом. Человек с нормальным — а уж тем более с избыточным энерго-

потенциалом — спокоен. Он защищен собственной энергетикой, как броней, не только от вирусов и инфекций, но и от негативных эмоций, чувств и мыслей. Он самодостаточен, поэтому не нуждается в постоянной комплиментарной подпитке со стороны. Но стоит ему растратить энергопотенциал — и он словно теряет свое лицо. Нет защиты — он кругом уязвим, и даже если никто не собирается его уязвлять, в любом слове, в любом жесте, в любом действии (даже сколь угодно доброжелательном) ему чудится злой подтекст. Если это и не прямое посягательство на его гордость, то намек на его слабость, намерение притеснить, воспользоваться его положением или состоянием. Поэтому, если уровень энергетики хоть чуть-чуть жизнеспособен — все ограничивается брюзжанием, самонакручиванием, недовольством. Но достаточно любого повода для запуска отрицательной эмоции (при ней энерго-

потенциал стремительно теряется) — и не владеющий собой человек устраивает объективно ничем не спровоцированный скандал.

«Зачем арапа своего...»

Принято считать, что ревность — свидетельство силы любви. Ничего подобного! Даже напротив: ревность — свидетельство слабости. Доказать это очень просто.

Любовь

(подчеркнем — любая любовь: любовь матери к детям, любовь детей к родителям, любовь к родине, любовь к близкому человеку, любовь к делу, к животным, к природе и так далее)

имеет знак, по которому ее можно узнать сразу: это потребность отдавать себя, самое лучшее в себе предмету любви. Если вы действительно любите — вы не можете иначе. Потому что это — единственное необходимое условие любви. Все остальное — от ума, от обстоятельств. Нет самоотдачи — значит, вы пытаетесь обмануть себя. Или кого-то другого. Но это уже совсем иная тема, к психомоторике никакого отношения не имеющая.

Любовь — беспроигрышная игра; уже известный вам закон — «чем больше отдаешь, тем больше остается» — здесь работает наглядно и убедительно. Если человек любил хоть раз по-настоящему, он будет помнить те ощущения полета в красочном, радостном мире до последнего своего вздоха. А такой полет, как вы уже знаете, возможен только при высочайшем энергопотенциале. Ведь чтоб отдавать, нужно иметь что отдавать. И чтоб отдавать с радостью, с наслаждением, нужно, чтобы вы черпали в себе свободной и щедрой рукой. Потому что если придется скрести по своим сусекам, то любая отдача вызовет только отрицательные эмоции — нормальная реакция при заниженном энергопотенциале.

Итак, любовь — это символ бескорыстности, символ самоотверженности и самоотречения. Она щедра; она открыта всему миру. И вдруг — ревность... желание удержать, при-

своить, отгородить, никого не подпустить — мое! только мое! никому не дам! если не мне — то и никому!..

Неужели это — совместимо? Быть может — две стороны одной медали?

Нет, конечно. Обратная сторона любви — ненависть. Любовь все стерпит, пока жива, то есть пока ее поддерживает избыточный энергопотенциал. Но стоит его утратить (напомним самые главные причины: болезнь и хроническое переутомление), как вчерашний предмет любви становится источником отрицательных эмоций. И тогда никакие слова, никакие поступки, никакие напоминания о вчерашней благодати не могут пробиться к душе, которая закрылась наглухо, закрылась по очень простой и известной вам причине: чтобы сберечь жалкие крохи энергопотенциала. Значит, чтобы возродить любовь (попытаться ее возродить), надо поднять энергопотенциал хотя бы до такого уровня, чтобы человек раскрылся. Вы сами потеряли энергопотенциал — работайте над собой; иссяк ваш предмет любви — помогите ему вернуться к норме. Другого пути нет.

Заметили? О ревности в этом процессе утрат и приобретений — ни слова. Потому что ей в этом процессе нет места. Потому что она просто не имеет отношения к любви.

Потому что ревность — это эмоциональное выражение собственного инстинкта.

У человека пониженный энергопотенциал. Прежде, когда энергетика была в порядке, он был уверен не только в себе, но и в своих делах, и в близком человеке. Утрата энергопотенциала лишает привычный мир фундамента. Человек чувствует, что он стал другим, что поддерживать и окружающую и внутреннюю среду он не в силах. Тут бы ему умерить свои притязания, найти равновесие утраченного мира. Так нет же! — не хочет ни от чего отказываться. И вот что получается: поскольку все силы тратятся на потуги сохранить личный мир в прежних пределах, то любое изменение в этой среде (любой предмет, слово, действие, даже если все это возникло лишь в воображении) вызывает отрицательные эмоции.

Чтобы вспыхнула ревность, не требуется повода — достаточно его вообразить. Возникшая отрицательная эмоция стремительно истощает и без того жалкий энергопотенциал, поэтому мудрость тела пытается пресечь этот процесс единственно доступным ему путем — движением. Ах, ты вон как на него поглядела?! Получай по морде лица.

Но как быть с мавром? Ведь он задушил Дездемону, которую любил, о чем сам поведал с умилением: «Она меня за муки полюбила, а я ее — за сострадание к ним». Раз любил — значит, имел порядочный энергопотенциал. Откуда же было взяты ревности?

Ну, во-первых, про любовь — это только слова, мавр не подтвердил ее ни единым действием. А вот ревность бесспорна: задушил, причем безосновательно (хотя и не без провокации добрых людей), клянувшись на смехотворную улику.

Во-вторых, если проследить события внимательно, обнаружим, что мавр нигде не проявляет мало-мальски значительной энергетике. И это не случайно: 1) видимо, он был далеко не молод; 2) раны и хрестоматийно знаменитые муки подорвали его здоровье; 3) наконец, его чувство было рождено не самой Дездемоной, а ее отношением к нему. Возможно, Дездемона действительно любила мавра (она была молода, здорова, в поре, когда разгорается потребность материнства, значит, на гребне энергетической волны), но он-то мог ей ответить только признательностью. Нежностью. Лаской. Вниманием. Значит — получувствами, полуэмоциями. Потому что на большее он не был способен — ему просто нечем было любить. И стоило офицерам спровоцировать в нем ревность (один — намеренно, другой даже и не помышлял об этом, но мавру было достаточно и того, что «соперник» молод), как эта отрицательная эмоция проколола его яркий радужный шар, который оказался на первую же поверку мыльным пузырем. Чувствуя, как почва уходит из-под ног, и инстинктивно пытаясь утвердиться действием, он задушил Дездемону — уничтожил причину отрицательных эмоций, но на это действие, на

эту попытку спастись ушли остатки его энергопотенциала. Жить было больше нечем — и он покончил с собой (вспомните механизм мысль-действие).

Мораль: 1) Любое чувство — в том числе и любовь — возникает самопроизвольно и не поддается управлению.

2) Любая эмоция — в том числе и ревность — возникает самопроизвольно и не поддается управлению.

3) Попытка управлять чувством (посредством воли) превращает его в мысль и тем убивает чувство.

4) Попытка управлять эмоцией (опять же посредством воли) опустошает энергопотенциал, выводя человека на границу дозволенного. Здесь любой пустяк может вызвать взрыв (аффект).

5) Ревность начинается с поражения верхних отделов желудочно-кишечного тракта и стимулирует саморазрушение вплоть до самоуничтожения.

6) Делайте! Двигайтесь! Займите ваши руки полезной и приятной работой — вот первое

средство от разрушительных ударов ревности.

7) Если вы ревнивы — значит, ваш энергопотенциал зажат между уровнем самосохранения и нижней границей дозволенного. Пока не поздно — займитесь собой!

Пространство души

Трагедия ревности

(а это действительно трагедия: человек искренне считает, что имеет право на то, что ему не принадлежит; и объяснить его неправоту ему невозможно: его энергопотенциал столь мал, что он не в силах разглядеть себя в зеркале чужих слов, доводов и поступков; его сил хватает лишь на то, чтобы на самом примитивном уровне: мое — не мое, хочу — не хочу, могу — не могу — квалифицировать свое поведение; и эта оценка столь проста и ясна, что он ее принимает за истину)

вынуждает нас поговорить о территориальном императиве. Пусть вас не смущает этот

серьезный термин. Он означает (в приложении к любому живому существу, значит, и к человеку), что для нормального существования нам необходим некий пространственный жизненный минимум (моя территория). И мы — чтобы выжить — защищаем его от любого посягательства.

Территория улитки — не только ее хрупкий домик, но и тот, скажем, квадратный метр земли, с которого она кормится и на который ее соседи, обнаружив ее след, не посягают.

Территория собаки — не только ее будка (квартира), но и та часть улицы, которую она застолбила, поднимая в приметных местах заднюю лапу. И пусть это сделала плюгавая болонка — закон есть закон, и если после нее на улице появится огромный дог, он не станет оспаривать ее прав, а будет как-то приспосабливаться к обстоятельствам.

Территория человека... никто не знает, какой ему нужен минимум, чтобы в нем человек ощущал себя свободным, был

самим собой, а не в роли ребенка, отца, сослуживца, пешехода, пассажира и так далее. Ясно одно: территория гения — весь мир, даже если гений этот ютится в отшельнической келье; территория коллекционера — комнатка, где стоят шкафы с его коллекцией. Остальная квартира, семья, служба, социальные связи — все это не его, неинтересно ему, и если он в соответствующих ситуациях исполняет какие-то роли, так только для того, чтобы его оставили в покое, не посягали на истинную его территорию — комнатку с коллекцией.

В чем главное отличие гения от коллекционера?

В величине энергопотенциала.

У гения он огромен, весь мир — его дом; у коллекционера энергии хватает только на самосохранение, и коллекция — его хрупкая раковина, его призрачная защита от посягательств на его территорию.

Но не торопитесь делать вывод, что энергопотенциалом объясняются все наши отношения с территориальным императивом. Энергопотенциал показывает только наши возможности осваивать территорию. Границы же ее очерчены нашей критичностью (где заканчивается мое и начинается чужое, где заканчивается знание и начинается незнание, где заканчивается освоенное и начинается неосвоенное). Психомоторика же показывает уровень освоения территории.

Как это понимать?

Человек на уровне эмоций практически лишен своей территории. Его императив ограничен собственным телом, но и эта малость все время под угрозой, и за нее все время приходится бороться, потому что окружающие при любом удобном случае посягают на его личность, лезут в душу, норовят сдвинуть, согнать с нагретого местечка, превратить в безликий придаток себя. И он, разумеется, по отношению к окружающим ведет себя точно так же.

Человек на уровне чувств доволен жизнью: он пометил свою территорию, застолбил ее; на ней он единственный и абсолютный правитель. Детство решило его судьбу; детство сформировало его чувство ме-

ры, вкусы и пределы его интересов. Потом — всю жизнь он будет снова и снова возделывать однажды выбранное поле, вся человеческая культура будет в его распоряжении, и хотя он не создаст ничего стоящего

(не будем говорить ему об этом — зачем огорчать хорошего человека, тем более что пользы от этой правды нуль — ведь он просто не поймет нас, да если б и понял, вряд ли попытался бы что-либо менять: повторяем — он доволен жизнью, и это главный его отличительный признак),

зато и вреда не принесет. Кстати, на уровне эмоций его территория будет подвергаться иногда даже большему давлению, чем у его менее счастливого собрата (обыкновенная неосознанная месть: не возникай!), но человек на уровне чувств переносит это легко и почти без потерь. Защитой ему — энергопотенциал, а утешением — недостижимость для любых посягательств его территории, его чудно возделанного райского сада, яблоками которого он подкрепляет свои силы, чтобы жизнь не казалась уж слишком скверной.

Человек на уровне интуиции счастлив, поскольку контролируемая им территория расширяется, как наша Вселенная. Это ощущение — ощущение истинного счастья — недоступно пониманию людей с ограниченным энергопотенциалом. Посудите сами. Человек на уровне эмоций счастлив (оставим на его совести эту оценку) уже оттого, что его не трогают, не дергают, не давят, не понукают; что на службе спокойно, что дети не болеют. Значит, ощущение покоя для него синоним счастья.

Человек на уровне чувств — не отдавая себе в том отчета — вторичен в своем открытии мира прекрасного. Он только потребляет. Возделывая свой сад, в каждом движении, в каждом ощущении он переживает то, что пережили до него тысячи и тысячи людей — вслед за кем-то, самым первым. Тот создал — и тем научил; все остальные пользуются его плодами, глотают приготовленные им котлеты, и как бы ни были их чувства прекрасны — никуда от истины не уйти: они — потре-

бители. Значит, для них ощущение причастности — синоним счастья.

Представьте: человек прочитал Шекспира и Данте, знает — и может исполнить! — Моцарта, понимает живопись, имеет завидное чувство меры... Естественно предположить, как он преобразуется, осваивая вершины человеческого духа! Как он вырастает в процессе этого освоения, приобщения, накопления!.. Не умиляйтесь — с ним ничего не происходит. Прочитал, послушал, посмотрел — наслаждался! — а в душе все осталось как прежде. Почему? Энергопотенциал не позволяет хоть на какую-то малость расширить однажды отмеренную территорию.

Он уже на уровне интуиции

Почему один ученик учится хорошо, а другой — плохо? Потому что первый сознательный? Или на него давят сильнее? Или у него выше умственные данные? Или же он просто лучше второго по каким-то, скажем, нравственным качествам? Нет. Просто у первого есть перспектива. Он узнал, что значит быть первым, и это понравилось ему. Первым в школе, в классе, в группе (все это — границы территориальных притязаний), даже по сравнению с каким-то одним (но обязательно заметным среди других) учеником. И этот постоянный маленький успех, постоянное приращение территории делает его жизнь в школе не просто сносной, но и наполненной смыслом.

(Извините, кажется, мы поспешили начать разговор о человеке творческом — человеке на уровне интуиции. Поэтому обрываем главу, как говорится, посреди слова. Потерпите немного — скоро мы к ней вернемся.)

Почему миром правят середняки

Кто самый заметный в любом классе?

Во-первых, одаренные ученики (к ним подключим и тех, кто берет памятью; значит, тоже не прилагает для успеха большого

труда). Во-вторых, хитрованы, которые то ли считают, что безнадежно отстали от остальных — и даже не пытаются их нагнать, то ли сверхтрудная программа и порочная педагогика закрыли им путь к успеху, — и они только делают вид, что учатся. На самом же деле все их усилия направлены на то, чтобы с минимальными затратами достичь максимально возможного успеха. Списать, воспользоваться шпаргалкой, улизнуть, избежать малейшей трудности — вот в чем смысл их азартной игры (источник их положительных эмоций). Их успех — их не ругают ни в школе, ни дома; у студента — чтоб не выгнали; у рабочего — чтоб получать как можно больше, а трудиться поменьше (территориальный императив примитивного типа).

Что же получается?

После десяти лет сидения в школе первые напрочь отвыкают трудиться. Вторые — овладевают искусством имитации деятельности, иначе говоря, становятся «бурными бездельниками». Первые бесплодны, потому что любая мало-мальски серьезная задача вызывает

у них растерянность: нет способности к сосредоточению, к напряженному битью в одну точку. А повторная неудача делает их законченными творческими импотентами. Вторые бесплодны потому, что они кормятся не решением задачи (что для них просто-напросто недоступно), а существованием при задаче. Они хорошо усвоили: решение задачи требует усилий, времени и средств. Значит, если имитировать усилия, то можно на протяжении некоторого времени получить необходимые для жизни средства. И вот годами, десятилетиями не решаются простейшие задачи. Во-первых, потому, что решить их некому. Во-вторых, это просто невыгодно. И так продолжается до тех пор, пока все окружающие осознают, что потребность в решении задачи отпала, или же пока все не узнают, что решение уже давно есть.

Кто же решает задачи?

Увы, и в школе, и на производстве — середняки. Те, которые старательно одолевали школьную программу, а теперь работают по чужой программе с 9 утра до 6 вечера.

Пространство души (продолжение)

Итак, вернемся к территориальному императиву.

Как вы, наверное, обратили внимание, у него двойственная природа. На примитивном уровне он подразумевает жизненное пространство: кров, возможность добывать пищу, отдых, продолжение рода, забота о завтрашнем дне, потребность в наслаждении, — значит, уровень инстинктов и эмоций. Уровень рядового горожанина. На работе его жизненное пространство условно: сегодня он возле станка или в этом кабинете, но никто не поручится за его завтрашний день. На улице он и вовсе бесправен: его могут оттолкнуть, обругать, задавить. Дома — террор близких: все претендуют на его силы, время, внимание — он всем обязан, а если попытается защититься, то будет немедленно заклеимен: эгоист. Учтите: сил у него нет, нервы на пределе, а за окнами круглосуточный рев моторов, за стеной соседский юнец испытывает прочность барабанных перепонок ревущими дина-

миками, над головой соседские дети играют в пятнашки и роняют на пол стулья. И целый день кругом люди, люди, люди, лица мелькают, звучат какие-то слова — ни минуты покоя. Даже ночью, потому что он не может похвалиться и сном, потому что во сне он снова и снова переживает все те же ситуации, что и днем, только в куда более острых вариантах. Повторяем: его жизненное пространство подразумевает и значительные расстояния, и множество ролей, но, по сути, ему не принадлежит ничего, даже от своего тела он отчужден.

Как же почувствовать себя живым? Как же ощутить себя человеком?

Одни спасаются, вырываясь на природу. Счастье-то какое! — ни души вокруг, только пташка цвиринькает, и от горячей земли муравьями пахнет, и бабочка на соседней травинке то поднимет крылья, то опустит — и никто, никто! — на тебя не претендует, никому до тебя нет дела: хочешь — лежи, хочешь — иди. Да что там — живи!..

Других выручают половые связи. Разумеется, мы имеем в виду не «коллекционеров», не тех, для кого это своеобразный спорт, и, наконец, не тех, кто этим занимается от скуки: можно пойти в кино или посидеть в кафе и поесть мороженое, а можно — и в койку. Мы имеем в виду половую связь как спасательный круг, как возможность вырваться из каждодневной рутины. О любви здесь нет и речи, поскольку на любовь наш герой не способен — ему нечем любить (хотя, конечно же, мечтает о ней и каждый раз надеется: вдруг она!..). Да он и не ищет любви! На час, на два он лишается привычных оков, ускользает из-под привычного пресса, избавляется от сосущих, опустошающих, вездесущих отрицательных эмоций (а поскольку нейтрального состояния нет, он оказывается в атмосфере положительных эмоций). Он живет в призрачном мире, играет в игру-семью, в игру-любовь, стараясь забыть, что через час, через два кончится игра — и он покорно под-

ставит намозоленную шею под привычный хомут. Но теперь ему будет легче тянуть свою повозку: морковка следующей встречи, следующего минутного освобождения от хомута будет болтаться перед носом, будет щекотать ноздри свежим ароматом, будет обещать свободу. Пусть и призрачную — все же свободу!..

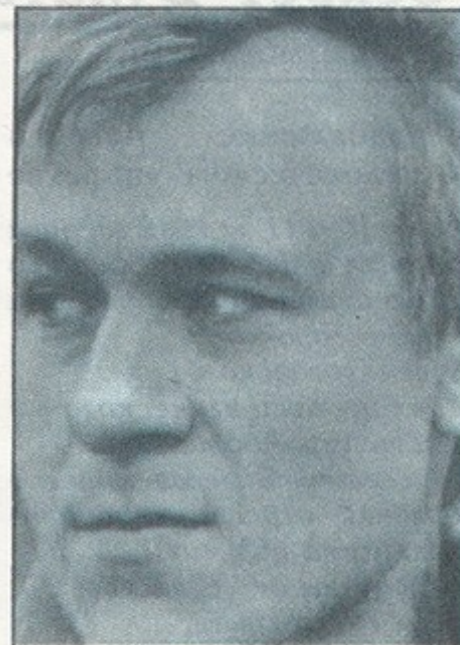
Вот почему длительные ухаживания вышли из практики. Только платоническая любовь способна выдержать испытание временем, что и неудивительно: ведь это, по сути, обожание себя, любимого, обожание созданного в душе идеала; это счастливая роль Пигмалиона, который чем дольше любит свою Галатею, тем более замечательной ее находит. А истинная взаимная любовь не терпит сроков: две половинки одного целого сближаются стремительно ради взрыва, энергию для которого они копили в себе всю предшествующую жизнь.

То же и при половой связи. Все, что предшествует ей, все, что сопровождает ее и ей последует, не имеет значения. Важен сам ее факт, ее функция, ее способность вырвать на миг из-под пресса и дать возможность свободно глотнуть воздуха.

Наконец, третьи находят себя в хобби. Хобби вошли в моду, получили широчайшее распространение не случайно. Коллекционируя, вырезая по дереву, плетя макраме, разводя рыбок, содержа комнатных животных, человек расширяет свою территорию. Хобби — безотказный источник положительных эмоций, поэтому — и спасительная раковина, и аккумулятор. Пастуху не требуется хобби, мир перед ним распахнут, а для горожанина это способ ускользнуть из-под пресса, потому что хобби на минуту, на час, на два переносит его в мир чувств — уровень, о котором, таща свою повозку, он не смеет мечтать.

Продолжение следует.

НАШ
ВЕРНИСАЖ

Взгляд художника

Эти картины вызывают странное чувство.

Их тематика подчеркнута случайно. Взгляд художника спокоен и немного отрешен. За спокойствием же не сразу различим настойчивый поиск подтверждения веры в осмысленность каждого фрагмента окружающего мира. Но догадка требует художественного анализа. Тщательное исследование точной кистью обнажает потаенную структуру вещей и выявляет несомненный смысл случайности.

Привычное обличье реалистической живописи обманчиво. Прищуренный взгляд приверженца классической школы рисования неожиданно сменяется внимательным взглядом фотографа, цепко фиксирующего детали, составляющие пространство картины. Для нас важен результат этих поисков. Художник великодушно старается для всех — ведь открытие мира, непосильно в одиночку.

Эта серия картин молодого живописца, которую мы вам представляем, позволяет надеяться, что знакомство было не случайным. Оно может быть продолжено на любой выставке, участником которой будет ваш хороший знакомый — Александр Мищан!

Андрей Лобашинский

Секрет Булата

Игорь Цыбульский

Продолжение повести о человеческом упорстве

В № 10 и 11 за 1982 год наш журнал впервые сообщил о замечательном изобретении профессора

Магнитогорского горнометаллургического института Абдрашида Мусеевича Бигеева. Тяжело больная отрасль народного хозяйства получит спасительное средство. Я, чего греха таить, прикидывал, как буду писать о присвоении Абдрашиду Мусеевичу Государственной, а скорее, в силу глобального масштаба его изобретения, Ленинской премии. В успехе эксперимента по созданию принципиально нового металлургического комплекса я не сомневался. Однако время шло, и в 1984 году пришлось писать продолжение.

Тогда уже я почувствовал, что повествование наше затягивается, и обозначил публикацию как очередную главу.

Удивительно, но факт, руководство отраслью сомкнутыми рядами выступило против новой металлургии. Да неужто можно так бесповоротно отвергать руку с лекарством?!

Известно, что все планы с треском провалены, недалек, кажется, час, когда руководителей отрасли начнут высаживать из обжитых, горячо любимых кресел. И они не желают спасать гибнущее дело или хотя бы самих себя?!

Впрочем, напрасно я беспокоился. Несмотря на очевидные провалы, руководители ритмично, согласно давно утвержденной разрядке, получали премии и ордена. Спасительный проект Бигеева волновал их не

больше, чем полет на Марс.

В апреле 1985 года состоялся исторический Пленум ЦК КПСС. Эпоха звонких лозунгов, золотого сияния, шелеста знамен и продолжительных аплодисментов, заглушавших гул надвигающейся катастрофы, завершилась.

Наступило время Бигеева. В этом я был убежден.

Прошел еще год. В металлургии, однако, ничего существенного не случилось.

Пришлось писать продолжение повести, маленькой она уже сама по себе перестала быть, и ставить порядковый номер — глава четвертая.

Возникло ощущение кошмарного сна. Спешись из всех сил, а ватные, бессильные ноги отказываются двигаться.

Что же выходит? Объявлено время великих реформ в экономике, а перемены почему-то не наступают. Если раньше Бигееву отказывали, ссылаясь на мифические недостатки его проекта, то теперь на... хозрасчет и самофинансирование. В этом, согласитесь, что-то сатанинское проглядывает: «Вы на хозрасчет надеялись, а мы вас этим хозрасчетом — по голове!»

Способность бюрократии приспособляться поразительна! Она ничуть не меньше, чем у раковых клеток, которые настолько ловко маскируются под здоровые, что спасительное оружие живого — иммунитет — оказывается бессильным.

Бюрократия единым строем, будто по команде, сделала налево кругом и... Те же люди, что недавно свирепо провозглашали: «План — любой ценой!», теперь столь же грозно требуют внедрять хозрасчет и самофинансирование, неустанно развивать демократию и гласность. Высоко над головами они несут новый лозунг: «Наша цель — перестройка!»

Единственно, что скрыть все-таки невозможно, — это то, что шум речей и сияние новых лозунгов прикрывают, точно как и раньше, энергичную ходьбу на месте.

Парадокс! Перестройка в

стране, а Бигееву еще хуже, чем во времена застоя. Разом отброшено почти все, что ему удалось создать за десятилетия борьбы. Главная потеря — постановление Госкомитета по науке, согласно которому его проект был признан перспективным направлением на XII пятилетку. Это постановление, подписанное академиком Г. И. Марчуком, предполагало создать экспериментальный агрегат и в 1985 году получить первый металл. Благодаря этому постановлению в 1984 году созданы рабочие чертежи установки, оставалось получить строительную площадку и... Все, кто следит за нашими публикациями, знают, что строительство усилиями прежде всего Центрального научно-исследовательского института металлургии было сорвано. Отраслевая наука воздвигла непроходимые баррикады на пути чужака.

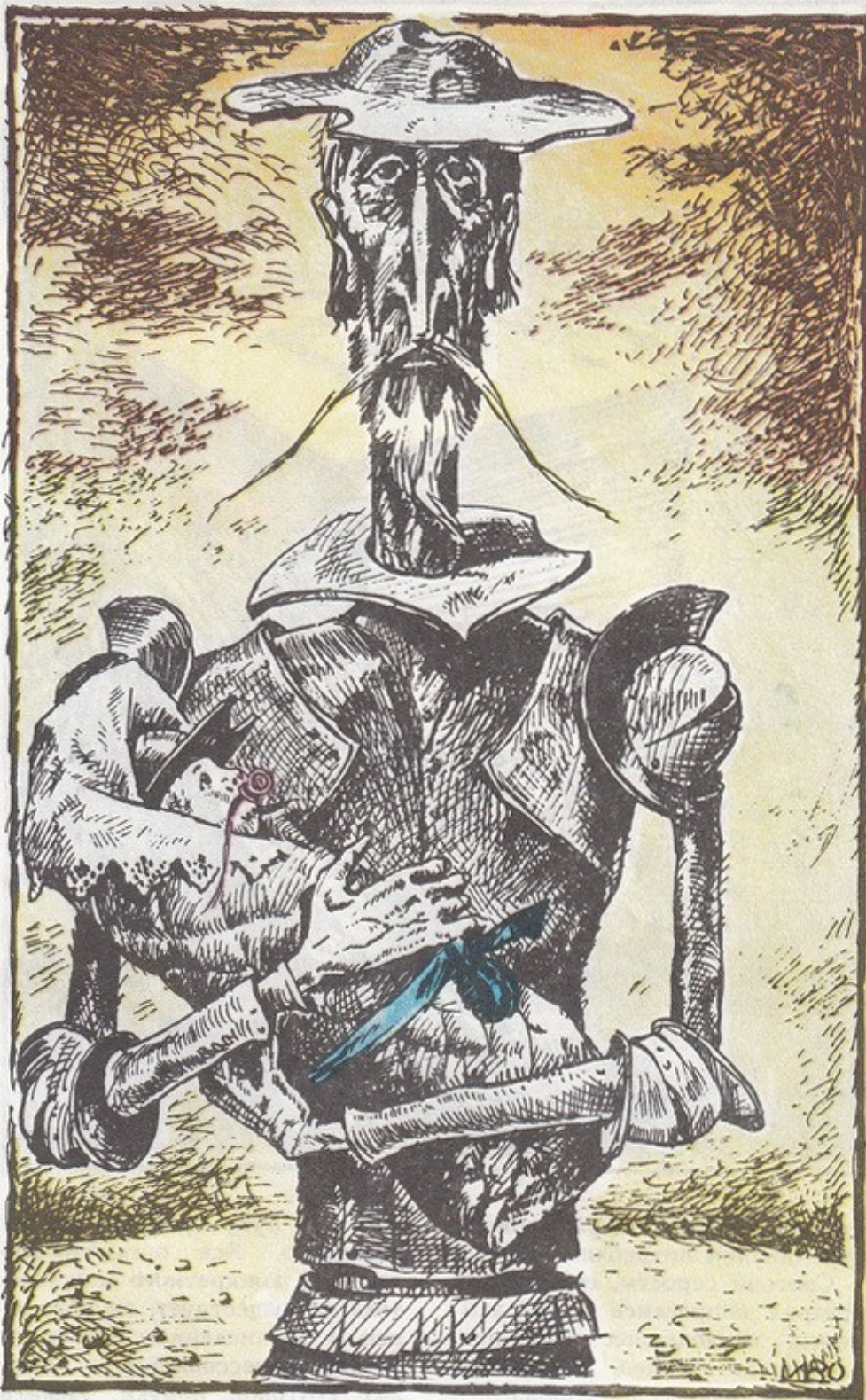
Конец 1987 года оказался едва ли не самым тяжелым временем в жизни Бигеева. Кажется, вернулись самые мрачные годы.

Первым сигналом стало факультетское партийное собрание. Тут был поставлен вопрос о малой практической отдаче кафедры, возглавляемой профессором А. М. Бигеевым. Тогда Абдрашид Мусеевич впервые услышал, что его работа не соответствует задачам самоокупаемости и хозрасчета.

Бигееву показалось, что он ослышался. Однако ораторы призывали его уделять больше внимания исследованиям, обещающим непосредственную отдачу в самое ближайшее время.

Одним словом, его призывали к тому, от чего он раз и навсегда отказался — латать дыры устаревшей технологии и приносить институту конкретные рубли по хоздоговорам.

Знакомый мотив. Напоминали об этом Бигееву не раз и не два до партсобрания, однако не доходило. Ректоры МГМИ, прежний и нынешний, защищали кафедру. Рябков и теперь не

бросил Бигеева на произвол судьбы, но... Ректору тоже нужна поддержка, ну хоть какой-то, хоть самый небольшой успех в новой металлургии.

Этого как раз и не было. И как нарочно, родной Магнитогорский металлургический комбинат после долгого раздумья окончательно отказал Бигееву в поддержке. Деликатно сослались на хозрасчет и самофинансирование. Комбинат с трудом сводит концы с концами, тут еще строительство кислородно-конвертерного цеха-гиганта, по мощности равного крупнейшему заводу, этим приходится заниматься, напрягая

все силы и вкладывая все средства. Какие уж тут эксперименты!

Самый тяжелый удар, однако, ожидал Бигеева в Минчермете. Здесь тоже очень беспокоились о хозрасчете и в этом свете пересматривали и перетряхивали прежние научно-технические идеи.

— Минчермет поддерживает то, что приносит доход, — объясняли ему, как маленькому. — Отрасль находится в трудном положении и не может позволить себе роскошь финансировать исследования с весьма отдаленной и к тому же неясной перспективой.

— Это как же понимать? — изумился Бигеев. — Перспективные разработки, выходит, не нужны?!

— Ну зачем вы так! Долговременные сложные исследования, требующие значительных капиталовложений, будут включаться в госзаказ по науке. Вполне возможно, что и ваш проект... Необходимо только, чтоб он был направлен в числе других перспективных разработок в ГКНТ...

— А кто направит?

— Кто же еще? Минчермет, конечно.

— И вы направите?

— Это мы сейчас и будем рассматривать...

— И что потом?

— В ГКНТ отберут наиболее перспективное и передадут в Совет Министров. То, что там утвердят, и будет госзаказ...

За какие-то дни все сделанное Бигеевым откатилось на позиции 1975 года, когда он только начинал осаду ЦНИИЧМ и технического управления Минчермета.

В том, что по самой сути своей хозрасчет нуждается именно в перспективных проектах, Бигеев не сомневался. В ноябре 1987 года, выступая на Всесоюзной конференции «Металл и научно-технический прогресс» в Москве, Абдрашид Мусеевич говорил, что переход народного хозяйства на хозрасчет и самофинансирование потребует от металлургов не ремонта и подновления, а коренного изменения, замены устаревших технологий. Это неизбежно. Всем потребителям, и прежде всего машиностроительному комплексу, необходим металл более высокого качества, а это при нынешнем положении потребует очень больших затрат. Станет дороже металл, возрастут цены на машины, продукцию всех отраслей, потребляющих металл. Эту разрушительную, как неуправляемая цепная реакция, тенденцию может остановить только коренное преобразование металлургии.

Предложения Бигеева были полностью включены в резолюцию конференции, а доклад опубликован в «Бюллетене информации Минчермета СССР». Безоговорочный успех, казалось бы. И вот в том же министер-

стве, что теоретически одобрило идею перестройки металлургии, Бигееву доказывают, что хозрасчет и самофинансирование не приемлют его проект?! Абсурд?!

Ничего подобного. Иначе и быть не могло. Там — теория, а тут — практика, там — идея, тут — жизнь. Экологическая ниша бюрократии находится как раз между ними. Допустить неконтролируемое естественное слияние двух главных пластов бытия для чиновника равносильно смертному приговору. Вот уж где буквально подтверждается основополагающий тезис любого авторитарного режима — разделяй и властвуй!

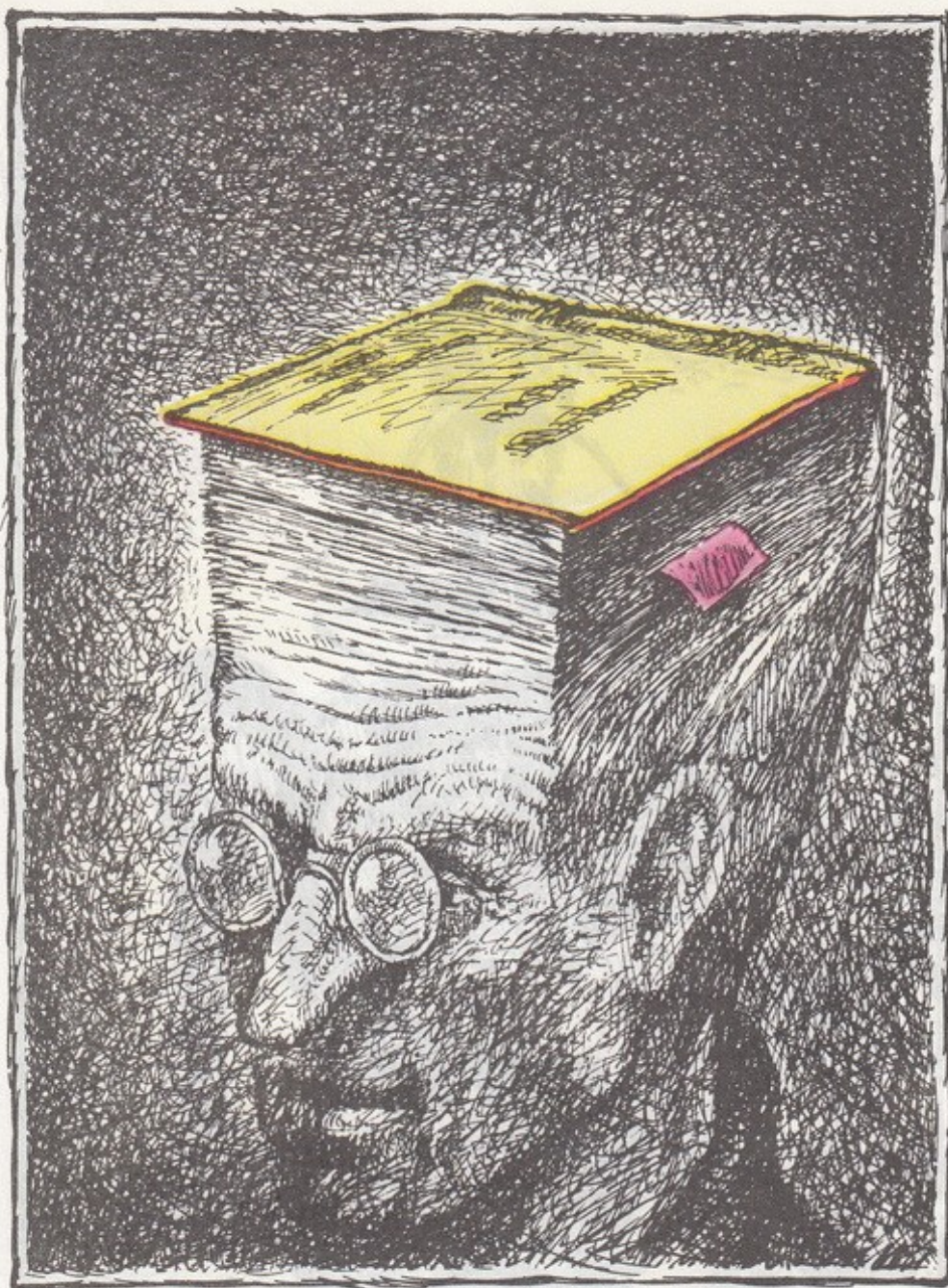
Бюрократия многолетним, упорным, порой кровавым трудом (вспомните тридцатые, сороковые годы, когда на костях миллионов строилась абсолютная власть аппарата) завоевала свое решающее право контролировать все сферы жизни, пропускать и поддерживать только то, что служит ее интересам.

Именно так, неустанно возводя плотины и дамбы, бюрократия превращает жизнь в спокойное, теплое болото.

Великие дела совершают великие люди. Только яркая, одаренная личность может увлечь, повести за собой массы. Революция немыслима без вождей и героев. Но вот переворот совершен, и незаметно в первые ряды начинает пробираться серость. Постепенно она накапливается, сливается и надежно отделяет толпу от лидера.

Серому человеку чужды порывы и вдохновение. Его мечта — спокойствие и стабильность, при которых он сам и его семья могли бы пользоваться всеми благами жизни. Как это отражается на состоянии общества, его не волнует.

Чтобы создать режим наибольшего благоприятствования, необходима власть. Вот единственный приз, за который серый человек сражается с первобытной, биологической яростью. Бюрократическая Административная Система есть, пожалуй, единственное, по-своему гениальное произведение в истории человечества, созданное коллективным разумом людей, лишенных способностей к творчеству и движению, но зато в высшей

Графика И. Смирнова

степени щедро награжденных стремлением потреблять.

Светочи серости, герои арьергарда напряглись и создали нечто, позволившее укротить стремление гениев, подчинить безграничную мощь народа.

Как же такое удалось?

Прежде всего они совершенно точно определили свое место — как раз между героем и народом, между мыслью и воплощением, между теорией и практикой. Ну а после того как позиция была захвачена, работа бюрократов неизбежно превратилась в планомерный, нередко сознательный саботаж. Чем больше трудностей, тем лучше чувствует себя бюрократ. Чем острее дефицит, тем доходнее должность распределяющего. Тут деятельность бюрократа вступает прямо на путь преступления.

При всем том поймать бюро-

крата за руку практически невозможно. Все организовано так, что конкретного исполнителя не существует, он растворен в бесчисленном множестве лиц, спрессованных в монолит круговой поруки. Искать конкретного вредителя — все равно что ловить черную кошку в темной комнате. Единственная возможность поймать — это зажечь свет.

В апреле 1985 свет включили.

Какая жуткая картина открылась!

Так хирург, начавший операцию, стоит над вскрытым телом. Да, он подозревал, что придется трудно, но тут не язва и не киста, а чудовищно разросшаяся опухоль, и у него нет времени, чтобы обдумать ситуацию и решить, делать сложнейшую операцию с непредсказуемым исходом или просто зашить разрез, оставив все, как есть,

потому что помочь уже нельзя.

За долгие десятилетия «административного» благополучия организм страны оказался пронизан метастазами коррупции и карьеризма, отравлен ядом двойной морали, и вся эта поднявшаяся до правительственных высот грязь бессовестно прикрывалась лозунгами строительства самого справедливого общества. Что ж, это, к сожалению, не первый случай в истории, когда ложь завладевает чистыми одеждами веры и встает к алтарю с единственной целью — грабить безнаказанно.

Читатели, надеюсь, простят мне этот несколько затянувшийся социологический экскурс, но, согласитесь, основные наши проблемы упираются в диктатуру бюрократии, которая никогда добровольно не уйдет с господствующим над жизнью высот. И хотя основная опухоль удалена, метастазы не менее опасны и возникают в самых неожиданных местах.

Кто бы мог подумать, что главную движущую силу экономической реформы — хозрасчет можно повернуть в бюрократическое русло и тормозить дело от имени перестройки?! Трудно такое представить, и тем не менее это происходит, если не повсеместно, то достаточно широко. Бюрократия умертвляет все, к чему прикасается. Даже саму борьбу с бюрократией она умудряется превратить в бессмысленную административную схему.

Итак, подведем промежуточные итоги. 1988 год Бигеев встречал у разбитого корыта. Положение кому угодно показалось бы безвыходным. Но безвыходность — это ощущение, и возникает оно, когда человек перестает бороться. Так Бигеев говорил студентам. Он имел на это право, он подтверждал это своей жизнью. Изобретателям приходится убеждаться в этом чаще, чем кому бы то ни было. Любую контору, по сути дела, им приходится брать штурмом, любую бумажку добывать в борьбе.

На этот раз, однако, крепость выглядела неприступной. Все мосты подняты, глубокие рвы полны воды, высоки стены. Эти бастионы способны сокрушить любое упорство.

Чтоб произошел качествен-

ный сдвиг, трудности должны достигнуть предела, а все традиционные методы — доказать свою несостоятельность. Тогда в непроглядной темноте отчаяния вспыхивает молния, рождается мысль.

Это открытие Бигеева носило не технический, а социальный характер и состояло, по сути, в том, что он сумел взглянуть на происходящее со стороны, точнее, со стороны противника.

Бигеев увидел все как бы оттуда, из крепости, которую он много лет подряд осаждал.

Оказывается, здесь не так уж спокойно. И многие понимали, что та металлургия, на которой стоит Минчермет, дышит на ладан. И многие чувствовали, что приближается судный день, когда государственный план будет провален по всем показателям. На всех этажах, во всех кабинетах обсуждались проекты спасения. Здесь, оказывается, не так уж непримиримо относились к изобретателям и свежим техническим идеям, но при одном неперемennom условии — все новое должно работать на укрепление существующего порядка. Спасись, ничего не меняя, — вот главный лозунг министерского поиска.

Когда Бигеев уразумел ситуацию, ему открылся простой до изумления план. Ведь у него есть для Минчермета замечательный подарок!

Что же предложил Бигеев? Всего-навсего новую технологию переработки лома. Того самого железного хлама, который так любят собирать пионеры и без которого металлургия просто не может существовать.

Дело в том, что в нашей стране сталь изготавливается из чугуна и железного лома в соотношении 55 на 45 процентов. Лом расплавляется в жидком чугуне, для этого необходимо поддерживать высокую температуру. Тут и происходят основные потери энергии, тут растет стоимость выплавляемой стали.

Ну так пусть этот разорительный лом гниет себе и разлагается на полях, обочинах дорог и заводских дворах. Сталь можно получать из чистого чугуна. Вот и выход! Но... Чугуна катастрофически не хватает, и увеличить выпуск нельзя. Выплавка чугуна в домнах обходится чрезвычайно дорого и

с ухудшением качества руды (все богатые железом месторождения давно выбраны) растет едва ли не в геометрической прогрессии. Чугун настолько дорог, что наращивание его выплавки в этом пятилетнем плане даже не предусмотрено (нонсенс для советской экономики, построенной на планировании от достигнутого).

То есть увеличить производство чугуна нельзя, а стали нужно выплавить больше — так записано в плане?! Этим фактом Минчермет поставлен в безвыходное положение. Больше стали при том же количестве чугуна означает — больше лома. Больше лома — значит больше энергии для его расплавления, и цена стали растет. К тому же, лом сильно засорен цветными металлами, неизбежно снижающими качество стали, увеличивающими время плавки и количество сожженного железа. И чем дальше, тем больше.

Происходит такое уже не один десяток лет, но теперь «временные трудности» приняли характер катастрофы.

Все эти годы Бигеев только и делал, что кричал о близкой беде и предлагал новую металлургию, которая полностью решит все проблемы, но это никого не интересовало. Предпочтение отдавалось предложениям, снимавшим частные проблемы.

В большом проекте Бигеева существовал и дешевый способ переплавки лома, превращения его в чугун, нехватка которого лихорадит черную металлургию. Тут он даже ничего не изобретал, просто усовершенствовал шахтную печь — вагранку, с тем чтоб она могла перерабатывать большие объемы стального лома. Затраты энергии при этом снижались в несколько раз!

К тому же качество стали повышается, так как при переплавке в шахтной печи вредные примеси цветных металлов могут быть удалены.

Министерство не устояло. Бигеевский подарок был принят.

Работа закипела. МГМИ совместно с Гипрометом получили задание подготовить проект. К работе активно подключился Институт металлургии АН СССР.

Такие вот чудеса! Да тут еще письмо пришло. Официальное послание Минчермета в МГМИ, подписанное первым заместителем министра.

Письмо сняло накопившиеся местные проблемы. Всем известно — домашние заботы донимают порой ничуть не меньше мировых.

Привожу письмо полностью ввиду его чрезвычайной важности:

«Начальнику Черметпроекта
г. Борисову Е. М.
Директору Челябинского
Гипромеца

г. Сотникову Ю. В.
Директору Белорецкого
металлургического комбината
г. Кулеше В. А.
Ректору Магнитогорского
горно-металлургического
института

г. Рябкову В. М.

О переоборудовании опытной установки металлизации окатышей Белорецкого меткомбината

Прошу в 1988 году выполнить и представить на утверждение технико-экономический расчет переоборудования опытной установки металлизации окатышей Белорецкого меткомбината в установку бескоксового жидкофазного восстановления туканских руд по технологии, разработанной кафедрой металлургии стали Магнитогорского горно-металлургического института.

Заместитель министра
Л. В. Радюкевич».

Письмо означало, что у главного бигеевского проекта наконец-то появилась земля под ногами. Что рабочие чертежи установки, которой предстоит заменить изжившую себя домену, начнут воплощаться в материале.

Белорецкий комбинат Бигеев нашел сам. Во-первых, недалеко от Магнитогорска, сотня километров на поезде. Во-вторых, рядом Туканское месторождение, руду которого комбинат практически не может использовать, так как пустую породу невозможно отделить от железа существующими способами обогащения. В-третьих, директор Кулеша — человек прогрессивных взглядов. В-четвертых, на комбинате давно ведутся вполне бесплодные исследования по металлизации ока-

тышей, значит, стены и крыша для создания новой установки имеются.

Оставалось договориться с Минчерметом. Тут дело и оставалось. Письма Бигеева, поддержанные Кулешей, скитались по кабинетам с привычной перспективой бесследно затеряться в хитром министерском лабиринте.

Так бы и получилось. Но... Теперь Бигеев был уже не каким-то там профессором из Магнитогорска, а тем самым Бигеевым, что предложил проект переплавки лома, и это обеспечивало режим наибольшего благоприятствования. Вот так и вынырнуло из недр Минчермета письмо с распоряжением начать эксперимент, и уже не совместно с ЦНИИЧМ, а совершенно самостоятельно.

Забавно получается. Начал я эту главу весьма затянувшейся повести с печальной ноты, как говорится, за упокой, а заканчиваю радостнее, чем когда бы то ни было.

В Белорецке должно начаться строительство экспериментальной установки — сердцевины всего проекта. В Магнитогорске — проектирование и промышленные испытания шахтных печей для переплавки стального лома. Этот проект должен стать спасательным кругом для строящегося на ММК кислородно-конвертерного цеха, который в принципе не мог выйти на проектную мощность, так как при старом способе переплавки лома не хватило бы ни энергии, ни чугуна.

Да вот, совсем уж недавно, из Минчермета сообщили, получено письмо от заместителя председателя ГКНТ о том, что Госкомитет по науке и технике включил проект Бигеева в Государственную целевую программу. Остается ждать постановления Совета Министров.

Так и подмывает написать с тремя восклицательными знаками: блокада прорвана!

Однако остерегусь. Наша родная непобедимая бюрократия неистощима на выдумки.

И все же, все же! Как хочется надеяться, что изобретателю удастся наконец выковать свой булат.

О том, что произойдет в ближайшие месяцы, мы обязательно сообщим вам.

РЕЗОНАНС

«Неизвестный» А. Блок?..

Дед моего мужа, профессора Бориса Захаровича Вулиха, известный математик Захар Борисович Вулих принадлежал к старинному дворянскому роду и преподавал в Александровском лицее (когда он уже был переведен из Царского Села в Петербург). Он был хорошо знаком с дедом А. А. Блока — А. Н. Бекетовым. В семье мужа хранились книги, называвшиеся «книги сестер Бекетовых». Среди них был томик Тургенева, на последней странице которого, несомненно, рукой юного Александра Александровича было написано стихотворение, которое я запомнила наизусть и постоянно храню в памяти, хотя сама книга пропала во время блокады. Я несколько раз пыталась рассказать об этом известному специалисту по поэзии А. Блока Д. Е. Максиму, но мы никак не могли с ним встретиться.

Конечно, трудно ручаться с полной уверенностью, что это стихотворение юного Блока.

Вот это стихотворение:

Спи, мой светлый, мой мудрый
воин,
Спи, мой вожь, утомленный
в битвах,
Будет сон твой чист и спокоен,
Я томлюсь в беззвездных
молитвах.

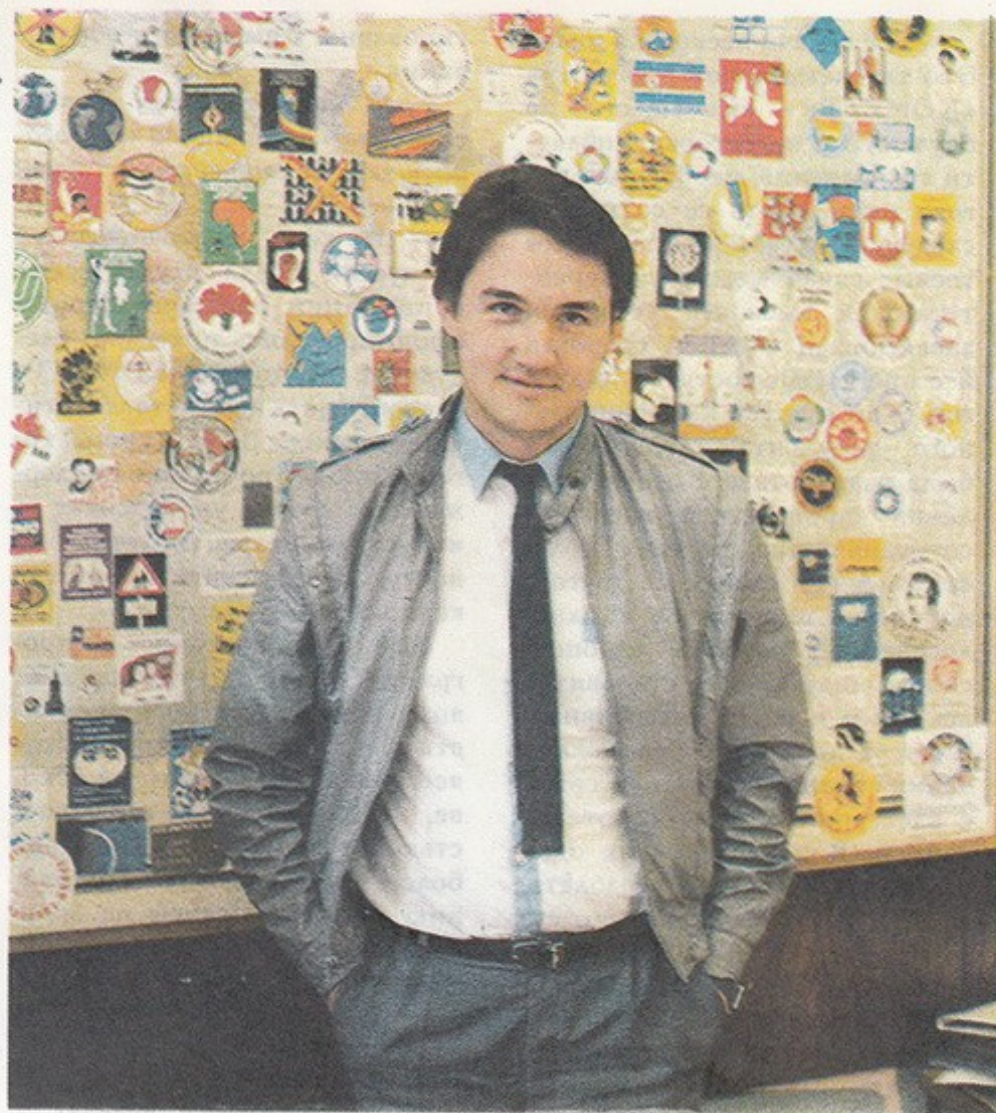
И во сне отступает время,
Уходя за бледные горы,
И легко это сонное бремя
В золотом сияньи собора.

Что полеты дум и желаний,
Обвились мои тонкие руки.
Ты почил на лесной поляне,
Ты внимаешь белые звуки.

Я тебя успокою и скрою,
Белый снег следы заровняет,
И никто не пройдет тропью,
Лишь луна устало заглянет.

Ты почишь под саваном белым,
В строгой неге-зимних величий.
А весной ослепительно смелой
Запоют и разбудят птицы.

Н. В. Вулих, профессор, доктор
филологических наук

ТВОИ ЗАРУБЕЖНЫЙ СВЕРСТНИК

«ЭРАЗМУС» и «КОМЕТТ»

Интервью
с ответственным
секретарем
Студенческого Совета
СССР Владимиром
Плаксиным

— Последнее время средства массовой информации за рубежом много пишут о проблеме интернационализации высшего образования в Западной Европе. Чем, по-вашему, вызван столь живой интерес к этой теме?

— Прежде всего я бы сказал, что эта тема не такая уж и новая. Еще во второй половине 70-х годов в странах, входящих в Общий рынок и Европейское сообщество, развернулась активная дискуссия о необходимости совершенствования высшего образования. Это диктовалось углублением западно-

европейской интеграции в политической, экономической и других областях, а также развитием научно-технического прогресса и, конечно, возрастанием новой технологической конкуренции со стороны Японии и США. Уже в 1983 году в Штутгарте страны Европейского сообщества приняли декларацию о «Европейском союзе», где отмечалось, что необходимо тесное сотрудничество высших учебных заведений, «включая обмены студентами и преподавателями в рамках Сообщества». А к 1992 году планируется добиться полной интеграции, включающей и так называемое «европейское гражданство», и расширение юрисдикции «Европейского парламента».

Большой интерес представляют собой две недавно разработанные базовые программы, в

настоящий момент уже вступившие в действие. Первая — «ЭРАЗМУС», введена с лета прошлого года и рассчитана на пять лет.

— «ЭРАЗМУС» — это аббревиатура?

— Да, название программы довольно любопытно — с одной стороны, это действительно аббревиатура: «Программа действий Сообщества в области передвижения студентов университетов». А с другой — дань уважения выдающемуся голландскому ученому-гуманисту XVI века, виднейшему представителю северного Возрождения — Дезидерию Эразму. Ведь Эразм Роттердамский (а мы его больше знаем под этим именем), получив образование в Парижском университете, жил, работал и преподавал чуть не по всей Западной Европе: в Англии, Франции, Германии, Италии, Швейцарии и других странах, пользовался всевропейской славой, дружил с величайшими умами своей эпохи... Так что Эразма с полным основанием можно назвать «бродячим академиком».

— Думается, что в эпоху средневековья свободные передвижения ученых и студентов из города в город, из аббатства в аббатство не являлись такой уж редкостью?

— Безусловно, подобным образом утверждались нормы интеллектуального идеала ученого, который стремится к совместной работе с коллегами всего мира, вознося свою цель выше государственных границ и политических взаимоотношений. Любопытно, что и четыре столетия назад у того же Эразма Роттердамского случались нередкие конфликты с таможенной. Так что не случайно главная цель программы «ЭРАЗМУС» — устранить межведомственные и межнациональные барьеры, чтобы к 1992 году обеспечить возможность для 10 процентов студентов университетов (от общего числа в 6 миллионов человек) иметь возможность учиться в течение некоторого времени в высших учебных заведениях другой страны для углубления и совершенствования своих знаний.

— Насколько велика названная вами цифра?

— Для сравнения скажу, что

в 1985 году в подобного рода обменах участвовало всего 3 тысячи человек. Ну и еще несколько цифр для наглядности: планируется, что система обменов охватит 600 университетов в первый год, 1200 — во второй, а уже к 1989 году в ней будут задействованы 1700 университетов Западной Европы. Сразу сделаю оговорку — с самого начала подчеркивалось, что данная программа — это не туризм для студентов, а серьезное дело, так что каждое обращение на получение «стипендии обменов» будет рассматриваться со всей строгостью специальными комиссиями.

— При принятии подобного рода широких программ неизбежны различные сложности, нестыковки и противоречия заинтересованных сторон. Как обстоит дело в данном случае?

— Вполне естественно, что программа, даже при самой что ни на есть тщательной подготовке, не могла предусмотреть абсолютно все сложности и детали. Так что существует целый ряд вопросов, которые и по сей день остаются открытыми.

— Не могли бы вы остановиться на них несколько подробнее?

— Первая, совершенно очевидная сложность — это языковая проблема, осложняющая возможность мобильного обмена студентами и преподавателями. В качестве выхода из положения есть, например, предложение постепенного ввода английского языка как базового.

Следующая — это так называемая проблема «признания дипломов». Сюда входит также признание результатов экзаменов и т. д. Для разрешения подобного рода трудностей ведется создание специальных центров.

Можно перечислить и еще несколько, среди которых и угроза усиления наблюдаемой уже сейчас совершенно явной элитизации студенчества, и тревожные симптомы ослабления деятельности национальных союзов студентов.

— Ну а что касается упомянутой вами второй программы?

— Ее задачи несколько иные. Это так называемая программа «КОМЕТТ» — «Сообщество по обучению и подготовке в области технологии», одобренная два года назад. Суть ее состоит в следующем: установить более тесные связи между университетами и высшими учебными заведениями с одной стороны, и с промышленностью — с другой. Как следует из официального документа: «КОМЕТТ» была разработана с целью придания европейского масштаба сотрудничества в этих областях». А вот строки из другого документа программы: «Технологическое развитие европейской индустрии становится все более и более интенсивным и затрагивает все без исключения страны, особенно в связи с электроникой и компьютеризацией. В этих условиях одна из главных задач — преодолеть, причем достаточно быстро, существующий разрыв между требованиями новой технологии и уровнем знаний лиц, выходящих из стен высших учебных заведений».

Анализ показывает, что даже в ведущих странах Западной Европы только примерно половина выпускников, начавших свою работу, способна ответить на «технологический вызов». Так что, по мнению большинства западных исследователей, все это проблемы гораздо более значительные, чем, скажем, нехватка капитала для расширения производства.

Создатели программы «КОМЕТТ» надеются, что в конечном счете к концу нашего века высшие учебные заведения будут все больше и больше превращаться в поставщиков «конкретно подготовленной для соответствующего уровня развития производства высококвалифицированной рабочей силы».

— Наверное, подобная программа не могла не найти должной поддержки у промышленников?

— Конечно, промышленность с огромным интересом относится к «КОМЕТТ» и, мало того, готова даже усилить прямое финансовое воздействие на ее реализацию, взяв на себя большую долю финан-

сирования высшего образования.

— А как относятся к перспективам заманчивой и многообещающей программы сами учащиеся?

— В ходе многочисленных дискуссий среди студенческих организаций Западной Европы сформировались примерно следующие подходы: «КОМЕТТ» способна дать новое «технологическое поколение», а кроме того, позволяет постоянно поддерживать связь университет — индустрия и гарантирует готовность к дообучению на каждом конкретном этапе.

Еще одно достоинство программы — это то, что она дает возможность быстрого знакомства с технологией, прежде всего на наднациональной основе, в сочетании с мобильностью студентов, а благодаря более эффективному образованию повышает шансы на получение соответствующего рабочего места.

— Однако, наверное, и в этой программе есть свои негативные моменты?

— Да, в первую очередь — опасность быстрого финансового воздействия со стороны индустрии на высшую школу и как следствие этого — ограничение сферы изучаемых дисциплин, особенно гуманитарных.

Кроме того, по мнению зарубежных исследователей, целесообразно ограничивать «КОМЕТТ» только рамками Западной Европы, необходимо стремиться в будущем сделать ее общеевропейской.

В общем, обе программы — и «ЭРАЗМУС», и «КОМЕТТ» — направлены на повышение качественной стороны процесса обучения в высшей школе и формирование условий для «изыскательско-технологического» толчка в развитии промышленности Западной Европы, а также призваны содействовать через высшую школу западноевропейской интеграции, включая и политическую.

Интервью взял
Александр Александров

Сверху и изнутри

Этот резонанс должен был появиться еще в прошлом году — сразу же после публикации в № 3 за 1987 год материала «Подножка», рассказывающего о взятках, вошедших в учебную практику Куйбышевского филиала Заочного института советской торговли. Но руководство ЗИСТА критического очерка в журнале «не заметило». По-надобилось опубликовать еще один материал — «История воронежского Герострата», № 6 с. г., чтобы добиться наконец официального ответа от администрации головного института.

«Рассмотрев содержание статьи, ректорат сообщает следующее.

В статье т. А. Хабургаева правильно подвергнуты критике с позиций требований профессиональной этики некоторые преподаватели и администрация Воронежского факультета.

Действительно, в течение 1983—1986 годов в коллективе Воронежского факультета сложилась ненормальная обстановка, и прежде всего между бывшим деканом факультета Федосовым П. Е. и Смажко А. Г. Неблаговидную роль в этой ситуации сыграл и зам. декана Бондаренко Н. В.

В первые годы работы тов. Смажко А. Г. на факультете никаких конфликтов между ним и администрацией не возникало. Он избирался в состав профкома и партбюро.

При появлении первых сигналов о нездоровой обстановке на Воронежском факультете рек-

торатом и была направлена комиссия, результаты работы которой были рассмотрены ректором с участием ГУУЗа МТ РСФСР. По результатам проверки декану факультета Федосову П. Е. приказом по институту был объявлен выговор, а позже он не был рекомендован на следующий срок работы и был освобожден от обязанностей декана факультета. Однако это не разрядило обстановки. Вновь назначенный, по согласованию с Воронежским обкомом КПСС, декан доц. Хромых Н. С. не смог навести должного порядка, и продолжали поступать письма в различные советские и партийные органы.

В 1987 году по указанию Минвуза СССР, а не по желанию ректора (как указано в статье), проверившего деятельность Воронежского факультета, и в соответствии с решением МТ РСФСР ректорат осуществил ликвидацию Воронежского факультета, а позднее был организован учебно-консультационный пункт с подчинением его Орловскому филиалу института.

Это означало лишение Воронежского подразделения института права приема у студентов курсовых экзаменов без участия в них представителей головного института, то есть ставило всю деятельность коллектива под более жесткий контроль из центра.

Полностью было обновлено руководство. Заведующим УКП по согласованию с Воронежским ОК КПСС был назначен старший преподаватель, кандидат наук Карпенко Ю. М., ранее работавший на кафедре философии и научного коммунизма Воронежского лесотехнического института.

Ряд преподавателей были уволены, в том числе и упомянутая в статье доц. Мазур О. И., которую защитила профсоюзная организация, не дав согласия на ее увольнение по предложению ректората по ст. 254 п. 3 КЗоТ РСФСР. Часть уволенных преподавателей была трудоустроена в Орловском филиале в соот-

ветствии со своей специальностью, а часть в Воронежском УКП.

Для решения вопросов, связанных с Воронежским факультетом, а затем УКП, на место выезжали ректор института, руководители Главного управления учебных заведений, директор Орловского филиала, заместитель министра торговли РСФСР тов. Туманов В. А.

В результате принятых мер обстановка в Воронежском УКП нормализовалась.

Извлекая уроки из негативных явлений, имевших место в Воронежском, Куйбышевском и некоторых других территориальных отделениях института, ректорат принимает необходимые предупредительные меры, осуществляет перестройку учебно-воспитательного процесса.

Важнейшие из этих мер состоят в следующем.

При внедрении в практику преподавания современных методов особое внимание уделяется объективным методам контроля знаний студентов с использованием тестов, письменных аудиторных контрольных работ, то есть тех приемов, которые в наибольшей степени исключают моменты субъективизма преподавателей при оценке качества подготовки студентов, предупреждают возможные злоупотребления.

В соответствии с новыми правилами приема повышаются требования к абитуриентам на вступительных экзаменах, при проведении собеседований. В институт принимаются, как правило, лица, работающие по избранной специальности и имеющие направление на учебу от трудовых коллективов. Вступительные экзамены проводятся, как правило, в письменном виде.

Повышаются требования к профессиональному и идейно-политическому уровню преподавателей при их аттестации и конкурсном избрании. При этом наряду с мнением кафедры учитываются и результаты опроса студентов о качестве педагогического труда преподавате-

лей, полученные путем анализа анкет «Преподаватель глазами студента».

Случаи неправильных взаимоотношений преподавателей со студентами становятся достоянием гласности и осуждаются коллективом. Так, при обсуждении еще в декабре 1986 года поведения доц. Мазур О. И. кафедры и конкурсная комиссия указали в своем решении, что она своими аморальными действиями (принятие подношений от студентов) дискредитировала себя как преподаватель высшей школы, воспитатель студенческой молодежи, не оправдала высокое звание советского педагога, не может пользоваться авторитетом среди студентов и профессорско-преподавательского состава и выполнять возложенные на нее воспитательные функции. Однако она до сих пор пишет во все инстанции о неправильном ее освобождении от работы и добивается восстановления.

Осуществляя в соответствии с документами партии и правительства перестройку учебного процесса, ректорат, коллектив института сделает самые серьезные выводы из критических замечаний, содержащихся в вашем журнале. Что касается ответа на публикацию в № 3 за 1987 год вашего журнала, то ректорату об этом стало известно из статьи 1988 года, в связи с чем ректорат приносит глубокие извинения.

Ради объективности изложения некоторых моментов статьи, т. Хабургаеву А. было бы не лишним побывать в головном институте в Москве. Ректор института, профессор Алексеев Н. С.».

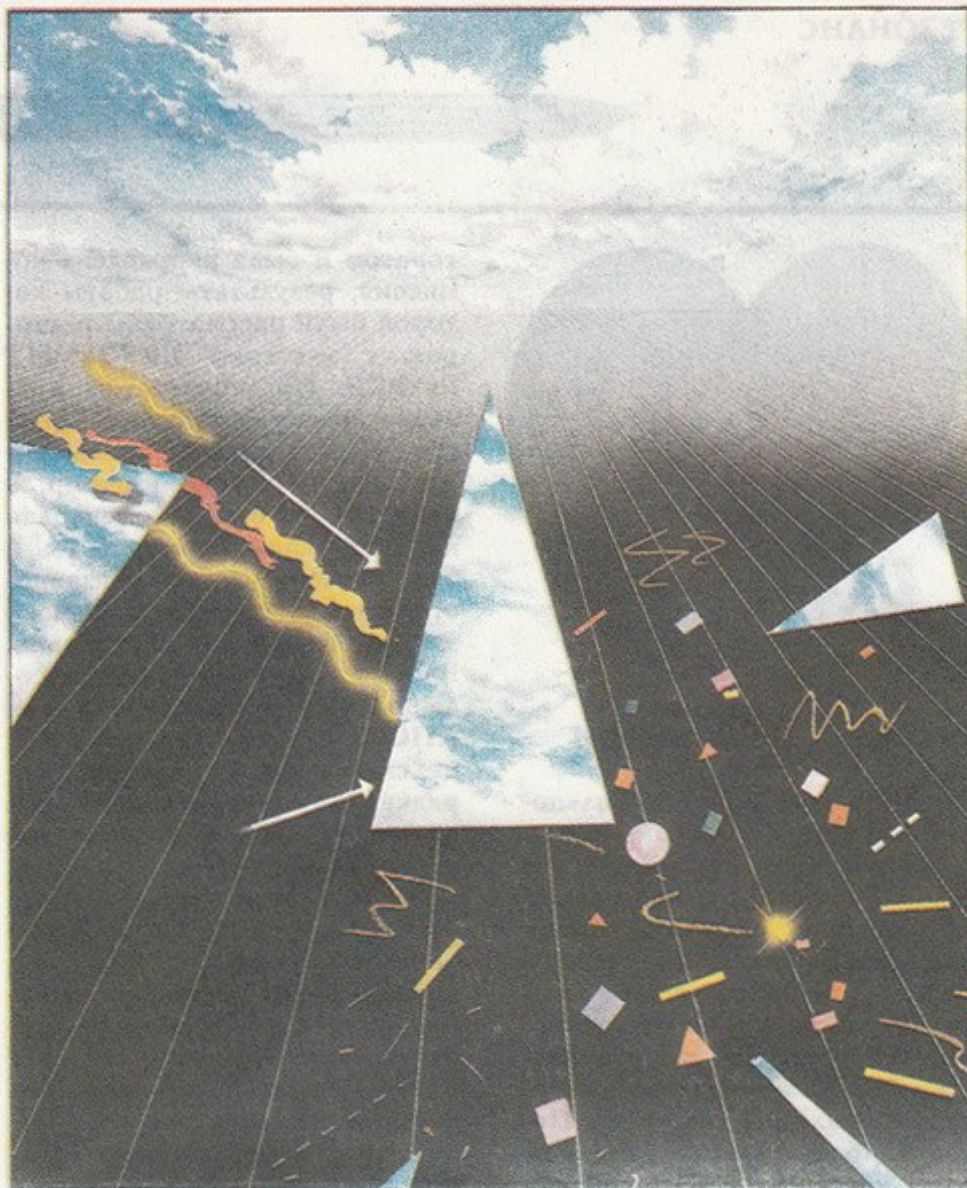
Увы, пришедшее следом письмо заставило нас усомниться в том, что обстановка нормализовалась...

ДОСЫЛ В НОМЕР

Насколько полно студенчество удовлетворено подпиской на наш журнал на 1989 год?

Этот вопрос нас очень и очень волнует. Просим тех, кто не смог оформить подписку, сообщить нам об этом.

Пишите, пожалуйста, на почтовых открытках.

Графика Дикрана Палюлиана

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

История с географией

Где проходит объединяющая их граница?

В номерах журнала, посвященных 125-летию со дня рождения академика В. И. Вернадского, выступили доктор геолого-минералогических наук П. В. Флоренский и доктор исторических наук Л. Н. Гумилев. Мы получили письма читателей, где они просят продолжить разговор о взаимоотношениях природа — производство — общество. Каково будущее человечества в связи с его стремительным наступлением на природу? Оставляя после себя пустыни, идет ли человечество, говоря словами Энгельса, к ноосфере — сфере разума или это путь к «некросфере» — сфере смерти, гибели биосферы? Ведет беседу наш корреспондент Татьяна Шутова.

Шутова. Tout passe, tout casse, tout lasse, — как говорят французы. «Все проходит, все стареет, все разрушается». Что думают о предмете своих наук геолог и историк?

Флоренский. Первоначально

предметом геологии была Земля, о чем говорит ее название. Но, выйдя из своей колыбели, человечество устремилось за пределы Вселенной. И вот сейчас бурно развивается такая наука, как планетарная геоло-

гия. А что касается Земли, то у нее было начало, она зародилась миллиарды лет назад. Ее развитие можно уподобить жизни живого организма. И тогда окажется, что общий характер их возрастных стадий аналогичен. По представлениям астрофизиков, Солнечная система находится где-то в середине своего развития. Каждый миллиард лет жизни планеты можно приравнять к десяти годам жизни человека. Так что тела, скажем, астероидов, так и не сумевших развиться до стадии планеты, — это мертворожденные эмбрионы, а земля — вполне зрелый человек в возрасте около 45 лет.

Шутова. В таких геологических параметрах жизнь самого человека — слезинка на челе вечности. Да что человека? Целых цивилизаций!

В краеведческом музее Душанбе есть картина «Переправа Александра Македонского через Аму-Дарью». Через бурный поток армия знаменитого полководца переправляется на плотах. Странно видеть плоты, связанные из бревен 40 сантиметров в диаметре. Не за тысячи же километров тащила за собой деревья несокрушимая армия! Наверное, деревья — аборигены? Но туранга такой толщины не достигает, к тому же к старости ее ствол трухлявится. Ботаники высказывают предположения, что это могли быть чинара или карагач. Но какие плоты из тяжелых бревен? Значит...

Флоренский. Палеоботаники на основании споро-пыльцевого анализа утверждают, что некогда там произрастали леса широколиственных пород. Значит, ландшафт за последние две с половиной тысячи лет изменился до неузнаваемости. Аму-дарью можно уже перейти вброд...

Гумилев. Впадает она уже не в Хазарское море, как некогда назывался Каспий, а в Арал. Впрочем, она меняла свое русло неоднократно в историческое время. А во времена Македонского хазар не было в помине.

Флоренский. Сейчас Аму-дарья впадает даже не в Арал, который дышит на ладан, а в створ Тахиаташского, последнего перед Аралом водохранилища. Ее сестра Сырдарья до Арала не дотягивает, а водозаборами разбирается на моно-

культуру хлопка и тратится на полях. Сам Арал, это ясно видно при сравнении ряда космических снимков за последние десятилетия, сжимается как шагреньевая кожа. Исчезает особый вид ландшафта — тугаи — заросли в поймах азиатских рек. И толком они сохранились лишь при слиянии Вахша и Пянджа, в заповеднике Паланг-тугай — Тигровая балка. Заповеднике, где больше никогда не появится йолбарс — туранский тигр.

Гумилев. Нам всем ясно, что «исторический» ландшафт также изменился. Нет больше бактрийцев, согдианцев, а также других народов, «пользовавшихся» после них этим ландшафтом. Распалась империя в эпоху Александра Македонского.

Флоренский. Великий Вернадский объяснил нам, что человечество — тоже геологический фактор. Как реки, моря. Люди перелопачивают столько Земли, сколько передвигают ее все вулканы планеты. Подсчитано, что курильщики всего мира «выкуривают» в атмосферу кадмия больше, чем все вулканы мира. Сменились экономические формации, по своим техническим возможностям человечество кажется всемогущим. И действительно, то, что казалось невозможным, было проклятием в древности: «Чтоб ваши реки потекли вспять!», теперь не только возможно, но и делается. Сила у нас есть. А разум? А мудрость? Лишь за последние десятилетия человек столько всего поперестроил на планете, что создалась кризисная экологическая ситуация.

Шутова. Хотелось бы понять, вычленив долговременные процессы, эволюцию ландшафтов и результаты антропогенной деятельности. Узнать, где процессы долговременные, где геологически мгновенные.

Флоренский. С точки зрения геологии, извержение вулкана — событие малозначительное. Время нивелирует все процессы. Но даже капля за миллион лет совершает многое. И геолог по-особому понимает главное и второстепенное.

Гумилев. Пустыню Сахара сделало потепление климата и гигантские стада домашних животных, размножившихся до этого. Как сейчас пустыню в Калмыкии также делают чрез-

мерные стада. В сочетании с Волго-Чограем.

Шутова. Возможно, трагедия биосферы присуща социальной эволюции? Ускоряется техническим прогрессом? Или это злая воля отдельных людей?

Гумилев. Если бы процессы истребления ландшафтов не прерывались восстановительными периодами, то уже в эпоху неолита Земля стала бы пустыней. А этого, к счастью, нет. Уничтожение флоры и фауны равно наблюдается в первобытном обществе: маори истребили птицу моа. В феодальном — испанцы привезли коз на Мадейру, и те съели всю растительность острова. Китайцы в I тысячелетии до н. э. уничтожили леса на севере Шаньси и Шэньси и открыли доступ степным ветрам, несущим песок во внутренний Китай. Первобытные охотники истребили мамонтов, а древние персы львов в Иране. Перенеся действия на флору, человек произвел еще большие опустошения.

Флоренский. Все-таки человечество не так всемогуще в своих добрых и не так безрасудно в своих злых проявлениях. У Земли тоже свой характер. Всем известен Узбой, русло Амударьи, который у Султанувайса (Султануиздага) поворачивал на юго-запад, пересекал Каракумы и впадал в Каспий, а потом пересох. Кого только не винили! И климат, и таяние ледников на Тянь-Шане...

Гумилев. Когда к туркменам прибыло посольство от Петра Великого во главе с князем Бекович-Черкасским, то туркмены жаловались на хорезмийцев, которые якобы запрудили Узбой. И основой заключавшегося союза была военная помощь туркменам против хивинцев. И вода в Узбое. Эта часть договора была выполнена лишь в наше время Каракумским каналом имени Ленина. Правда, он был создан не усилиями военных, а совместным трудом народов всей страны.

Флоренский. А знаете, что оказалось? Оказалось, что из Западной Европы через Донбасс, Астрахань, Мангышлак к Султанувайсу и далее в Бухару проходит гигантский разлом. Кроме того, зона этого разлома — кладовая полезных иско-

паемых. По нему движутся блоки земной коры. Так вот. Раньше Султануиздаг поднимался быстрее, чем сейчас. И Амударья не могла прорваться в Арал. А теперь это воздымание замедлилось, и вся вода беспрепятственно пошла на север. Быть может, победы Чингисхана и стали победами потому, что они совпали с геологически благоприятной для них обстановкой.

Шутова. Вот вам и история с географией. Природа создает то, что мы, люди, творить не можем: реки, горы, моря, виды животных и растений. Люди могут их разрушать.

Флоренский. Да, элементы природы переходят друг в друга. Природа живет вечно, наполняясь той энергией, которую получает от Солнца и звезд Галактики и радиораспада в глубинах нашей планеты. Биосфера Земли побеждает мировую энтропию путем биогенной миграции атомов.

Гумилев. Предметы, созданные человеком, подвержены разрушению. Пирамиды стоят долго. Эйфелева башня столько не простоит. Но не вечны ни те, ни другая.

Шутова. Мне хотелось бы вернуться в столь любимую моими собеседниками и в свете научных, и в свете личных пристрастий Азию. Геолог знает ее с космических высот и на многие километры вглубь, историк — в глубь тысячелетий. Скажите, Лев Николаевич, почему Александр Македонский пошел туда воевать?

Флоренский. Почему наши землепроходцы дошли до «края земли» — Охотского моря? Почему такой «исторический авантюризм» в одни эпохи свойствен народам, а в другие нет? В XV—XVI веках корсары были грозой морей, а в XIX веке их потомки стали благопристойными бизнесменами?

Гумилев. Это явление обратило на себя мое внимание, когда я был еще студентом. Я понял, что развитие каждого народа должно чем-то измеряться. Измерить его количеством произведений искусства? Но их создают не народы, а отдельные люди. Изучая историю, надо обратиться к палеоэтнографии. Так как произведение должно иметь не только творца, но и потребителя. И следует рас-

сматривать не индивидуально на фоне толпы — это представление XIX века, себя скомпрометировавшее, — а систему людей разного сорта. Как их делить? Вот так и возникла моя идея, основанная на общем историческом материале.

Шутова. Так какая же сила толкала испанцев и португальцев по всему миру?

Гумилев. Сила страсти — пассионарность. Когда человек действует и не может не действовать вопреки инстинкту самосохранения, который существует в каждом из нас. Но антиинстинкт — пассионарность — влечет человека к целям, часто иллюзорным. И нередко действительность приносится им в жертву.

Шутова. Какой вид энергии заставляет людей совершать внешне бессмысленные поступки? Полезно ли это?

Гумилев. Вопрос, который в рамках естественных наук рассматриваться не может. Это явление природное, а природа,

как известно, не знает ни добра, ни зла. В том же, что касается энергии, тут на помощь мне пришел Вернадский. Это биогеохимическая энергия живого вещества биосферы, которая имеется во всех организмах. Положения Вернадского легли в основу теории этногенеза. Я применил их к уже известному мне материалу. Проявление пассионарности можно рассматривать как мутацию, которая время от времени настигает живые организмы.

Шутова. По латыни «мутация» — толчок. И такие живые организмы, как вирусы гриппа, мутируют каждый год. Медицина угнаться за ними не может.

Гумилев. Чтобы изменить стереотип поведения — систему взаимодействия нервной и гормональной систем, — для людей нужен большой толчок. И на глобусе можно указать, где прошел пассионарный толчок, сказать когда.

Шутова. Так, значит, у этно-

сов есть родина. Есть и «дата» рождения. Если есть начальный импульс, значит, есть и «все проходит, все стареет, все разрушается». То есть у этносов есть юность, зрелость и свои «на склоне лет»?

Гумилев. Время действия толчка, включая инерцию, — 1200—1500 лет. Есть период подъема, акматическая фаза, фаза надлома — «золотая осень цивилизации», инерционная фаза и финальная. Это не значит, что исчезают все представители этноса.

Шутова. Лев Николаевич, а эта схема «работает» на любом этносе?

Гумилев. А вы проверьте. У меня были два студента Ярослав и Вячеслав. Они как-то проверили. Они слушали мои лекции и видели, что теория работает на том материале, который я излагал. А вот Японию я знаю плохо. Ярослав применил теорию к Японии. Работает! Тогда Вячеслав «прокопал» весь материал по Эфиопии. И что же? Работает теория!

Флоренский. Но не стоит впадать в космический пессимизм. Что касается нашей планеты, она — в расцвете лет. И по подсчетам геолога Малиновского, будет существовать еще 9 миллионов лет. Если мы, человечество — мощнейшая геологическая сила, — сами не ускорим ее гибель. Любят искать причины исчезновения динозавров в космосе. Все на космос. Раньше на бога. «Бог-то бог, а сам не будь плох». Ландшафты гибнут. Этноты стареют. Ну и динозавры выродились. Плохо это или хорошо? Лично мне динозавры симпатичны. Но на смену им, в конце концов, мы пришли. И у нас есть теперь свои «динозавры», техногенные страходонты — шагающие экскаваторы. И бессмысленные «ландшафты» тоже есть — «стройки века», которые нам же вредят. Водохранилищами мы погубили территорию, равную Франции. Обское море, Катунская ГЭС — своего рода хвосты и брюха динозавров, результат их уродливой эволюции, приведшей к гибели. Причины в самих себе.

Не без основания причиной гибели многих древних цивилизаций считается то, что они не могли найти общий язык с природой. Сведение лесов, перевы-

пас скота. Ирригация, первоначально возносившая цивилизации. А затем подъем грунтовых вод, засоление, заболачивание земель. И соленые ветры развеивали в прах государства и пускали народы по миру. Горькие уроки пращуров, предостережение нам, которое мы боимся заметить. Вспомните Каракалпакию...

Шутова. В наше время перед человечеством, становящимся в эпоху перехода в ноосферу единой земной цивилизацией, со всей остротой встают два кардинальных вопроса: найти общий язык между народами и государствами и найти общий язык с природой. Нерешение вопросов — гибель. В первом — ядерная война — мгновенная. Во втором — экологическая катастрофа — медленная и мучительная.

Флоренский. Поэтому для обеспечения политической, экономической и экологической безопасности необходимо, как писал Вернадский, «государственное объединение усилий всего человечества» с самым широким демократическим участием всех людей в деле созидания ноосферы — сферы разума. Человечества, стоящего на платформе «планетарного патриотизма». Альтернатива этому — путь к «некротифере» — сфере смерти.

Шутова. Вот еще один вывод «истории с географией». Правда, говорят, что главный урок истории — это то, что она ничему не учит.

Флоренский. Увы, слишком часто эта шутка звучит как правда. Но так ли это? История — это одна из основ цивилизации. Главная святыня народа, фундамент.

Гумилев. Культура человека прямо пропорциональна знанию прошлого. Я написал монографию о гибели Древнего Китая «Хунны в Китае». Тогда погибли и те и другие. Я писал о гибели Золотой Орды и Древней Руси, на месте которой появилась новая Великая Россия. История — это постоянное перешагивание жизни через порог смерти. Практическое знание, скажем, этнологии так же велико, как значение климатологии, сейсмологии. Мы не можем предотвратить циклона, засухи, наводнения, цунами. Но мы можем предсказать,

скажем, экологические землетрясения и принять меры.

Шутова. И последний вопрос. Историк. В какой фазе этногенеза находится тот этнос, к которому принадлежат участники сегодняшней беседы?

Гумилев. Не волнуйтесь, во вполне оптимистической фазе. Посчитайте сами. Вспомните Куликовскую битву, консолидацию этноса вокруг Москвы. Бурный расцвет науки и искусства. История с географией — это очень полезно.

Мы попросили наших гостей порекомендовать литературу для тех, кто хотел бы углубить свои знания. Вот что они посоветовали:

Дорст Ж. До того, как умрет природа. М., 1968.

Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., Мысль, 1973.

Малиновский А. А. Общие вопросы строения систем и их значение для биологии. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

Белянский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.

АНОНС

«Как преуспеть в общении?»

Наверное, многие из наших читателей слышали о Дейле Карнеги и о его знаменитой книге «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей».

Этот труд, написанный десятилетия назад, и сегодня остается одним из лучших пособий для тех, кто хочет научиться преодолевать межличностные конфликты, владеть собой, быть естественным в кругу как начальников, так и подчиненных.

Управление собой и другими — искусство.

Есть идея познакомить наших читателей с главами из книги Д. Карнеги. Что вы об этом думаете? Нужна ли вам помощь в этом вопросе?

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ УХОДЯЩИХ РУССКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Для возрождения нравственной атмосферы

Владимир Личутин

При нынешних обстоятельствах в наших умах у меня, конечно, очень мало надежд, что у нас в деле создания энциклопедии уходящих и ушедших русских деревень что-нибудь получится. К тому же, как вы видите, вокруг России, вокруг русской земли в печати молчание продолжается. Даже о конкретной жизни русской деревни опубликовать материал в газетах практически невозможно. Наша удача в этом деле возможна лишь тогда, когда мы найдем сторонников на высших этажах власти. А если такие сторонники не отыщутся, боюсь, наша идея практически обречена. Но, несмотря на это, работу надо начинать. Полную программу этой работы надо тиражировать — распечатать в сотнях тысяч экземпляров, разослать ее по всем областям, районам, по всем газетам, то есть для начала нужно

опереться на добровольцев. Практически в каждой деревне есть свой умелец, свой знаток. И только от этого умельца, от этого знатока, разбуженного нашей прокламацией, возникнет стихийный интерес, образуется та самая рать собирателей. Это перспектива самых ближайших лет — нужно собирать как можно больше материала по каждой деревне.

Почему это нужно? Потому что деревня, даже умершая, была окружена музыкой названий, я бы даже сказал, философией названий. Пожни, пахотные земли, тяжелые, низинные, осотные, всякие наволоки — все они имели свои названия, то есть как бы обрисовывали географическое пространство деревни. И я думаю, что возникнет момент, когда к русской земле вернется изначальное внимание, и мы наконец-то поклонимся ей снова и попросим прощения.

Федоров мечтал о восстановлении людей в будущем — это, может быть, утопическая мечта, но она имела нравственный смысл. А вот восстановление деревень — это совершенно реальная мечта, она может воплотиться в любое время, мы пока не знаем, когда оно наступит, может быть, через пять лет, хуже, если через пятьдесят.

Мы единственные в мире, кто испытал метод искусственного отбора на селе. Больше в мире такого опыта не было и нет ни у кого. При искусственном отборе, тем более ускоренном, мы потеряли весь генофонд, но, слава богу, мы еще можем себя кормить. Наверно, другие нации уже давно бы вымерли, стерлись с лица земли. Я об этом писал еще в 1978 году, но все это цензура вырезала. О том, как проходил у нас в стране этот искусственный отбор нации, писать было нельзя в то время. Страшный плуг прошелся по России. Я считаю, что демографы, географы, статисты, экономисты должны заниматься этой проблемой — каким образом нам заново восстанавливать нацию, сколько лет на это понадобится. Вот в чем дело-то. Ни Франция, ни Англия, ни

Александр Шевелев

* * *

...Я как кошуинства — краснословья
остерегаюсь, как беды.
А. Твардовский

Красивых слов
боюсь я с детства —
они предательству
сродни,
они мешают в жизнь
вглядеться,
и заслоняют взор они.
Их произносят
лицемерно
с трибун высоких
не стыдись,
в таких речах
все вроде верно,
и слов верна
взаимосвязь.
Но веры нет,
как ни рисуйся,
куда ни кинься —
жизнь права:
у правды
есть свое искусство,
у правды есть —
свои слова.

* * *

— Жива Россия! Брат, жива! —
услышал в электричке я слова.

Их говорил старик юнцу,
и было видно по лицу,

по шрамам вдоль и поперек,
что он усвоил сей урок

не где-то там, в глухом тылу,
а в битвах, в грохоте, в дыму,

когда он шел назло смертям
в обмотках рваных по полям,

когда солдатская шинель
спасала в стужу и в метель,

когда измятый котелок
пустой стучался в правый бок,

когда убитый рядом друг
шептал слова вот эти вслух:

— Жива Россия! Брат, жива!..
Он обессмертил те слова.

* * *

Мне разведенные мосты
всегда вселяют страх:
поскольку я,
поскольку ты —
на разных плоскостях.
А между нами —
бег Невы.
Разлуки —
долгий год.

И не поднять мне
головы
от этих темных вод.
И я кричу...
И ты кричишь...
Но гасит крик вода.

Ты над судьбой
своей горишь
как тайная звезда.

Мой сад

Да, я давно познал, мой друг,
и боль разлук, и соль разлук.

Да, я познал длину дорог
и силу радостей, тревог.

Познал я преданность друзей
и подлость жалкую людей.

Познал я лесь, туман речей.
Познал я, как журчит ручей.

Познал я буйство гроз ночных
и тайну зарослей речных.

Познал я зной. Познал мороз.
И сладость шепота и слез

Любимой женщины в ночи,
при свете праздничной свечи.

Познал я все. И тем богат,
что за окном шумит мой сад.

Он был посажен мной весной.
Теперь я с ним,
а он — со мной.

* * *

Ничто грозы пока
не предвещало.
Лес засыпал,
ветрами окружен.

У края поля
женщина стояла,
перебирала, словно струны,
лен.

Неторопливо шло в деревню
стадо
и рассыпалось с ревом
по дворам...

Но вдруг порыв...
И влажная прохлада
туманом за клубилась
по лугам.

И на деревню навалилась туча,
сминая вечер,
поднимая сор.

И свет грозы пронзительный
и жгучий,
как фотовспышкой,
озарил простор.

И грянул гром
у стана полевого
и прокатился медленно
вдали...

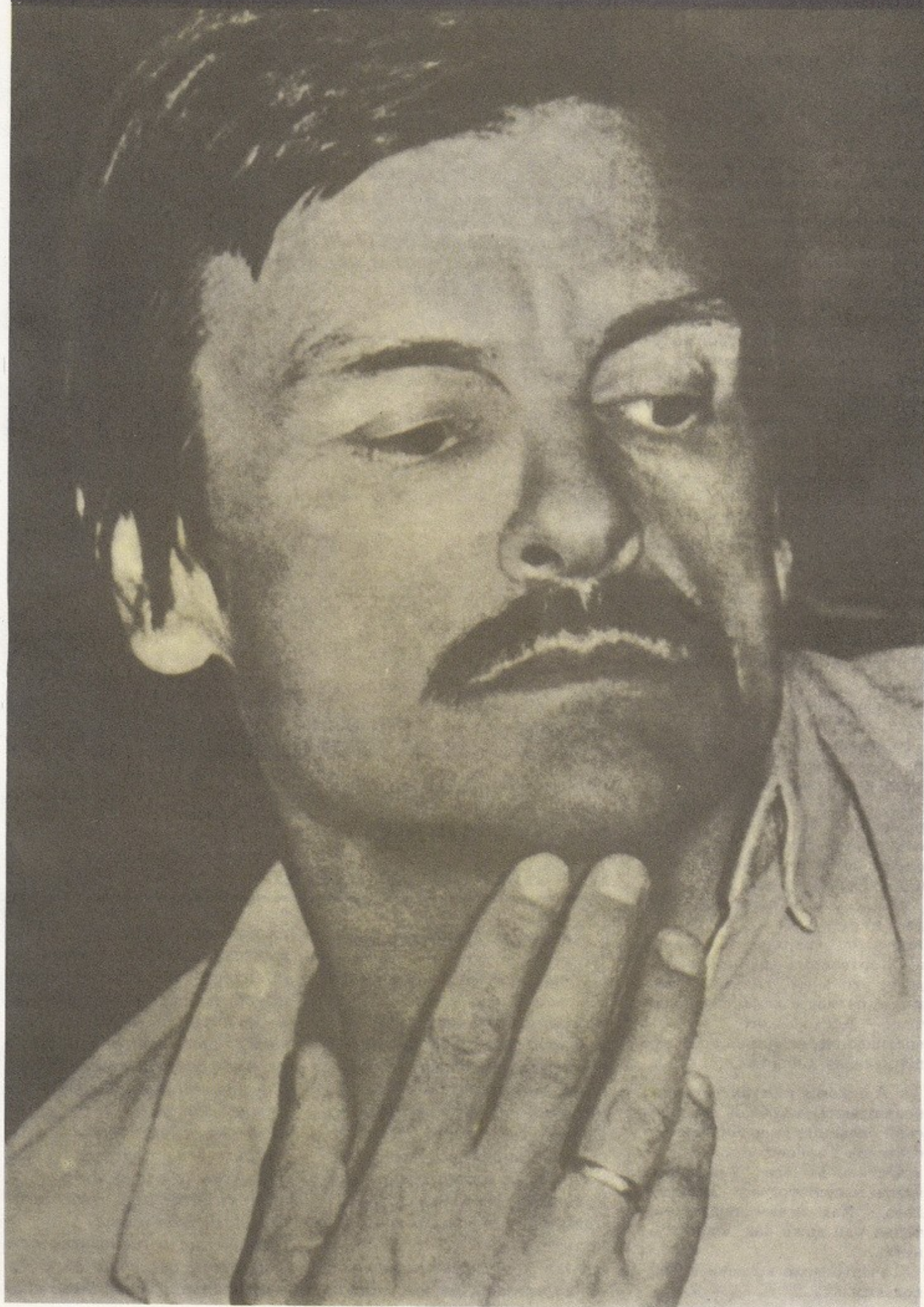
И видел я:
у нас в России снова
в полнеба грозы
ночью зацвели.

* * *

Меня любить
не обещаю
ни завтра,
ни потом,
пускай останется
печаль,
холодным —
старый дом.
Не обещаю,
что навсегда
со мною ты одна.
О, как обманчива
вода,
что в омуте
темна.
Не обещаю
и не прощай
сегодня,
завтра,
впредь...

Когда скучается —
скачай,
поется —
надо петь.

СТ.М представляет: Андрей Тарковский

«Кино и поэзия не имеют сюжета»

В этих словах Андрея Тарковского — ключ к «зашифрованности» его кинолента.

Анонсируя материал о режиссере (публикуется в «Ст. М» № 1 за 1989 г.), скажем лишь несколько слов. Автор его — опытная журналистка. Но беседовала она с Андреем Арсеньевичем в пору своих студенческих лет. И потому материал этот пронизан симпатичной наивностью и максимализмом, что прекрасно оттеняет человечность и благородство Тарковского.

А теперь процитируем письмо студентки сегодняшней — Натальи Аншиной из МАДИ:

«Я слышана была самых странных мнений, витавших вокруг имени Тарковского: «Опальный режиссер, сбежавший на Запад...», «Фантаст, снявший «Солярис» Лема и «Пикник на обочине» Стругацких»...

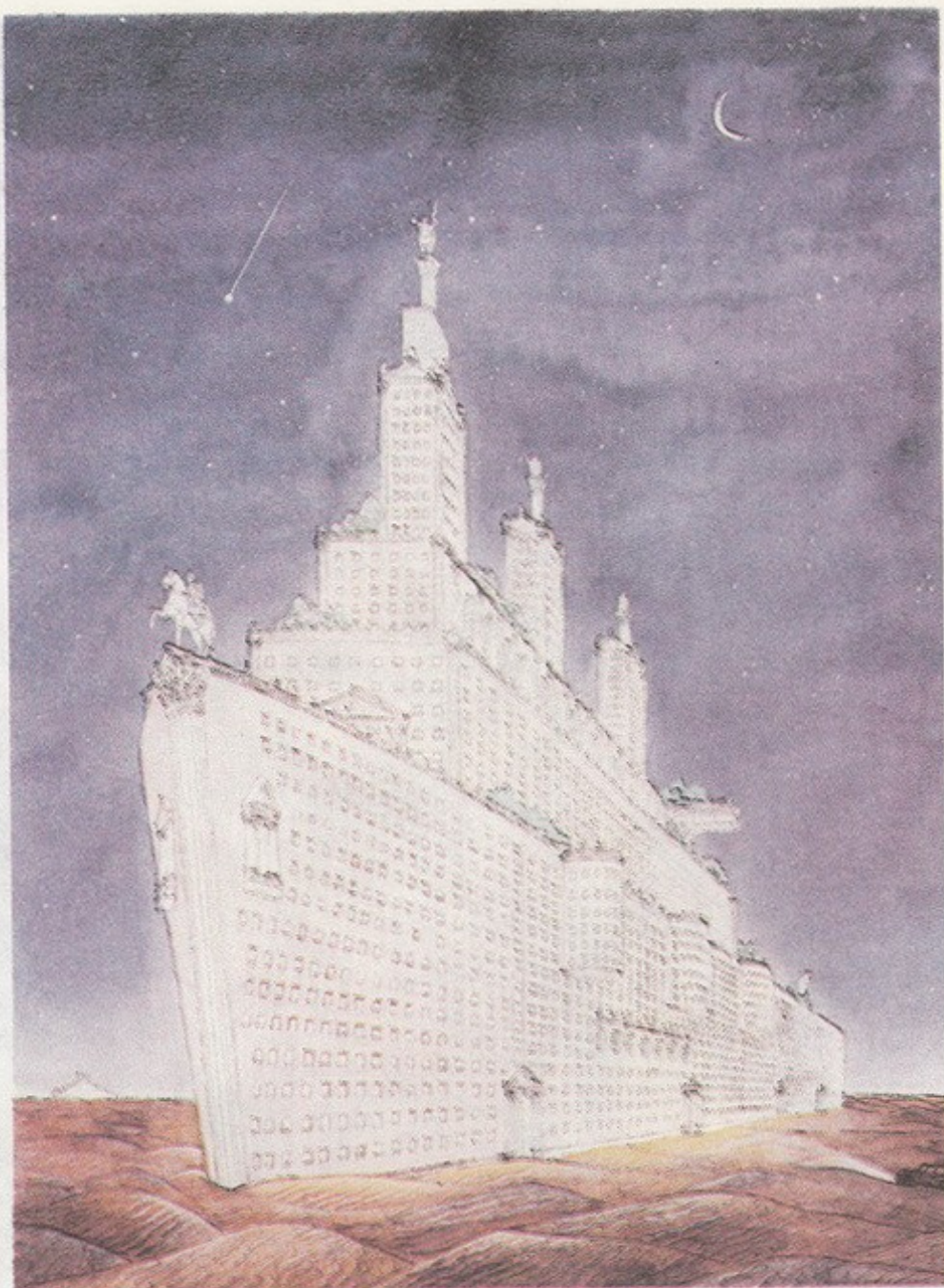
Первым из его фильмов увидела «Сталкер». До середины ошарашенно смотрела на экран (у Стругацких — ничего похожего!), пока не осознала: фильм этот — не совсем привычная экранизация. Интригующая идея социальной фантастики превращалась в притчу о болезненной, безнадежной жизни...

После каждой картины старалась понять, чем же так близок мне этот режиссер. Но только в «Жертвоприношении» разглядела, что в его фильмах очень много от моего любимого писателя — Достоевского: великое сострадание, огромная боль, все вбирающая доброта...

...А потом в газетах — скупая невнятность: в далекой европейской больнице умер Андрей Арсеньевич Тарковский...»

Осталось его завещание нам — кинематограф Тарковского... Как некий новый материк или даже как новая планета...

Так что — до встречи с Тарковским.

Графика С. Морозова

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

О настоящем во имя будущего

Беседа
с Борисом Стругацким

Первая совместная книга братьев Стругацких «Страна багровых туч» увидела свет чуть больше тридцати лет назад. Это была романтическая история об экспедиции на Венеру в рамках некоего фантастического проекта «Хиус», руководитель которого, Николай Захарович Краюхин, напутствуя героев-межпланетников, декларировал, в частности,

следующее: «Мы все мечтатели. Но я мечтаю не носиться по пространству подобно мыльному пузырю, а черпать из него все, что может быть полезно... Что в первую очередь необходимо для лучшей жизни людей на Земле, для коммунистического содружества народов. Тащить все в дом, а не транжирить все, что есть дома! В этом наше назначение и наша поэзия».

В этом, добавлю, в значительной мере было еще

и авторское мировоззрение той поры. «Страна...» писалась во времена, — скажет впоследствии Борис Стругацкий, — когда над всем миром висел лозунг: «Человек — превыше всего!» И, следовательно, все, что существует в природе, — существует только ради и во имя человека. Если же что-то мешает человеку, оно должно быть уничтожено...»

Все так, но вместе с тем «Страна...» писалась еще и во времена социальной эйфории, во времена, когда вопрос светлого будущего, как, впрочем, и многие другие, уже решился «сверху». Оно даже как бы наступило, это будущее. И литераторы (а уж фантасты-то среди них и подавно) оказались в числе самых первых его колонистов. Теперь, задним числом, можно сказать: колонистов весьма беспощадных. Просто получилась невольная путаница. Раз будущее слилось с настоящим, то и жить — получалось — достаточно только сегодняшним днем. Однако очень скоро выяснилось, что это не так.

Очнувшись в начале шестидесятых, многие обнаружили вдруг, что само по себе «светлое будущее» все еще не построилось и строителей, реально способных ему в этом помочь, в обществе осталось совсем немного. После такого открытия кое-кому уже не суждено было подняться, выбраться из волн цинизма, злопыхательства, неверия. Стругацким удалось это

сделать. Они очень быстро сообразили, что поза обманутых на самом деле не только неразумна в социальном плане, но еще и унизительна чисто по-человечески. Осознав это, они всерьез задались вопросом происходящего в обществе и наиболее вероятных перспектив...

Так, или приблизительно так, представлялась мне внутренняя логика движения «ранних» Стругацких от голой декларативной романтики «Страны багровых туч» (1957 г.) до того разговора, начало которого пришлось на «Трудно быть богом» (1963 г.). Но внутренняя логика все же никак не объясняла скачка Стругацких от приключений к социальной фантастике. Никто, полагаю, не сумел бы в те годы представить, что за «Далекой радугой» (1962 г.) последуют «Попытка к бегству» и «Трудно быть богом». Даже сегодня такая последовательность сама по себе в цепочку так и не складывается. И потому объяснить ее одними только внутренними причинами, видимо, не удастся. Как раз это соображение и вызвало мой первый вопрос к Борису Натановичу Стругацкому, когда я включил магнитофон в его совершенно обыкновенной, ничем не выдающейся квартире на улице Победы в Ленинграде, а у моих ног устроился толстый и теплый кот Калям.

— В повести «Трудно быть богом» ваше внимание впервые сосредоточивается на социуме. Все, что было написано после, в той или иной форме, — исследование социальной структуры окружающего мира. Случайно ли появление именно такой повести в один и тот же год с известной речью Н. С. Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства?

— Признаться, начало для меня несколько неожиданное... Безусловно, не случайно! У вас пишет эта штука?.. Значит, так... Вы очень точно угадали, хотя первой нашей вещью социального плана мы считаем «Попытку к бегству». Но «Трудно быть богом» — непосредственный отклик на изменения окружающей нас действительности. После той знаменитой встречи в Манеже ситуация в стране обострилась, и наше мировоззрение дало некую трещину. Мы

поняли вдруг одну вещь: не все люди, говорящие, что они коммунисты, ратуют за коммунизм... совершенно не все они находятся по одну сторону баррикады. Вот и Никита Сергеевич — человек, к которому я отношусь с глубочайшим уважением, человек, который сделал очень много в нашей истории, — при всем при том, коль скоро речь шла о культуре, коль скоро речь шла о роли интеллигенции и интеллигентности, находился по другую сторону баррикады от меня. Я преклоняюсь перед ним, как перед человеком, первым поднявшим руку на репрессивный социализм, на Сталина, переориентировавшим наше мировоззрение. Мы ведь были сталинистами. Отпетыми причем. И этот человек сделал нас во многом такими, какие мы есть сегодня. И в то же время он был по другую сторону баррикады. Он не понимал, какую роль играет Культура в жизни человека. Он не понимал, какую роль играет Культура в становлении коммунизма — самого святого понятия нашей жизни... Понимал это вульгарно, примитивно, с позиций невежественного человека. И «Трудно быть богом» в значительной степени было ответом ему. То, что критик Нудельман в свое время назвал «публицистическими отменями», — составляет костяк повести. Это рассуждения об интеллигенции, о том, зачем нужна интеллигенция, почему она необходима в каждом государстве... Вспомните, чем занимается Румата. Он спасает интеллигенцию. Это вообще было время, когда мы начали обожествлять интеллигенцию, считая, что именно она является панацеей от всех бед. Потом от этой идеи мы вынуждены были отказаться, но тогда она вела нас. Поэтому «Трудно быть богом» — вы совершенно правы — есть публицистический ответ на историческую встречу в Манеже.

— Мне показалось также, что начало шестидесятых годов отмечено в вашем творчестве некоторой растерянностью. Связано ли это с тем, что будущее в том виде, в котором оно было обещано, не состоялось, пропало?

— Пропало не будущее. Оно как было, так и осталось в наших мечтах, в воображении. Исчез путь. Нам казалось, что

есть дорога. Она кое-где затянута туманом, что-то не до конца на ней видно, но она — существует... дорога, по которой надо идти к тому самому миру, который мы представляем себе очень хорошо... И вот в конце шестидесятых мы вдруг перестали видеть эту дорогу. Мы перестали различать, как идти. Иными словами, мы понимали, что окружает нас в настоящем, мы могли представить, что ожидает нас в будущем, но мы не могли провести линию, соединяющую одно с другим. На протяжении двух или трех лет с момента написания «Возвращения» (1960 г.), в котором был смоделирован мир будущего, мы интенсивно обсуждали вопрос подобного перехода. К тому моменту мы уже отказались от теории, когда чем больше чугуна на душу населения, тем скорее души станут прозрачнее и прекраснее. Мы стали взрослее. Но одновременно мы ни в коем случае не хотели отказываться от коммунизма. Мы прекрасно понимали, что это — единственная цель, к которой человечеству стоит идти, единственное, ради чего оно может существовать. Если только вообще возможен хоть какой-нибудь смысл — он безусловно в стремлении к созданию подобного мира. Называйте его как хотите: светлое будущее, коммунизм, справедливое общество — как угодно! Но это должен быть мир, где люди... доброжелательные, где люди любят больше работать, чем отдыхать, где люди, наконец, твердо знают, что думать для каждого из них — не развлечение, а обязанность. Но куда же по пути к этому миру девать миллионы ленивых, жестоких, тупых, неприятных людей? Как уже сказано, мы начали с того, что принялись анализировать окружающую действительность. Так появились «Хищные вещи века» (1964 г.). Это попытка понять, что нас ждет, если тенденции сегодняшнего дня будут развиваться и дальше. Мы уже тогда, в 64-м, ясно понимали, что если все будет хорошо одеты и хорошо накормлены без изменения уровня культуры, начнутся сытые бунты — в шестьдесят восьмом они начались; взрыв невиданной наркомании и токсикомании — он начался на Западе, а сейчас доходит и до нас...

То есть мы, таким образом, зачеркнули очень важное направление — это был спор с самим собой, если угодно. Стало очевидно, что если надеяться только на закон развития производительных сил, то это нам ничего не даст. Хорошего, во всяком случае...

— *Где же спасение?..*

— Спасение, сказали мы себе, в создании теории воспитания. Но как она должна выглядеть, что это должна быть за теория — мы не знали. В «Далёкой Радуге» у нас полуосознанно вырвалась одна мысль: человеку нужен не хороший отец, а хороший воспитатель. И постепенно мы приходили к выводу, что это вообще единственный путь. В «Трудно быть богом» мы попытались выделить тот класс, который, как нам казалось, поведет человечество в будущее. Класс интеллигенции. Вопреки теории о том, что самым передовым и прогрессивным является рабочий класс, мы утверждали, что существует другой класс, без которого жить нельзя, класс интеллигенции.

— *Однако впоследствии и от этой теории пришлось отказаться?*

— Конечно! Интеллигенция в дальнейшем показала себя не лучшим образом.

— *Настолько не лучшим, что сейчас вместо того, чтобы переосмыслить ее движение, пытаются уточнить формулировку, кого же считать интеллигентом в новых условиях...*

— Да, но если без шуток, то нет такого единственного, универсального класса, который возьмет и поведет нас в будущее. И класс интеллигенции так же грешен, как любой другой. «Деревенщики» хотят возвысить крестьян, а... сейчас я уже правда не знаю, кто возвышает рабочий класс, но, наверное, такие тоже есть... Мы когда-то воспевали интеллигенцию. Смешно воспевать! Не надо никого воспевать! Надо критически, внимательно изучать окружающую действительность... И делать выводы. Вы поняли, кстати, что такое «Улитка на склоне» (1965 г.)? Дело в том, что подавляющее большинство читателей стержня этой вещи не понимает. «Улитка» — это тоже повесть о будущем. Вся сим-

волика этой вещи — и на это дается намек эпитафиями — заключается в том, что Управление — это мы, сегодняшний день, а Лес — это будущее. В «Улитке» мы впервые, по-моему, высказали предположение, даже *опасение*, что будущее может оказаться совсем не таким, каким мы его себе представляем. Одним оно кажется светлым и прекрасным («Туманность Андромеды», «Полдень»), другим — чем-то совершенно невообразимым, жутким («1984» и масса других антиутопий). Но есть ведь третий вариант, о котором никто почему-то не думает, а который как раз наверняка произойдет. Будущее будет просто абсолютно чуждо нам... То есть до такой степени чуждо, что мы даже не сможем сказать про него, хорошее оно или плохое. Дойдя до этой мысли, мы написали «Улитку».

Мир Леса — это и есть некий вариант будущего, про которое человек, пришедший туда из настоящего, не может сказать, хорошее это будущее или плохое. Он не понимает, на чью сторону стать в этом мире. Встать на сторону крестьян? Но даже ему, постороннему человеку, ясно, что это в описанных условиях нечто отживающее, умирающее, обреченное. Нелепо становиться на сторону того, что должно умереть. Встать на сторону страшных ортогенетических женщин, которые являются альтернативой крестьян? Не хочется. Они ему неприятны, они ничего для него хорошего не несут. Что делать?.. Лес — это только один из вариантов возможного будущего...

— *Борис Натанович, как и почему вы решили от взгляда на историю как на непрерывный процесс развития вида («Трудно быть богом» и т. д.) к допущению возможности развития вида скачком («Гадкие лебеди» и т. д.)? Что это — желание поскорее подсмотреть завтрашний день, или что-то другое?*

— Я понял вопрос, но, честное слово, сейчас уже не могу вспомнить в точности, как это все происходило. Могу только построить какую-то гипотезу. Она очевидна. Скорее всего, это действительно было следствием отчаяния от потери дороги...

Я помню, как мы писали «Гад-

ких лебедей». Вначале пошли по неверному пути. Написали уже несколько глав... Повесть ведь была совсем о другом. Кстати говоря, о том, как в некоторой стране обнаруживается некое племя, которое все считают дикарями, а они на самом деле являются — Homo Super, то есть следующим шагом в эволюции землян, следующим, после землян, видом. Вот с этого мы начали. Потом все перекроилось. Остались одни мокрецы, которые в новом варианте являются вовсе не новым видом, как думает на протяжении всего повествования его герой, Виктор Банев, а пришельцами из будущего. История мокрецов — это история попытки вмешательства будущего в дела прошлого. Написанная с точки зрения прошлого.

— Это ведь невероятно трудно, должно быть: «история будущего, написанная с точки зрения прошлого». Но именно это, на мой взгляд, сквозная тема творчества братьев Стругацких.

— Мы сами сравнительно недавно поняли, к собственному удивлению, что о чем бы мы ни писали, мы фактически все время либо впрямую пишем о будущем, либо имеем его в виду. Писатель сродни актеру. Он сам представляет себя на месте действующих лиц, представляет себе сцену, на которой он играет эти роли. Поскольку у нас действие многих произведений развивается на фоне будущего, надо стараться представить его себе как можно более реально. Но это не самоцель, конечно. Задачи, которые мы перед собой ставим, как правило, совершенно конкретны и в каждом случае свои. Но будущее является неизбежным фоном, на котором разворачиваются события, а значит — с фоном все должно быть о'кэй. Все должно быть предельно достоверно. Никакой лажи, никакого картона. Если скажем, люди будущего говорят о чем-то, значит, темы их разговоров должны быть, помимо прочего, еще и достаточно правдоподобными с точки зрения сегодняшнего человека. А раз так, тогда нужно, грубо говоря, придумать — о чем они могут говорить... Ну о чем они могут говорить?.. Они, конечно, интересуются проблемами собственного будущего. Какое же может быть

«собственное будущее» у них? Вот, например, теория вертикального прогресса. Мы развиваем ее уже в нескольких наших произведениях, но она при этом — я подчеркиваю — не служит самоцелью. Для нас это только одно из средств придания достоверности описываемому миру.

— Все это, наверное, правда, но ведь все ваши книги последних лет не только и не столько собственно о будущем, сколько о том, как можно распознать наступающее будущее уже сегодня...

— Здесь следовало бы сказать примерно следующее. Пишем мы всегда о настоящем, но при этом всегда в уме держим будущее. Для нас настоящее не существует отдельно от будущего как нечто самостоятельное. Оно всегда — только ступенька к будущему. И когда мы пишем о настоящем, сравнивая его с будущим, мы, безусловно, ищем ростки отсюда — туда.

— Главный герой вашей повести «Жук в муравейнике» Максим Камеррер делает выбор, сознавая, что от него зависит будущее человечества...

— Это неважно, поскольку от его поступка на самом деле зависит только состояние его собственной совести. На самом деле только это... По совести он поступает или не по совести — вот как вопрос ставится. Будущее ты не остановишь никак. Оно пойдет своим чередом. Но вот что с твоим личным будущим будет? Тут проблема выбора играет действительно очень большую роль. Ведь Камеррер в «Жуке...», по существу, должен решить только один вопрос: с кем я имею дело в лице Льва Абалкина — с роботом, посланным на Землю сверхцивилизацией Странников, или с человеком? Скажем, тот же Рудольф Сикорски, руководитель организации, которую представляет Камеррер, смотрит на проблему совершенно холодно. Ему плевать на чьи-то там чувства. Он до такой степени человек долга, так отвечает за человечество и его будущее, что о собственной совести уже не думает. Для него этой проблемы не существует. Есть только долг. Долг равно совесть. Расхождения нет. А для Камеррера здесь вполне может быть расхождение. Он считает,

что долг долгом — это прекрасно, слов нет, — но одни поступки, которые он совершает во имя долга, разрушают его совесть, а другие ей соответствуют, а значит — укрепляют ее, созидают. Вот, исходя из таких соображений, он и делает свой выбор.

Так что речь не о том вообще, как он влияет на будущее. Не влияет он на будущее! В следующей повести «Волны гасят ветер» он, появляясь вновь, очень четко формулирует свою задачу: его роль состоит в том, чтобы организовать и направить полноценный поток информации к людям, которые принимают решения. И только.

— Иными словами, герой братьев Стругацких — это всегда человек в момент выбора. И выбор этот он вынужден делать, находясь под непрерывным давлением не только внешних обстоятельств, но еще и будущего?

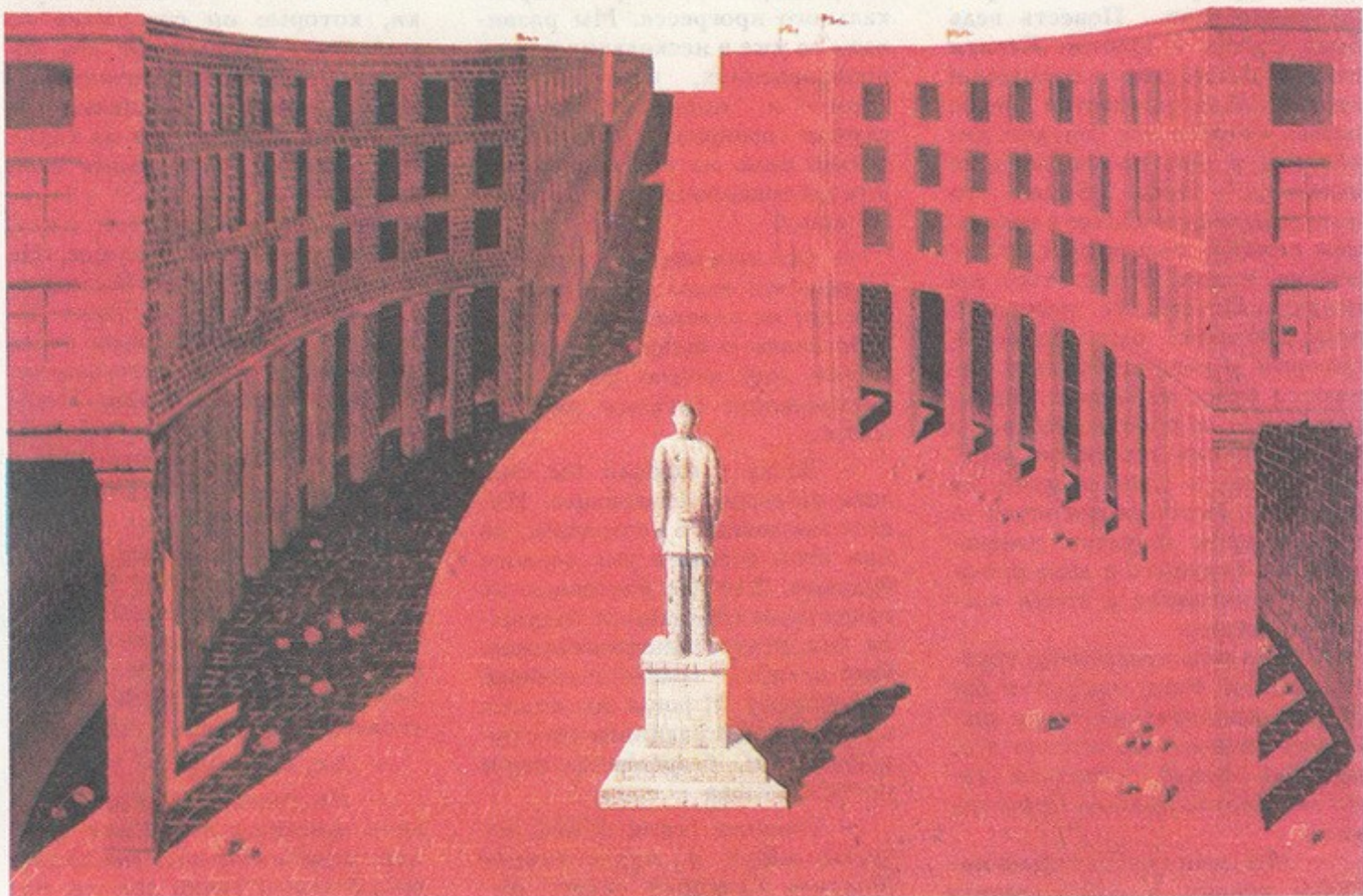
— Да, пожалуй...

— Но давление такого будущего чувствует в той или иной мере каждый из нас. Насколько оно, с вашей точки зрения, позитивно?

— Давайте сначала установим, откуда берется это давление. Что это такое: давление будущего... Дело здесь в том, что человеческая психика устроена таким образом, что она не признает бесцельности существования разумного существа. Не забывайте, что каждый из нас на протяжении всей нашей жизни так или иначе обсуждает вопрос ее смысла. Мы начинаем впервые обращать на это внимание в студенческие, даже в школьные годы и уже не успокаиваемся до конца своих дней.

В чем смысл жизни? Зачем мы живем?

Мы вырастаем, мы умнеем, мы начинаем понимать в конце концов... Сейчас я, например, совершенно отчетливо понимаю, что вопрос — в чем смысл жизни? — совершенно бессмыслен. Это вопрос, поставленный некорректно, — сказали бы в таком случае физики или математики. Он звучит как будто бы разумно, но на самом деле это не так. Далеко не всякий вопрос имеет смысл. Например, вопрос — почему у привидений ногти синего цвета, — по всем правилам грамматики вроде бы поставлен правильно, но смыс-

ла он не имеет, потому что при-видений нет. Можно задать миллионы таких вопросов, и один из них — как раз о смысле жизни. У человека нет смысла жизни. И не может быть. Человек — это явление природы, он произошел помимо своей воли, возник из клетки, живет. Вне человека смысла его существования нет. Другое дело, что каждый человек, каждая личность может придать своему существованию смысл. Это — другое дело. Я могу объявить, что смысл моей жизни... ну, я не знаю там... решить теорему Ферма. Это мое личное дело. Я могу так поставить вопрос. А другой человек скажет, что смысл его жизни — выпить двести тысяч бутылок водки. Он будет всю жизнь стремиться к этому. То есть каждый человек может придумать себе смысл, но нет Бога, который бы сказал: смысл твоей жизни в том-то и том-то... А психика человеческая отталкивается от этого обстоятельства. Человеку всегда кажется: ну как же так: я — мыслю! Я — существую! Я — испытываю чувства! Я — мыслящее существо, я разумен, наконец! Не может быть, чтобы я

появился просто так! Возник, просуществовал какой-то микроквант времени и исчез навсегда совершенно бессмысленно... Не может быть, чтобы так было!..

Вот из таких или приблизительно таких мыслей и воплей, по существу, и складывается представление, даже уверенность в том, что человеческая жизнь имеет смысл. Тем более когда додумаешься, хочется понять, что есть смысл человечества. Ладно, готов человек осознать, что такое в конечном счете один человек? Отдельная мошка. Но человечество — это грандиознейшее явление природы?! Неужели и оно не имеет смысла, как не имеет смысла... Ну, я не знаю... Тихий океан?!

В какой-то момент возник Всемирный Океан. Какой смысл Океана? А хрен его знает. Возник Кавказский хребет. Какой смысл Кавказского хребта? Неизвестно. Возникло человечество. В чем смысл человечества?.. Можем ли мы задавать такой вопрос? В общем, ясно, конечно, что не можем. Нет смысла... То есть, повторюсь с невольным

каламбуром: нет смысла в том смысле, что нет некоего сверхсущества, которое могло бы сказать нам: «Вот я вижу, куда идете вы... Вы возникли для того, чтобы через полтора миллиарда лет произошло то-то и то-то... Если бы вы не возникли, этого бы не произошло. Значит, ваш смысл как бы в том, что произойдет это событие».

Такого высшего существа нет. Догадаться, зачем возникло человечество, нельзя. И, следовательно, само понятие смысла жизни, смысла существования как бы тоже становится бессмысленным. Но... Как я уже сказал выше, никакому отдельному человеку, отдельной личности не зазорно придумать смысл жизни для себя лично. Точно так же, как никому не зазорно представить себе аналогичный смысл для всего человечества. Никогда не удастся обосновать корректность постановки этого вопроса...

— Но и опровергнуть...

— Но и опровергнуть, действительно... Так вот, если вообще можно говорить о смысле существования, то он, конечно, заключается в том, чтобы строить будущее. Определенное буду-

щее. Отсюда как раз, из презумпции этого смысла, проистекают все бесконечные утопии, которые создавались на протяжении истории человечества. Это, по сути, попытки человечества построить для себя ту цель, к которой имеет смысл идти. Потому что идти просто так представляется... обидным!

Огромное количество мыслящих существ прет куда-то, непонятно куда, неизвестно зачем... Как стадо баранов... Дико как-то. Обидно! Вот и приходится говорить себе: давайте построим облик того будущего, к которому могли бы идти. Так у нас появится цель. Дальняя. Только не все ее видят. Вот одна из задач писателя состоит в том, чтобы *определенное* будущее сделать целью движения человечества. Хотя бы на короткий промежуток времени. Но это должно быть непременно светлое будущее. Только в этом смысле то, что вы назвали давлением будущего на человека, будет позитивным.

— И формы такого будущего определяются настоящим?

— Безусловно.

— Иными словами, для того, чтобы сделать верный выбор, мы должны внимательно всматриваться в окружающую действительность, пробуя различить в ней те самые «щупальца будущего», которые вот уже на протяжении двух десятилетий путешествуют из одной повести братьев Стругацких в другую?

— Можно и так истолковать... Хотя, опять же, при этом каждый человек должен понимать, что то будущее, которое наступит, обязательно будет отличаться от того, к которому мы стремимся. Это неизбежно. И когда, скажем, Белинский писал в 1842 году — цитирую по памяти: «Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено увидеть Россию через сто лет...» — вряд ли он бы обрадовался, если бы его вдруг перенесло в 1942 год, куда-нибудь под Сталинград...

— Вместе с тем один из главных парадоксов художественного творчества заключен, на мой взгляд, в том, что писатель для того, чтобы выразить свое время, выявить наиболее вероятное будущее, должен идти в народ, в гущу событий, при этом он должен — одновременно — и отстраниться, чтобы взглянуть

на происходящее со стороны... Как разрешаете вы для себя подобное несоответствие?

— Я не знаю, является ли это парадоксом... Но ситуация такая действительно имеет место. Как преодолевается это противоречие? Понимаете, мне кажется, что существует одна очень интересная штука.

Совсем неважно в конце концов, какие конкретные задачи ставит перед собой каждый автор. Это никого не касается и не интересует. В результате определенной умственной деятельности на бумагу ложатся строчки, которые прочтывают люди, и этот феномен называется *книга*. Очень важно, что книга не существует сама по себе. Что она — всегда результат взаимодействия между образами писателя и представлениями читателя. Это очень точно нужно понимать. Из этого следует один любопытный вывод: что бы автор ни написал, он всегда найдет сочувствующих. Что я имею в виду... Представим себе писателя... что-то вроде Пруста, который сидит у себя дома, ездит только на дачу, практически ни с кем не встречается, практически никого не видит. Ну, жена там, три друга, иногда выходит в киоск за газетами и сигаретами... То есть, вообще говоря, его контакт с окружающим миром минимален. Когда он напишет свою книгу, то *обязательно* — хочет он того или не хочет — отразит тот круг образов, с которыми сталкивается... Там в каком-то виде будет присутствовать его жена, в каком-то — его друзья и т. д. Он создаст некий самостоятельный мир. При этом, как уже сказано, обязательно найдутся читатели, и не один, а десятки и даже сотни тысяч, которые этот мир, построенный на, казалось бы, мизерном материале, воспримут как необычайно знакомый, очень богатый по деталям, чувствам, по мыслям. То есть читатель *дополнит* собственным опытом, собственным воображением те знаки, которые ему дал писатель. Он увидит гораздо больше и, может, даже несколько другое, чем то, что видел писатель, когда писал роман. Такой эффект, безусловно, всегда существовал и существует в литературе. Вот почему, между прочим, нет принципиальной разницы между тем, как воспринимает

массовый читатель очень разных писателей. Это может быть писатель, который прошел сквозь гущу жизни: Горький... Походил, пошатался — чего он только не видел! Но ведь можно представить себе писателя, человека, который прожил совершенно заурядную жизнь. И он тоже будет писать произведения, которые вызовут отклик. Наконец, можно представить себе третьего — автора, пишущего о прошлом, который просто не мог видеть того, что описывает в своих исторических романах. Все знания автора романов «Пером и шпагой», «Слово и дело» почерпнуты не из реальной жизни, а из архивов. Но и он при этом создает мир, который вызывает активнейшее сопереживание.

То есть оказывается не так важен личный опыт писателя, как важно нечто другое. Это другое я формулирую как способность создать мир, вызывающий сопереживание. Вот в чем это умение, в чем здесь секрет? Этого я, к сожалению, не знаю, но это в конце концов уже совсем другая история...

*Беседу вел
Евгений Канчуков*

ДОСЫЛ В НОМЕР

Вопрос любителям рок-музыки

В № 7 с. г. мы объявили о том, что в 1989 году хотели бы познакомить вас со страницами переводной «Рок-энциклопедии». Кроме того, опубликовали «древо рок-музыки», которое попросили читателей осмыслить и дополнить.

Честно говоря, мы были уверены, что будет большая читательская почта, а получили в ответ два десятка писем.

Возможно, вам это уже неинтересно? Тогда давайте откажемся от публикации.

Решение за вами, наши читатели.

Срочно сообщите в редакцию ваше мнение по этому вопросу.

Януш Зайдель

БВУНТ

Рассказ

Планета была обустроена так, что вызывала уважение и восхищение ее жителями. Я опустился на идеально ухоженном космодроме, гостеприимно приветствуемый по радио. Естественные условия планеты позволяли мне свободно двигаться и дышать без скафандра.

Я спрыгнул на поверхность космодрома и увидел приближающуюся со стороны строений космического портала фигуру, очень похожую на человеческую. Мощное туловище несло на себе крупную, прямо посаженную голову с высоким лбом и умным взглядом живых глаз.

Только на расстоянии нескольких метров я заметил, что ошибся, и успел вместо «Добрый день, друг», которое у меня чуть было не сорвалось с языка, произнести:

— Приветствую вас!

Мне ответили два голоса: один — низкий и звучный, другой — писклявый дискант, идущий откуда-то из-за подбородка большой головы. Фигура слалась из двух половин!

На плечах мускулистого существа с маленькой, не больше апельсина, головкой сидело — словно на «закорках» — другое, состоящее почти полностью из большой головы, к которой было приделано крошечное, заметно атрофированное тельце. Тонкие кривые ножки обхватили шею большого, маленькие ручки держали его за уши.

Я внимательно осмотрел обоих, когда большеголовый вдруг со смущенным видом наклонился к уху маленькой головки и что-то тихо прошептал. Большой тотчас поднял его своими огромными руками, осторожно снял с плеч, и оба исчезли на минуту в кустах. Через минуту они вернулись, большеголовый занял свое обычное место, и они вместе подошли ко мне.

— Приветствуем вас, путешественники! Откуда вы? — спросила большая голова.

— Я один, — объяснил я, — прибыл из Солнечной системы.

Я заметил выражение недовольства на лице большеголового, и мне показалось, что он делает

какой-то многозначительный вид, косясь вниз, на своего товарища. Зато маленькая головка с этой минуты стала рассматривать меня с явным интересом.

Они проводили меня до машины, которая отвезла нас в город. По улицам разгуливали толпы разноголовых двутелов. Мы остановились перед большим зданием, мои провожатые привели меня на этаж, в гостиную комнату. В течение нескольких минут я был один. Я осмотрел комнату. В ней оказалось две кровати: одна большая, но с миниатюрной подушечкой, вторая — маленькая, но с подушкой внушительных размеров. В остальном обстановка комнаты соответствовала обычному гостиничному стандарту — с той лишь разницей, что вся мебель была в двух вариантах — нормальном и миниатюрном. Такую же особенность я увидел в оснащении прилегающей ванны.

Я выглянул в окно. Оно выходило на улицу, по которой я приехал сюда. Перед зданием собралась приличная толпа двутелов. Был слышен неясный шум и отдельные возгласы, в большинстве своем — тонкие и писклявые.

На противоположной стороне улицы находился большой дом торговли, по улице проезжали автомобили — жизнь города шла своим чередом. Однако толпа перед зданием росла с каждой минутой.

Дверь моей комнаты отворилась. Вошло два двутела. По приказу большеголовых их напарники сняли их с плеч, посадили на кресла и покинули комнату, закрыв за собой дверь. Отделенные от своих товарищей, большеголовые выглядели довольно неуклюже и явно чувствовали себя неловко. Один из них в первую минуту чуть не упал с кресла, другой продолжал беспомощно перебирать ручки, поддерживая слишком крупную голову, качающуюся на тонкой шейке.

— Путешественник! — начал один из вошедших. — Мы знаем, что ты совершил это ненамеренно, но ты доставил нам много хлопот своим неудачным появлением на этой планете. Весть о тебе уже разлетелась по городу, и теперь уже невозмож-

но удержать ее в тайне. Ты должен нам помочь овладеть положением! Нам грозит переворот, последствия которого могут оказаться губительными для нашей цивилизации!

— Не понимаю, какое отношение это может иметь к моему прибытию?

Второй из большоголовых, бородатый и почти совсем лысый, безуспешно пытался почесать себе темя, но его рука не доставала так высоко.

— Ты не понимаешь, пришелец, потому что не знаешь здешних условий. Поэтому я постараюсь — в нескольких словах, ибо время не терпит — изложить тебе ход нашей истории. Ты находишься на планете Набарнация, заселенной двумя видами разумных существ — Мускулатов и Мегацефалов. Перед тобой как раз представители второго вида. Однако не всегда дело обстояло так, как сейчас. В давние времена планету населяла морфологически однородная раса существ, в обоих чертах похожих на тебя, с равномерно развитыми органами тела. С течением времени в борьбе с трудными условиями существования, которая требовала в такой же мере физических усилий, как и умственных, наметилась и получила заметное развитие специализация существ: одни, сильные физически, постепенно отстали в интеллектуальном развитии, их головы, мало использовавшиеся, уменьшились до минимально возможного предела; другие, занимающиеся наукой и управляющие обществом, наоборот, потеряли в физическом развитии, а их тела сжались до размеров скорее символических. Мы должны честно признаться, что в то время ученые заметно помогли естественной эволюции достичь сегодняшнего уровня. С использованием генетической мутации, программирования потомства и некоторых других методов значительно ускорилось разделение нашей расы. Впрочем, в то время исходили из совершенно правильной посылки, что Мускулатам не нужен слишком пылкий ум, Мегацефалам же — чересчур развитые тела, которые требуют обильной пищи и не так полезны в мыслительных процессах. Заметь, пришелец, что из органов тела, — кроме, разумеется, головы — единственно указательный палец нашей правой руки сохранил относительно большие размеры и двигательные навыки, поскольку он необходим нам, чтобы нажимать на кнопки счетных машин.

Однако вернемся к нашей истории. Итак, неизбежным следствием так далеко зашедшего распределения деятельности стала необходимость соединения в тандемы Мегацефалов и Мускулатов, дополняющих друг друга. Такой симбиоз выгоден для обоих видов, а жизнь одного из них полностью зависит от другого.

К сожалению, не удалось до такой степени уменьшить мозги Мускулатов, чтобы предотвратить слишком безрассудные проявления недовольства с их стороны. По мере развития наши головы становятся все тяжелее, а Мускулаты по крайнему своему скудоумию сетуют, что должны носить их, и полагают, что с таким же успехом могли бы обходиться без этого ненужного, по их мнению, балласта. По отношению к нам они настроены так враждебно, что им достаточно какой-нибудь случайной искры, чтобы разжечь беспорядки. И тогда — горе нашей цивилизации!

Твое прибытие, уважаемый гость, может стать именно такой искрой. Прислушайся к гомону тонких голосов за окном! Это они! Выгляни и посмот-

ри, что там творится. Но прежде закрой дверь на замок!

Я выглянул в окно, и моим глазам представилась поистине поразительная картина: толпа Мускулатов, сбросив с себя Мегацефалов, митинговала перед зданием. Появились транспаранты с неумелыми, но убедительными по содержанию рисунками, изображающими, например, деревья, словно коками, обвешанными гроздьями большоголовых. Близлежащий сквер, тротуар и шоссе были завалены кучами Мегацефалов, беспомощно перебирающих своими маленькими конечностями.

Дальше на широком газоне несколько Мускулатов играли в футбол. За них болела кучка существ с особенно крошечными — пожалуй, не больше грецкого ореха, — головками, что не мешало им, подбадривая играющих, поднимать сатанинский рев. Только через некоторое время я заметил, что вместо мяча игроки используют совершенно лысого Мегацефала. Это меня окончательно убедило в серьезности положения.

— Чем я могу помочь вам? — обратился я к моим собеседникам.

— Покажись им в окно! выступи перед ними! Ты должен их как-то успокоить. Они уверены, что, избавившись от нас, будут в состоянии обрести со временем прежние размеры голов. Они не отдадут себе отчета в том, что прежде чем это наступит, цивилизация, лишенная нашего руководства, обратится в руины.

— Мне кажется, что вы правы, но что же я могу сказать им?

— Скажи им, — подсказал второй Мегацефал, — что на твоей планете однажды возникла подобная ситуация, но ее радикальным образом разрешили с помощью пересадки голов Мегацефалов к телам Мускулатов. Что ты тоже являешься таким гибридом. Объясни им, что это единственный проверенный на практике способ достижения гармонии для обеих рас!

— Неужели вы и вправду готовы довести дело до этого?

— Конечно! Но они даже не хотят слышать об этом!

— А их маленькие головки вы собираетесь соединить с вашими маленькими тельцами?

Оба Мегацефала заметно смутились, уставившись взглядом в пол.

— Ну-ну... пожалуй, нет, да и зачем? — пробормотал один.

— Ведь такое создание, слабое и до крайности слабоумное, вообще не смогло бы существовать! — объяснил другой.

Я с ужасом смотрел на них.

— Отдаете ли вы себе отчет, — сказал я с упреком, — во что вы собираетесь втянуть меня? Вы хотите незаконно завладеть телами своих собратьев и к тому же предлагаете мне, чтобы я уговаривал их?! О нет! Не рассчитывайте на мою помощь в таком недостойном предприятии.

— Пришелец! — воскликнули оба в отчаянии. — Ты убиваешь нас своим отказом! Они выберут тебя своим предводителем, увидев в тебе идеал своих стремлений: Универсальное Одинокое Существо! Они погубят нас, бросят на произвол судьбы! Ведь мы одни не можем даже справиться нужду!

Не зная, что делать, я опять подошел к окну. По улице ехала колонна грузовиков, груженных капустой. Однако, когда я пригляделся получше,

оказалось, что это не капуста, а груды Мегацефалов.

— Ладно! — сказал я, отходя от окна. — Я помогу вам, но не так, как вы себе представляете. У вас здесь есть какая-нибудь контора?

— Контора?

— Ну, какое-нибудь учреждение, все равно какое?

Оказалось, что внизу, в этом же здании размещается паспортный стол. Тогда я спустился вниз. В конторском помещении служащие — Мегацефалы — судорожно вцепились в уши своих Мускулатов, которые уже успели снять нарукавники, но, видно, еще не решились присоединиться к демонстрантам. Мое вторжение застигло врасплох и тех, и других. Не обращая на них внимания, я подошел к одному из шкафов и, достав из него стопку паспортных формуляров, побежал на этаж. Открыв окно, я встал на подоконник.

— Слушайте, о Мускулаты! — крикнул я. — Посмотрите!

Они тут же затихли, уставившись на меня.

— Посмотрите на меня. Хотите иметь такие же головы, как у меня?

Ответом был всеобщий взвизг энтузиазма. В нескольких словах я объяснил, что прилетел с планеты, на которой придумали простой метод укрупнения голов. Я сам, сказал я, когда-то подвергся этой операции, и теперь они видят ее результат своими глазами.

— Но прежде чем ваши головы увеличатся в размерах, вам придется пройти через несколько пустяковых формальностей. Вот формуляры, которые нужно заполнить очень аккуратно и подробно в соответствии с их пунктами и разделами. К ним следует присоединить заявление, обосновывающее необходимость обладания большой головой, а также несколько приложений, о которых каждому будет сообщено при составлении заключения.

Произнеся это, я бросил в толпу тысячи печатных листков, которые они расхватывали в течение нескольких секунд. Потом Мускулаты долго изучали их содержание, и пот выступал на их низких лбах. Они присаживались на бордюры, чесали маленькие головки, в задумчивости грызли карандаши и ручки. Наконец то один, то другой начали озираться, кто-то украдкой поднял с мостовой истерзанного Мегацефала, отряхнул его от пыли, вытер рукавом и посадил назад на плечи. Многие последовали его примеру. Несколько минут спустя уже вся толпа Мускулатов усердно и суматошно гонялась за Мегацефалами. Они вырывали их друг у друга, дрались за них, торговали ими. Развернули назад грузовики и в мгновение ока расхватывали их содержимое. Через пятнадцать минут установилась полная тишина.

— Посмотрите! — сказал я своим гостям, подсаживая их на подоконник. — Теперь вам нужно заботиться только о том, чтобы после заполнения этих формуляров они получили следующие, по возможности еще более сложные. Без вас они с ними не справятся — они и сами в этом убедились. Вот самая ценная наука для них.

— Спасибо тебе, пришелец, — сказал старший Мегацефал. — Но ведь... Как долго это может продолжаться? Если все будут постоянно заняты заполнением формуляров и сочинением заявлений, то что будет дальше с нашей цивилизацией?

— Об этом можете не беспокоиться, — заверил я их. — На планете, на которой я живу, цивилизация, *несмотря на это*, существует уже довольно давно.

Оставив спасенных Мегацефалов, я отправился на космодром и быстро взлетел. Никто меня не задерживал, потому что все были очень заняты...

Перевод с польского
Натальи Стаценко

ЛИРА-88

Игорь Косицын,
Омский университет

* * *

Раз в году настигает меня
И шершавую гладит ладонью.
Приближение этого дня
Я предчувствую, словно погоню.

День рождения... Что же молчу?
Может, год отнимают
последний.

На зеленую дуют свечу
И прощаются шумно
в передней.

На затылке ладонь тяжела.
Оглянусь — никого не увижу,
Только звезды покажутся
ближе,
Только складка у рта пролегла.

* * *

Споткнулся только раз. Затем —
упал.
Паденьям с той поры не знаю
счета.

Об этом никогда не забывал,
Но вспоминал мгновения
полета.

Хотя бы так... Покуда
не пришло
Умение, присущее пернатым.

Когда бы мне подняться
на крыло

Ни перед кем уже
не виноватым!

Андрей Котенко

Тяжелые шаги

Мне не верится, что и со мною
Что-то важное произойдет.

— Кто стоит за моею спиною?
Кто за мною ломает лед?

Лед трещит и ломается гулко,
Отрезая за мной каждый шаг.
Замечательная прогулка!
А ведь вышел-то просто так!

Туман застилает очи,
Сзади кто-то кричит:
«Побыстрой!»
И не делает путь короче
Бесполезный свет фонарей.

А на той стороне — палатка,
И туман нас туда ведет.
Вдруг раздался вскрик его
краткий:
Оступился, ушел под лед.

Может, я был тому виною,
Или шаг мой был слишком
тяжел...
Я не знаю, кто шел за мною,
Но, скорее, никто не шел...

НАШИ
ПУБЛИКАЦИИ

Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы

Борис Акимов, Олег Терентьев

От авторов. Проанализировав огромное количество писем, в которых содержится много разных предложений и рекомендаций, мы выделили один совет читателей, встречающийся чаще других: указывать выходные данные каждого конкретного высказывания или документа непосредственно за ним, чтобы не заглядывать каждый раз в конец публикации.

Считаем предлагаемое построение публикации неверным. Почему? Мы стараемся «смонтировать» свою документальную повесть так, чтобы она читалась как цельный текст, а не просто биохроника.

Представьте себе: вы каким-то образом попали в компанию людей, хорошо знавших Высоцкого, в тот момент, когда они вспоминают своего друга. Идет

неспешный разговор. Порой в беседе возникают противоречия (не без этого: сколько лет прошло!), и тогда присутствующие начинают выяснять, как же было на самом деле. Вы же не станете постоянно шептать своему соседу: «А это кто?.. А этот?.. А кто она?..» Все постепенно и так выяснится, хотя никто из присутствующих, естественно, не станет перед тем, как что-то сказать, представляться: «Я — такой-то...»

И все-таки мы решили одну главу напечатать в том виде, в каком вы просите. Сравните, как вам лучше читать, и напишите нам.

Год 1964-й

История Театра на Таганке неразрывно связана с творческой

В. Высоцкий и Ю. Любимов

судьбой Владимира Высоцкого. Подобный театр — явление уникальное в отечественной культуре. Досадно, что даже сейчас исследованием этого театра по-настоящему никто не занимается. Мы уверены, что через какое-то время, рано или поздно, это будет сделано. Но нет гарантии, что какие-то эпизоды истории Таганки к тому времени не будут навсегда забыты. Поэтому мы решили в процессе публикации иногда касаться малоизвестных страниц деятельности театра, даже если имя Высоцкого в них не фигурирует.

«Театр драмы и комедии находился на Таганской площади, то есть далеко от центра, и поэтому зал там всегда пустовал. Народ туда не ходил, а если ходил, то принудительным порядком — в нагрузку к «Современнику».

Смехов В. Выступление в гарнизонном Доме офицеров. Новосибирск, 1981.

«Меня назначили директором Театра на Таганке 2 ноября 1963 года. Главным режиссером был Александр Плотников (...). Мое глубокое убеждение: театр, как и человек, имеет свой срок жизни. Он растет, взрослеет, потом дряхлеет и умирает. Театр — организм творческий. Он все время требует притока свежих сил: как актерских, так и режиссерских. Вот и Театр драмы и комедии к 63-му году исчерпал все свои творческие возможности (...). И все же меня уговорили стать [его] директором (...). В те годы это был, вероятно, самый непопулярный театр в Москве. Подчас на сцене актеров было больше, чем в зале зрителей.

Первое, что мне пришлось в «директорскую» голову, — посмотреть выпускные спектакли в театральных училищах Москвы (...). Попал однажды на дипломный спектакль Щукинского училища (...). Режиссер курса Юрий Любимов поставил спектакль Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана». Премьера проходила 2 декабря в Доме кино.

Премьера каждый день (интервью с Н. Л. Дунаком). — «Отчизна», 1988, № 1.

«[Любимов] — актер театра Вахтангова, известный киноактер, удачливый, успешный человек (...). Взорвался он в какой-то очень возвышенной и яростной полемике по отношению к положению дел в современном театре (и от него никто не ожидал, что он вдруг взорвется). Много ездил по миру, много читал; даже занимался в школе при МХАТе у Кедрова в конце 30-х годов, будучи совсем молодым. Видел (...) отзвуки Мейерхольда, дружил с великим — когда-нибудь, наверное, он так будет назван — драматургом Николаем Эрдманом (...). И рядом с такими людьми, наверное, у Любимова (плюс характер и талант) родилась (...) полемическая потребность высказаться. Платформа была очень удачная: это были молодые ребята — бескорыстные, как это бывает на студенческой скамье (потому что откуда взять корысть — 22 рубля стипендии, а в театре с ходу просто платят 75 рублей за высшее образование). И вот, настоянные на этой смеси, появились сверхтемпераментные,

страстные — на фоне унылого, в общем, диетического способа театрального производства — ребята в спектакле «Добрый человек из Сезуана». Они рассказывали каким-то особым, новым [способом] (может быть, забытым, но все равно новым для данного времени), — они рассказывали своими телами, потому что он был очень пластичный — спектакль. Создавали (...) какой-то пластикой геометрию условного города: вот эту притчу-пьесу Б. Брехта, переведенную на язык наших забот, наших хлопот, наших переживаний.

Театральная аудитория Москвы стала валить в (...) маленький зал на улице Вахтанго-

Премьерная афиша первого спектакля Театра на Таганке

ва, дом 12а, как ходят на самые большие премьеры профессиональных театров. По многу раз ходили большие ученые, и литераторы, и просто квалифицированная театральная публика». Смехов В. *Выступление в гарнизонном Доме офицеров. Новосибирск, 1981.*

«Эта постановка меня сразу увлекла, я тоже стремился к публицистичности, гражданственности. Познакомился с Любимовым и предложил ему возглавить Театр драмы и комедии и с этим спектаклем прийти в театр. Он выдвинул условие: придет только с учениками.

— Сколько Вы хотите взять учеников? — спросил я.

— Думаю, человек двенадцать, — ответил Любимов.

— Почему так мало? Берите вдвое больше. Мы возьмем двад-

Государственный академический театр драмы и комедии на Таганке

ПРЕМЬЕРА

23, 24, 27 апреля 1964 года

Бертольт Брехт

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЕЗУАНА

Пьеса-притча в 3-х действиях
Перевод с немецкого Ю. П. Любимов и Г. Мануйлов
Сцена и декорации Юрия Любимова

Действующие лица и исполнители:

1. Ли Ли	2. Ли Ли	3. Ли Ли	4. Ли Ли	5. Ли Ли	6. Ли Ли	7. Ли Ли	8. Ли Ли	9. Ли Ли	10. Ли Ли	11. Ли Ли	12. Ли Ли	13. Ли Ли	14. Ли Ли	15. Ли Ли	16. Ли Ли	17. Ли Ли	18. Ли Ли	19. Ли Ли	20. Ли Ли	
— А. Володарский	— В. Ковалев	— Г. Рогов	— Д. Савин	— Е. Славина	— З. Губина	— И. Давыдов	— К. Любимов	— Л. Тельман	— М. Кривошеин	— Н. Голубов	— О. Любимов	— П. Любимов	— Р. Любимов	— С. Любимов	— Т. Любимов	— У. Любимов	— Ф. Любимов	— Х. Любимов	— Ц. Любимов	— Ч. Любимов

Режиссер — заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР **Ю. П. Любимов**

Художник — Б. Благов

Музыка — Б. Клементьев и А. Васильева

Сценарий — Г. А. Давыдов и Г. А. Златоштан

Главный режиссер театра — заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР **Ю. П. ЛЮБИМОВ**

цать пять молодых актеров». Премьера — каждый день (интервью с Н. Л. Дупаком). — «Отчизна», 1988, № 1.

«Потом стали обвинять спектакль этот, пытались снять со щитов — сказать, что не надо из него делать театр, потому что это случайность, это элитарно — народ не поймет. Что понимали под словом «народ» — неизвестно, потому что народу было полно. Но тем не менее убедили, что есть какое-то еще такое слово «народ», к которому надо прислушиваться.

Но в этой, кем-то заваренной дискуссии, все равно победил народ (...), поскольку показали это заводам «Станколит» и «Борец» — там народ «прописан»? Пожалуйста! — и там был такой же успех, как это было в Доме литераторов, в Дубне (...), у физхимиков и химфизиков — у всех от верху до низу, по всей социальной шкале».

Смехов В. Выступление в гарнизонном Доме офицеров. Новосибирск, 1981.

«Так случилось, что нам в этот период очень помог писатель К. М. Симонов, который в газете «Правда» опубликовал рецензию на спектакль (...) и дал ему самую высокую оценку. А в конце статьи написал: жаль, что студенты, молодые актеры, окончив училище, разъедутся по театрам страны — и погибнет коллектив, погибнет этот спектакль...

С этой рецензией я пошел в Министерство культуры СССР и высказал идею реорганизации Театра драмы и комедии в Театр на Таганке (...). Созданная авторитетная комиссия внимательно просмотрела весь репертуар и еще раз спектакль, поставленный Любимовым, и дала «добро».

Премьера — каждый день (интервью с Н. Л. Дупаком). — «Отчизна», 1988, № 1.

«Исполком Московского Совета постановляет: утвердить тов. Любимова Ю. П., заслуженного артиста РСФСР, главным режиссером Московского театра драмы и комедии Управления культуры Мосгорисполкома, освободив от этих обязанностей тов. Плотникова А. К. в связи с уходом на пенсию. Председатель исполкома Моссовета В. Промыслов.

Секретарь исполкома Моссовета А. Пегов».

Решение исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся № 7/6 от 18 февраля 1964 года.

«Этот спектакль (...) — у него было много друзей и врагов (...). Наконец друзья одержали победу. Было много интересных статей, и решено было этот спектакль сохранить, решено было организовать новый театр на месте старого театра, который перестал отвечать требованиям репертуарным и финансовым (...). В это старое здание Театра драмы и комедии пришел новый коллектив (...). В первом спектакле «Добрый человек из Сезуана» было заявлено, что театр будет интересоваться и в дальнейшем музыкой и поэзией».

Высоцкий В. Выступление в МВТУ имени Баумана. Москва, 1976, 6 марта.

«Здесь вместе с драматическим текстом, который написал Брехт, он одновременно написал еще несколько зонгов — песен. Можно было и читать их просто со сцены, а можно было их и исполнить. И мы пошли по второму пути, а именно: Слуцкий — наш советский поэт — перевел брехтовские зонги, и их очень много на протяжении всего спектакля. Эти зонги звучат в пьесе».

Высоцкий В. Выступление в ДК «Юбилейный». Ивантеевка Московской обл., 1976, 23 января.

«Зонги — это стихи под ритмичную музыку. Вероятнее всего он [Брехт] имел в виду, что эта музыка будет бесхитростной, легко запоминающейся. И поэтому Любимов предложил двум тогда студентам — Хмельницкому и Васильеву — написать музыку. И они написали музыку. И выходят вдвоем — два бородатых человека в черных рубашках (...), рассаживают зрительный зал. Говорят: «Садитесь! Садитесь! Начинаем представление!» И работают они весь спектакль от театра, от имени театра поют эти зонги Брехта (...). В основном они это делают как бы отстраненно: либо выходя на авансцену и все время выводя (...) вас из происходящего действия (...), [либо] комментируя то, что происхо-

дит на сцене (...). И всегда это или усиливает впечатление от сцены, или дает возможность входа в другую. Но не только так используется музыка в этом театре и стихи, а, например, каждый персонаж имеет свою музыкальную тему. Причем (...) в связи с тем, что эта музыка разная (например, цирюльник, которого играет Петров, — он выходит под такую веселую, фривольную музыку), — в связи с этим [он] даже должен ходить по-другому: он приплясывает немного. И каждый персонаж имеет свою основную центральную песню».

Высоцкий В. Выступление в МВТУ имени Баумана, Москва, 1976, 6 марта.

«Добрый человек из Сезуана» играли по 12—13 раз в месяц. Это безумно тяжело и амортизирует спектакль, но надо было зарабатывать и расплачиваться с долгами старого театра. Кого-то не стало, кто-то появился новый. Костяк — тот же, вахтанговский. Появились еще новые ребята из других школ: Николай Губенко из ВГИКа, Валерий Золотухин из ГИТИСа (...), еще несколько человек из циркового училища, пантомимисты. Так стал складываться и искать себя театр».

Смехов В. Выступление в гарнизонном Доме офицеров. Новосибирск, 1981.

«Началась работа по реорганизации творческой группы театра. 23 апреля состоялся первый спектакль нового театра — «Добрый человек из Сезуана». Высоцкого в то время еще не было с нами. Май и июнь мы работали с этим спектаклем и с несколькими другими, оставшимися в наследство от старого театра».

Тучин В. Из интервью с Э. П. Левиной, бывшим завлитом театра на Таганке. Москва, 1988, 24 июня.

«Когда пришел Любимов, то многие старые спектакли из репертуара он, конечно же, убрал. Но вот к «Микрорайону» отнесся с осторожностью: сказал, что это жуткая пьеса, но хорошая постановка и актеры хорошо играют».

Акимов Б. Из интервью с режиссером телевидения Л. А. Буслаевым. Москва, 1988, 4 апреля.

«Спектакль «Жан бесстрашный» был фактически вторым — вслед за «Добрый человек...» — спектаклем нового театра. Не капитально новый, но возобновленный: новая редакция. Прежнюю постановку, при Плотникове, осуществляла Петрова — в то время ассистент режиссера. А вторично ставил режиссер Борис Бреев под руководством Любимова.

Тогда репертуара практически не было — и нечем было платить зарплату. И я предложил: «Давайте, ребята, пока репертуар утверждают (а у нас было несколько интересных задумок), восстановим детский спектакль». Мы вновь поставили «Жана...» и нещадно его эксплуатировали: играли и в 10 утра, и в час дня. И это нас на том этапе очень поддержало.

Дети смотрели с большим удовольствием. Правда, этот писк и галдеж надолго отбил у нас желание ставить в дальнейшем детские спектакли. Но этот актеры играли охотно. Они тогда молодые были — валяли дурака друг перед другом, что-то постоянно придумывали: то новую мизансцену, то новое решение, а то и незапланированные реплики.

Это был абсолютно таганский спектакль, в чистом виде. Много цирка, буффонады. Бреев — цирковой режиссер, его и пригласили для того, чтобы сделать не просто спектакль, а именно зрелище».

Акимов Б. Из интервью с заслуженным артистом РСФСР директором Театра на Таганке Н. Л. Дунаком. Москва, 1988, 20 апреля.

«Жан бесстрашный» — это была сказка Т. Г. Габбе. Шла она еще при Плотникове, называлась «Сказка про солдата и змею». Потом ее переделал Бреев. Это был спектакль, который нас в какой-то степени кормил: мы играли детские спектакли по два раза в день — в «Эрмитаже». Это не любимовский спектакль, но постановка его сильно отличалась от предыдущей — другая инсценировка, сценография, музыка была другая. То есть фактически другой спектакль».

Тучин В. Из интервью с Э. П. Левиной, бывшим завлитом Театра на Таганке. Москва, 1988, 24 июня.

«Я в нем играла Жанетту-рыбачку, Юрий Петрович оставил меня на этой роли. Леша Эйбоженко исполнял главную роль — солдата Жана, Веня Смехов — Врач и Лукьянова — Шарлотта-Луиза. Пожалуй, все. То есть на прежних ролях остались те, кто вошел в новую труппу. Что касается Володи, то он туда, конечно, не пробовался — его тогда просто еще не было в театре...»

...В июле мы ушли в отпуск, а в августе наш реорганизованный театр, который фактически был создан заново, отправился на свои первые гастроли — в Рязань. Там мы играли «Доброго человека из Сезуана», чем вызвали лютую ненависть всех местных педагогов, поскольку те водили на спектакль школьников, а в нем речь шла о проститутке. Возмущение, конечно, было невероятное».

Тучин В. Из интервью с Т. В. Додиной, актрисой Театра на Таганке. Москва, 1988, 2 апреля.

«Репетиции спектакля «Герой нашего времени» начались в Рязани во время гастролей. Я тогда работал в театре имени Моссовета и хотел перейти на Таганку, но меня не отпускали. Поэтому приходилось одновременно играть там, а репетировать здесь — на Таганке.

Новый сезон мы начали в помещении театра имени Маяковского (на Таганке шел ремонт). Тогда Володя и появился на наших репетициях. Ситуация для поступления в тот момент была благоприятная: старая труппа распалась (Любимов сократил ее на 80 процентов), а с любимовского курса в театр пришли не все. Поэтому поступить в театр было не так трудно, как впоследствии.

Володя наверняка был в курсе того, что представляет из себя этот театр. Подобные новости по Москве быстро расходятся, а «Добрый человек...» к тому времени шел уже почти год. Я, например, заранее знал, что в Щукинском училище организуется новое интересное дело. И писали об этом, и разговоров было много».

Золотухин В. С. — заслуженный артист РСФСР. Из беседы авторов с актерами Театра на Таганке. 1988, 11 июля.

«Я считаю, что здесь присутствовал элемент случайности. Володя не искал Таганку специально — не было такого, чтобы шли поиски именно этого театра.

Мы были, конечно, очень увлечены зарождающимся в то время Театром на Таганке, нам было интересно. Но поскольку мы сами тогда тоже существовали и продолжали что-то свое творить, то, естественно, чувство ревности у нас возникало.

Видите ли, мы исповедовали несколько другой театр — театр Актера, театр мхатовского направления. И как бы восторженно ни относились к творчеству Любимова, к его режиссуре, но все равно существуют ведь какие-то привязанности. И я не могу вспомнить момент, когда Володя перестроился. Думаю — это, конечно, мое личное мнение, — что большой органики в этом не было. Нельзя сказать, что внутренний путь привел его именно в Таганку. Он мог состояться как актер и в другом театре, причем не менее интересно.

Имелось здесь и несоответствие: с одной стороны, Любимов с его публицистичностью, с другой — Володя, чья публицистичность в то время не шла дальше «Где твои 17 лет» или «А тот, кто раньше с нею был». То есть публицистически он был тогда еще незрел. Конечно, в какой-то момент формирование его пошло очень стремительно. И все же именно присутствие в этом театре оказало влияние на его развитие, поскольку атмосфера там в те годы была динамичная. На Таганке и кроме Любимова были активные личности.

Одним словом, ощущение какого-то удивления от его поступления туда у меня было — именно удивление. Потому что, судя по его тогдашнему развитию — актерскому, творческому, — я полагал, что он — актер мхатовской школы. Скорее Любимову был нужен актер, который мог бы привнести какую-то свежую струю, через какой-то внутренний процесс подойти к его системе. То есть для Таганки это было неслучайно, а для Володи — случайно».

Акимов Б. Из интервью с заслуженным деятелем искусств РСФСР Е. В. Радомысленским.

«Четырнадцать лет тому назад я пришел в помещение театра Маяковского. Шел спектакль «Добрый человек из Сезуана». Это был первый спектакль Театра на Таганке, просто театр играл в этот день в другом помещении. Я тогда там не работал. И вдруг я увидел на сцене такое, что меня потрясло. По всем делам: и по режиссуре, и по актерскому исполнению, и особенно по поводу того, как там использованы песни, в этом спектакле, песни и музыка. Было удивительно, потому что я (...) вдруг увидел, что очень многое [у нас] совпадает».

Высоцкий В. Фрагмент из спектакля Театра на Таганке «В поисках жанра». Москва, сцена театра, 1978, 22 июня.

«Я сам учился... не с ними, но поступил в этот театр буквально через три месяца после того, как он начал функционировать».

Высоцкий В. Выступление в Молодежном центре.

Казань, 1977, 17 октября, 10.00.

«[И] я стал в нем работать. Посоветовал меня туда Слава Люшин».

Высоцкий В. О песнях, о себе. — В книге «Четыре четверти пути». — М.: «Физкультура и спорт», 1988. — 288 с.

[Мы связались по телефону со Станиславом Андреевичем Люшиным. Вот что он сказал: «Я встретил Высоцкого. Он был без работы. А мы с Колей Губенко работали в Театре на Таганке. Я говорю:

— Володя, хочешь, я скажу о тебе Любимову?

— Скажи.

И я рассказал Юрию Петровичу. Он говорит:

— Приведи его...

И взял Высоцкого в театр, где тот счастливо работал до конца жизни.]

«Володя пришел ко мне осенью. Это было, вероятнее всего, в сентябре. Говорил о том, что он не у дел, что очень хочется все же работать в театре. Я сказала (...): «Юрий Петрович такой человек — он тебя возьмет (...), если ты ему понравишься». Володя говорит: «Но мне и показаться-то не с чем». Тогда я предложила сделать отрывок из чеховской «Ведьмы», который играла на выпускном спектакле в Школе-студии МХАТ. Там есть роль дьячка — как раз для него. Во-

лодя — характерный актер и в этой роли мог показаться. Тем более я эту сцену хорошо помнила и могла подсказать какие-то переходы, акценты помогла бы расставить. На том и порешили».

Репетировали несколько раз у меня дома на Мытной улице. Когда отрывок был готов, я пришла к Н. Л. Дупаку — нашему директору — и договорилась с ним, чтобы Володю посмотрели (...). Он был очень зажат. Видимо, просто переволновался, потому что для него в его тогдашнем положении это была единственная соломинка...

...Не могу сказать, что Юрий Петрович принял нашу работу с восторгом. Да и чем, собственно, было восторгаться? Затем он вдруг спросил Володю: «Скажите, это вы — автор песен, которые сейчас всюду поют?» Володя ответил утвердительно. «И вы играете на гитаре?» — «Да». — «Ну, я вас возьму». Любимов ничего не сказал о показе. Его в тот момент Володя интересовал, видимо, как автор, как человек создающий, который может что-то придумать, написать и исполнить». *Тучин В. Из интервью с Т. В. Додиной, актрисой Театра на Таганке. Москва, 1988, 2 апреля.*

«Володю выгнали из театра Пушкина, и ко мне обратились все ребята: Артур Макаров, Кочарян... «Ангель, надо спасти, надо помочь — он на улице, без работы. Может быть, в театре, может быть, на телевидение его возьмут?» А тогда как раз открывался театр здесь. С Любимовым я был знаком — мы встречались с ним у Валентины Ивановны Мартыановой по пятницам: большой абажур, огромный круглый стол...

И вот я подумал, что самое лучшее, что может быть для Володи, — это новый театр. Я знал, что Юра полюбит Высоцкого, он понравится сразу не только как актер, но и как комплексный такой современный художник — поющий, хорошо двигающийся. И я ему предложил: «Юра, у нас есть один актер интересный, возьми его». — «А где он, что он закончил?» — «Студию МХАТа». — «А ты его видел?» — «Видел». — «Хороший?» — «Очень хороший!» — «Высокий?» — «Нет». — «Ну а

где он сейчас?» — «Из Пушкинского выгнали» (...). — «А-а, это плохо, нет». — «Ты послушай его: он поет, песни сочиняет». — «Да?! Приведи». И я его привел. Он его посмотрел, послушал немножко, понял и взял в театр».

Может быть, и Тая Додина и другие тоже что-то говорили о нем Любимову, потому что тогда тревогу били все друзья». *Леонов П. Из интервью с режиссером Анхелем Гутьерресом. Москва, 1988, 12 июля.*

«Я была в худсовете театра, когда Володя к нам поступал. Любимов собрал нас всех в фойе, и Высоцкий показывался: играли они какую-то сценку, что-то он читал, пел свои песни (а я его пение слышала еще раньше, задолго до этого — в общежитии на Трифоновке). И Любимов сказал, что это — актер Высоцкий, что он переходит к нам и будет у нас играть». *Славина З. А. — народная артистка РСФСР. Из беседы авторов с актерами Театра на Таганке. 1988, 11 июля.*

«Каким он пришел? Смешным. Таким же хриплым, в кепчонке (кепочку снял вежливо), с гитарой, в пиджачишке букле — тогда такие носили (...). Парень очень крепкий».

Значит, сыграл чего-то, какую-то сценку. Ну так сыграл, не поймешь, собственно, брать — не брать. (...)

А потом я говорю: «У вас гитара?» — «Гитара». — «А вы хотите, значит, что-то исполнить?» — «Хочу». Я говорю: «Ну, пожалуйста, исполните». Он спел. Я говорю: «Еще хотите исполнить?» Он еще спел. Я говорю: «Еще хотите исполнить?» Он еще спел. Я говорю: «И что же вы исполняете?» — «Ну, — говорит, — свое». — «Свое?!» — Я его сразу взял. Вот и все — вот история его прихода».

Любимов Ю. Выступление на вечере памяти Высоцкого в ДК ЗИЛ. Москва, 1982, 1 ноября.

«Помню, однажды Юрий Петрович зашел ко мне и говорит: «Николай Лукьянович, пошли посмотрим актеров». А мы часто это делали: каждый год принимали двух-трех молодых актеров в труппу. Спустились мы вниз. Все происходило

здесь, на Таганке, в фойе театра. Показывался Высоцкий: он что-то читал, играли они с Таей Додиной отрывок из пьесы Чехова. А потом он говорит: «Можно, я вам спою?» И начал петь.

На меня произвели впечатление его темперамент, жесткость манеры, экспрессия...

...Потом поднялись мы наверх. Любимов спрашивает: «Ну что будем делать?» Я говорю: «Уж очень он хрипатый. Куда мы его возьмем, что он может у нас играть?» — «Может, штабс-капитана в «Герое нашего времени»? (Не помню уже, почему, но, кажется, кто-то довольно слабо его репетировал). — «Вот туда и давайте». — «Давайте».

Когда зашел Высоцкий, я говорю: «Дорогуша, у меня мест нет, штата нет. На договор согласен?» — «Согласен. Давайте на договор».

Мы тогда вообще держали почти всех на договоре и каждый год перезаключали его — такой был принцип. Впрочем, мы вскоре произвели тарификацию, и Высоцкий получил твердый оклад.

Акимов Б. Из интервью с заслуженным артистом РСФСР, директором Театра на Таганке Н. А. Дунаком. Москва, 1988, 20 апреля.

«Множество разных версий прихода Высоцкого на Таганку как раз вполне объяснимы. Я не исключаю возможности, что Володя мог говорить с Любимым и просить Славу замолвить словечко Любимову, поскольку один голос — хорошо, а два — лучше, а если три — то совсем здорово. Такое вполне может быть, так как Володя очень хотел попасть в наш театр. Он, вероятно, подстраховывался и просил ребят, чтобы они поговорили с Юрием Петровичем и как-то его заранее расположили. Это, кстати, и может служить объяснением того, что Любимов спросил Володю именно о песнях. Я-то про них ничего не говорила».

Тучин В. из интервью с Т. В. Додиной, актрисой Театра на Таганке. Москва, 1988, 2 апреля.

Окончание главы в № 1 за 1989 г.

ФОТОРЕПОРТАЖ

Шесть минут в железном потоке

Алексей Вейцлер

Земля катится из-под ног... Тормозит сердце...

Доской над туманом и вечностью — дорога. Две фигуры балансируют на ней как на качелях, сотканые из дождя и солнца, гигантские, как Вселенная, необъяснимые Жизнь и Смерть.

И реальность гаснет, уступая сну и обмороку.

Но словно последняя вспышка, мчит по туманной дороге маленький, бешено сигнализирующий, трубящий автофургон. Осененная красным крестом, неподвластная светофорам и постовым «скорая». Надежда, рвущаяся наперерез несчастью...

— Богом отпущено только шесть минут, — говорит Элла. Она студентка вечернего отделения Московского медицинского института и уже три года работает фельдшером на Станции скорой и неотложной медицинской помощи. — Шесть минут человек может продержаться сам. И за это время мы должны успеть.

— Все очень просто. — Водитель Виктор Детерлеев выключает зажигание и откидывается на спинку сиденья. —

Нужно провести «скорую» в железном потоке. Не психануть. А ведь есть такие «чайники», которые нипочем не уступят дорогу, встанут и будут стоять. Если бы мы их родственника везли: мать, жену, ребенка, — небось перед машиной нашей бежали бы... Пока самих не коснется — не врубаются. Сложно с ними. Такая скорость, с которой мы ездим, это, конечно, риск. Но тут уж ничего не поделаешь. Главное — выдержать в потоке.

Теперь я тоже знаю, что это такое — держаться в потоке. Всего несколько минут назад мы мчались по улицам и проспектам. Взвизгивали тормоза и рассекаемое машиной прост-

ранство, и все вокруг гудело от голоса нашей сирены. В свете синих мигающих ламп лица прохожих за окном застывали, словно высвеченные фотовспышкой. Испуганные и мгновенные. Элла изо всех сил прижимала к лицу больного кислородную маску. Ему было совсем плохо, этому парню. Теперь кризис позади. Опасность — тоже.

— Я всегда буду помнить, как однажды мы не смогли спасти совсем молодого человека, — говорит Элла. — Он умер от сердечной блокады на наших глазах... Не хроник, не старик, а совсем молодой человек...

Мы выходим из машины и идем в здание подстанции. Мимо электронных часов с бегущими секундами, телефонов и пультов в комнату, заставленную креслами и диванами. Здесь бригады ждут вызовов, коротают ночь. Пьют чай. Говорят. Играют в шахматы.

— Почему ты работаешь на «Скорой»? — спрашиваю Эллу.

Она не спешит с ответом, греет руки о чашку с чаем.

— Романтика? — тороплю ее я.

— Может быть, иногда и романтика. Но знаешь, как только стану врачом, уйду. Просто нет больше сил. Не зря говорят, что не женское это дело. Да и учиться на «Скорой» нельзя. Я имею в виду учиться медицине. Мы же не можем наблюдать одного больного в течение долгого времени. Приедем, поможем — оперативно, быстро. И все. А что с ним стало дальше? Хочу быть врачом в больнице...

— Молодые люди идут к нам еще и из-за заработков, надбавок, — вступает в разговор старший врач Николай Сергеевич. — Ведь Элла, например, закончила училище, она фельдшер. Это «по чину» выше медсестры и ниже врача. Работать фельдшером можно только в здравпункте или у нас. В больнице, поликлинике фельдшера работают как медсестры; в здравпункте, сами понимаете, совсем тоска. А у нас ребята проходят школу оперативности, скорости, выносливости. Они у нас работают даже в бригадах интенсивной терапии. Видели желтые флюоресцентные машины? Вот это и есть машины этих бригад. Реанимобили. Крайнее средство, когда обычные «скорые» бессильны. Раньше для этих целей закупали «мерседесы», теперь посылают наши «рафы» в Финляндию для оснащения и переделки.

— Опять вы о желтых машинах рассказываете, — взрывается Ирина; она тоже студентка, только учится на дневном, и на «Скорой помощи» проходит практику. — Николай Сергеевич, сколько можно о них говорить! Все корреспонденты вечно пишут о них — о хороших, чистеньких. Но ведь это сказка — прекрасная финская сказка за бешеные деньги. А кроме сказки, есть жизнь. Обыкновенные красно-белые машины, старые и грязные, где нет кондиционеров и летом

жара, зимой — холод, где нет ни телефонов, ни удобных носилок, шкафчиков, современной аппаратуры. От которых за какой-нибудь год ничего не остается. А их продолжают гонять. Напишите о нашем старом, безобразном оборудовании, о халатах, которые неделями не меняют. И еще хорошая тема — напишите о ложных вызовах! Вам уже говорили? Напишите еще! Вы знаете, сколько «ложняков» нам кидают? Несемся как сумасшедшие, рискуя жизнью, а там телефонные хулиганы, которых не найти даже, чтоб морду набить, или старушка, которой поговорить не с кем, или легкое недомогание у дамы... Обнаглели люди. Выход? Я знаю только один выход. Нужно сделать «Скорую помощь» платной, как во всем мире. Тогда многие проблемы решатся, например, «с легким недомоганием»...

Репродуктор, хрипя и фыркающая, называет номера, девушки встают. Ирина разводит руками — надо ехать.

— Надо ехать, — кивает Элла, — пожелайте нам удачи.

Я смотрю им вслед. Вместе с врачом они идут через провал ночи к освещенной машине. Идут сражаться со Смертью, менять линии судеб, вклиниваться в неизбежность. Идут спокойно и уверенно. Как на войну.

Фото автора

Напоминаем участникам...

Что редакция помнит о вас и обещания свои выполняет. Мы уже уведомили вас о том, что возникли некоторые осложнения в ходе эксперимента, но все-таки настал тот момент, которого вы с таким нетерпением ждали, — работа психологов и обсчет анкет на ЭВМ завершились. Счастливым жребий выпал 644 участникам. Иначе говоря, сложилось 322 пары.

Что дальше? Те, для кого эксперимент сложился удачно, получили от нас письма. Просим не обижаться остальных участников, кому наша помощь не принесла успеха, — назвать каждому в отдельности причины этого редакция просто не в силах. Впрочем, мы вас предупреждали об этом.

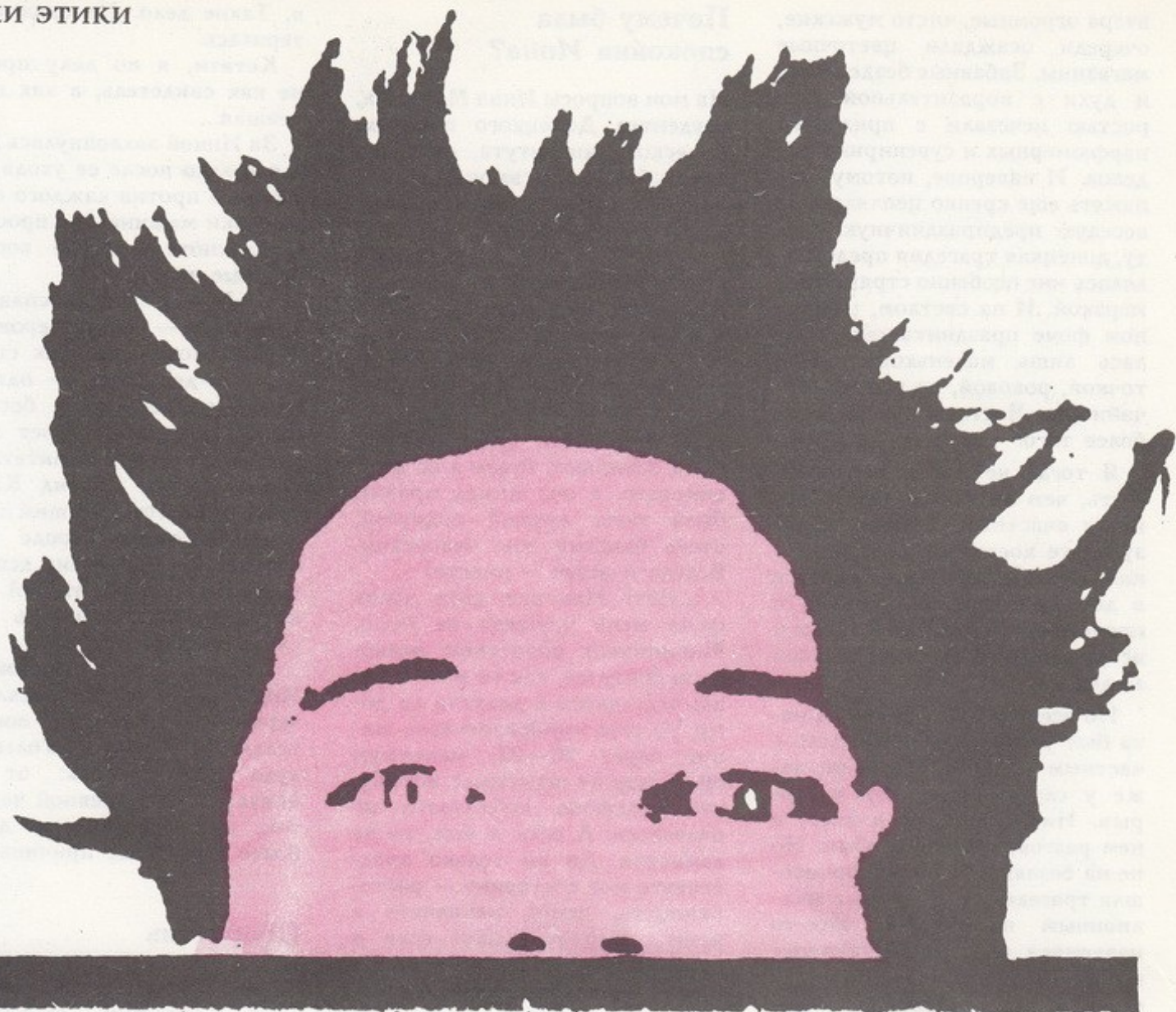
Как вы помните, редакция прежде всего стоит на защите интересов девушек. Поэтому они первыми получили отклик ССБ и сведения о молодых людях. В зависимости от их решения мы будем действовать дальше, то есть им предстоит окончательный выбор. Если предложенная кандидатура не вызовет какого-либо отрицательного мнения, то тогда мы пошлем их адреса представителям мужской половины нашего эксперимента.

Все последующее зависит уже не от нас. Надеемся, что подобранные ЭВМ пары найдут возможность встретиться друг с другом и сообщат нам о развитии отношений. Хочется только посоветовать: не спешите с выводами, будьте взаимно внимательны, предупредительны и терпимы.

Удачи вам!

P. S. В одном из номеров следующего года мы обязательно дадим публикацию с обобщенным анализом эксперимента, с рассказом (анонимным) о его участниках, назовем наиболее часто встречавшиеся ошибки, из-за которых многие из вас не смогли реализовать свой «шанс в поисках счастья».

Графика А. Архутика

В силу «высших» соображений

Александр Висляев

На праздничном фоне

«Здравствуйте, дорогая редакция! * Уже несколько лет я и мой муж являемся вашими постоянными читателями. Мы оба студенты V курса стоматологического факультета Донецкого мединститута. Написать вам заставило непоправимое несчастье: трагически погибла моя 18-летняя сестра Марина.

Вечером 26 сентября 1987 года она вместе со своей подругой Инной Миркиной шла по улице. Неожиданно путь им преградило пятеро возбужденных выпивкой парней. Когда выяснилось, что девушки не желают с ними знакомиться, один из «молодцов», некто Никифоров,

* Письмо публикуем с сокращениями.

решил все же доказать свою «удаль» — ударил несколько раз сестру по лицу, затем схватил ее за шею и потащил в подъезд.

Марина, никогда не испытывавшая такого обращения, видимо, так испугалась, что не смогла позвать на помощь. А Инна, вместо того чтобы хоть криком привлечь внимание прохожих — ушла! Дружки Никифорова пригрозили ей, чтобы молчала.

Часа через два после случившегося Инна позвонила родителям Марины и спросила, не пришла ли та домой. Только после отрицательного ответа она рассказала им, что произошло. Родители вызвали патруль милиции, который приехал не скоро. Кроме того, оказалось, что у них нет фонариков для поиска в темноте. Искали со спичками. Ре-

зультатов не было. Мало того: высадив обезумевшего от горя отца Марины на перекрестке, милиционеры сказали, что у них нет бензина для дальнейших поисков.

После того как Никифоров продержал сестру у себя дома более двух часов, соседи услышали глухой удар о землю. Выглянув из окна, они увидели под балконом Никифорова тело девушки и вызвали бригаду «Скорой помощи». Марине уже ничем нельзя было помочь.

ПОЧЕМУ? КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО? (Выделено автором). Кто скажет, во имя чего погибла моя сестра в 18 лет, так любившая жизнь и так мечтавшая стать настоящим художником? Кто позволил этому подонку так подло распорядиться ее судьбой?

Помогите нам восстановить справедливость. С уважением — Галина и Владимир Сулима.

...Так уж получилось, что в Донецк приехал 9 марта. Еще

вчера огромные, чисто мужские, очереди осаждали цветочные магазины. Забавные безделушки и духи с поразительной скоростью исчезали с прилавков парфюмерных и сувенирных отделов. И наверное, потому, что память еще крепко цеплялась за веселую предпраздничную суету, донецкая трагедия представлялась мне особенно страшной и мерзкой. И на светлом, радостном фоне праздника она казалась лишь маленькой черной точкой, роковой, но все же случайности. Частный случай, и не более того.

Я тогда не мог и предположить, чем на самом деле обернется «частный случай», в результате коего моя двухнедельная командировка превратится в двухмесячную, и проехать и пролететь придется полстраны и встретиться с доброй сотней людей...

Но все это будет потом, а пока был уверен, что имею дело с частным случаем. Впрочем, даже у случайности есть «авторы». Никифоров не в счет, о нем разговор будет особый. Но не на безлюдном Марсе произошла трагедия, а в городе с миллионным населением. Кто-то наверняка был рядом, кто-то мог помешать. Попытался представить, как праздновал Никифоров прошлое 8 Марта. «Вот бы узнать, — мелькнуло в голове, — кому он дарил цветы, если вообще когда-нибудь их дарил?»

И тут же неведомо какая ассоциация «подбросила» пару аналогичных вопросов: «Интересно, а кто-нибудь из тех, кто вчера штурмовал цветочные магазины, мог бы так же: пару раз кулаком по лицу, потом из окна вниз головой? И еще: сколько процентов из них, видя такое, спокойно прошли бы мимо?»

И снова я даже не мог предположить, как часто последующие два месяца буду по разным поводам и в разной интерпретации вспоминать эту «цветочную очередь», и как все больше будут меркнуть карнавалы красок этого праздничного фона, а черная «точка» трагедии сперва превратится в пятно, затем в кляксу, и с каждым днем щупальца этой самой кляксы будут ползти все дальше и глубже...

Почему была спокойна Инна?

На мои вопросы Инна Миркина, студентка Донецкого политехнического института, отвечала точно, без особых эмоций, почти протокольно-скупым языком. Меня это сперва несколько озадачило, а потом подумал: «А почему, собственно, «почти»? Наверняка я десятый, а то и двадцатый по счету, кто ей эти вопросы задает. И все прошлые были именно для протокола...»

— Маринины родственники меня обвиняют, будто я во всем виновата, а она между прочим была моей лучшей подругой, очень близким мне человеком. Всегда и везде — вместе!

...Нет! Никаких двух часов из-за меня упущено не было. Марининым родителям позвонила сразу же, как от этой шпаны отделалась и доехала до дому, то есть приблизительно минут через 20—25, максимум 30. Сразу не позвонила потому, что телефона поблизости не оказалось. А если и был, то не заметила. Да вы только представьте мое состояние — растерянность, испуг, ненависть к этим... Впрочем, даже если и оказался бы телефон под рукой — то, как вы сами понимаете, они позвонить бы мне не дали. Ну, получила бы еще пару раз по зубам... В какой-то момент мне удалось вырваться. Подбежала к мужчине, стоящему на остановке, — она рядом была с тем местом, где Никифоров с компанией кружились. Кричу ему: «Помогите!» А он глазенки скосил в сторону и бубнит под нос несурзное: «Все вы такие...» Тут троллейбус подкатил. Юркнул он в дверь и был таков.

Ну что я еще могла сделать? Уговорила ребят, пусть они заставят Никифорова Маринку отпустить. Те — к нему, мол, отстань от девчонки, а тот — ни в какую. «Эта, — и на меня показывает, — если вам не нужна, пусть катится на все четыре стороны. А эта — то есть Маринка — со мной пойдет»...

С милицией действительно связались не сразу. После моего звонка Марининым родителям я подумала, что они сами сообщат в милицию. А Маринин папа сразу же побежал ее искать, решив, что в милицию позвоню

я. Такое дело. Не одна я растерялась.

Кстати, я по делу прохожу не как свидетель, а как потерпевшая...

За Инной захлопнулась дверь, а я только после ее ухода заметил, что против каждого ответа девушки машинально проставил в блокноте жирные вопросительные знаки.

— Думал, она расплатится, а девушка — с характером: держалась молодцом. Так спокойно, по-деловому... — одновременно подвел итоги беседе и помог мне найти ответ заместитель секретаря комитета комсомола ДПИ Леонид Касторский, присутствовавший при нашем разговоре. Вроде бы и одобрил он поведение девушки, похвалил, но во второй половине фразы слышалось плохо скрытое сомнение.

Конечно же, спокойствие Инны — вот что заставляло расчеркивать блокнот вопросительными знаками. Только откуда оно взялось: от равнодушия, от душевной черствости, или к тому есть другие, более глубинные причины?

Оборотень

Эдуард Николаевич Якубовский — старший следователь прокуратуры Киевского района города Донецка, высокий, сухощавый молодой человек — повертел в руках мое удостоверение, задержал взгляд на сроке его действия и указал на стул напротив своего стола:

— Знаете, дело Никифорова оказалось не столь простым, как это может показаться на первый взгляд.

— Догадываюсь, — кивнул я на это головой. — Видимо, первоначально обвинение против него было выдвинуто по статье 117 часть 4 как изнасилование, повлекшее за собой тяжкие последствия.

Никифоров же, скорее всего изменив первоначальные показания, более или менее похоже на истину, начал утверждать, что он избил девушку и затащил ее к себе в квартиру исключительно для того, чтобы послушать записи Моцарта или Баха. Непосредственных свидетелей трагедии не нашлось, а в результате следствие пришлось начать с нуля. В связи с этим

дело затянулось, а родственникам показалось, что кто-то делает попытку замаять расследование... В редакцию полетело письмо, и вот — мы беседуем с вами...

— Ну, если оставить музыкальных классиков в покое, — усмехнулся Эдуард Николаевич, — то остальное, конечно в общих чертах, недалеко от истины. Действительно, 27 сентября (на другой день после гибели Марины) при допросе в качестве подозреваемого Никифоров заявил, что, разговаривая с Мариной на Киевском проспекте, ударил ее по лицу, хватал рукой за волосы, насильно удерживал возле себя. Затем с целью вступить с девушкой в половую связь «пригласил» ее к себе домой. При этом Никифоров обещал, что не тронет ее, что они только послушают музыку. Карлов и Кончинин, двое парней, которые были в тот вечер с Никифоровым, просили отпустить Марину, но он не согласился и под руку повел девушку к себе домой. В квартире, усадив Марину на диван, он устроился рядом с ней и стал приставать. На предложение «поразвлечься» в постели Марина ответила категорическим отказом.

Примерно через полчаса в дверь квартиры позвонил знакомый Никифорова — Смирнов. Парень пришел за магнитофонными записями. В это время девушка сидела на диване и плакала. Что, кстати, Смирнов и подтверждает в своих показаниях.

После ухода Смирнова Марина начала просить отпустить ее, на что Никифоров ответил, что если она так спешит, то у него на балконе имеется «скоростной лифт», которым она может воспользоваться. Затем он вышел на кухню покурить. Находясь на кухне, Никифоров услышал шум упавшего с балкона тела...

Но через некоторое время он изменил свои показания. По его новой версии, он бил Марину по лицу и хватал за шею лишь в воспитательных целях. Так как ему показалось, что девушка в слишком резкой форме, употребляя жаргонные слова и выражения, отказалась от его, Никифорова, предложения пойти на дискотеку. Более того: ведя Марину в свою квартиру,

вступать с ней в половую связь он не собирался, а ранее данные показания, в которых он сообщал, что были у него такие мысли, Никифоров объясняет угрозами применения физического насилия к нему со стороны работников милиции. По дороге домой Никифоров извинился перед девушкой, рассказывал ей различные истории, чтобы как-то развлечь ее. В квартире они беседовали, слушали музыку, целовались. Идиллия, одним словом...

Однако, исходя из новой версии, Никифоров так и не смог сколько-нибудь убедительно объяснить, почему Марина, которая, по его словам, могла беспрепятственно покинуть квартиру через дверь, спрыгнула с балкона...

— Эдуард Николаевич, а что вы могли бы рассказать о Никифорове как о человеке?

— Установлено, что Владислав Никифоров, 1960 года рождения, имея довольно высокий уровень интеллектуального развития, считал себя «сильной личностью», способной и призванной всегда и во всем быть только лидером. Это преувеличенное самомнение сформировало в нем такие качества, как презрение к окружающим, которых он считал людьми «низкого сорта», и пренебрежительное отношение к женщинам. Хотя Никифоров и мнил себя прирожденным лидером, его сверстники были на этот счет иного мнения. Поэтому «верховодить» Владиславу удавалось лишь среди ребят намного его младше по возрасту.

Судебно-психологическая экспертиза установила у него склонность к сексуальным извращениям, постоянную потребность в самоутверждении, а также такие черты характера, как лживость, лицемерие, изворотливость, жестокость, цинизм в сексуальном поведении, отрицательное отношение к женщине.

— Как понимать последнюю из черт характера?

— Находясь «под градусом», любил покуражиться над теми, кто заведомо слабее и отпора дать не может. В ходе следствия выявлена целая «коллекция» таких случаев:

«Оскорбил гражданку Мейта Т. Д. и нанес ей удар рукой по лицу, причинив легкое телес-

ное повреждение», «Выражался нецензурной бранью в адрес гражданки Литвиновой Л. В. и оскорблял ее». «Ударил по лицу гражданку Тернову М. В.».

Еще один «инцидент» с участием Никифорова произошел вечером 25 сентября 1987 года, то есть менее чем за сутки до трагедии. Было уже очень поздно, но в квартире Никифорова гремела музыка, отчего малолетняя дочь соседки Владислава не могла уснуть. Его попросили сделать музыку потише. В ответ — нецензурная брань и угроза физической расправы. Владислав сделал звучание музыки еще громче. «Концерт» продолжался до трех часов утра.

— А вызвала соседка милицию?

— Да.

— Почему же не был наведен порядок?

— Наряд не приехал.

— А если бы сотрудники, принявшие вызов, не отнеслись бы к просьбе Искандеровой усмирить хулигана с такой возмутительной халатностью, может быть, и не было бы трагедии?

— Все может быть! — пожал плечами следователь.

— Эдуард Николаевич, а что произошло с Мариной после того, как Никифоров предложил ей воспользоваться «скоростным лифтом», а попросту — броситься вниз с балкона?

— Не видя иного выхода из создавшегося положения и спасаясь от преступных посягательств Никифорова на свою честь и достоинство, Марина, воспользовавшись его временным отсутствием в комнате, спрыгнула с балкона.

Чтобы ясней представить дальнейшее, вновь обратимся к показаниям очевидцев.

Свидетели

Чернова О. Ю., соседка Никифорова: «26 сентября 1987 года я около 11 часов вечера услышала шелест листьев и шум падения чего-то тяжелого. Через некоторое время мама сказала, что с улицы доносится хрип. Мы с ней зашли в квартиру к Коржикову и пригласили вместе с собой на улицу. Зайдя за дом, увидели, что на асфальтовой отмостке сидит Никифоров, а

на коленях у него лежит голова девушки. Коржиков спросил, что случилось. Никифоров ответил: «Ничего. Сейчас девушке станет хорошо». Поднявшись к себе в квартиру, мы вызвали «скорую помощь».

Гончаров В. И., дежуривший в этот день в составе «скорой помощи»: «В 23 часа 30 минут мы по радию получили сообщение, что необходимо подъехать к дому № 71 по Киевскому проспекту. На месте мы увидели, что на отмостке возле дома на корточках сидит парень, на коленях которого лежит голова девушки, находившейся в агональном состоянии. Несмотря на принятые нами меры, она умерла. Когда наступила смерть, парень (Никифоров) поднялся и сказал, что ему необходимо пойти домой переодеться и поесть, поскольку «там ему придется баланду кушать». Его не отпускали, но он все-таки ушел. На мой вопрос: «Почему девушка упала?» — Никифоров ничего не ответил, не смог он назвать и имя потерпевшей... По внешнему виду парень находился в состоянии алкогольного опьянения средней степени. Когда приехали работники милиции, то Никифоров... спал, и им пришлось выламывать двери».

— У меня к вам последний вопрос, Эдуард Николаевич. В случившемся виноват только Никифоров, или у него были и моральные «соучастники»?

— Уголовный кодекс ни к одному из участников и свидетелей этой истории, кроме Никифорова, претензий не имеет. Но если вас интересует нравственный аспект истории — то вот вам копия обвинительного заключения. Читайте, анализируйте, думайте!..

Сколько времени требуется для прочтения 20 машинописных страниц, содержащих только «сухие» факты, изложенные предельно простым, ясным языком? Наверное, минут 30 должно хватить за глаза. Но меня интересовал не «главный герой» этого грустного повествования и не степень его вины, а те, кто пусть теоретически, но все же могли предупредить случившееся — то есть свидетели.

В результате, принявшись за чтение документа в восемь вечера, я отложил его в сторону далеко за полночь. К этому

времени страницы покрылись паутиной карандашных пометок, реплик, условных знаков, но зато все, что, подобно осколкам мозаики, было разбросано на «втором плане» трагедии, сложилось в цельную, но очень грустную картину.

Первые «штрихи» на полотне трагедии принадлежат тем, чьи физиономии пострадали от кулаков Никифорова, а уши от его матерщины и оскорблений. Поименно перечислять потерпевших смысла нет — кто, когда и каким образом из них пострадал, следовательно рассказывал при иллюстрации такой черты характера «сильной личности», как «отрицательное отношение к лицам женского пола», но упрекнуть их в том, что спустили распоясавшемуся хулигану оскорбления, — необходимо.

Впрочем, кто-то из них, возможно, и обращался в милицию, пытаясь поставить доморощенного «супермена» на место, но... Искандерова за сутки до гибели Марины тоже звонила в милицию, просила пресечь безобразия, одернуть хулигана, а в ответ — ноль эмоций. И тому сотруднику (или сотрудникам) с «нулевой эмоциональностью», проигнорировавшему тревожный звонок, в общей картине безразличия и равнодушия, принадлежит уже не штрих, а целый фрагмент.

Следующий «фрагмент» — Карлов, Колесников, Кончинин, Смирнов — эта та самая «компания подвыпивших парней», которую Никифоров в тот вечер вел на дискотеку. То ли не успели они еще пасть так низко, как их «идейный вдохновитель» и лидер, то ли острее чувствовали они грань между дерзкой, наглой выходкой и преступлением (а потому и проходят они свидетелями по делу, а не соучастниками), но сами они девушек не били. Более того, по просьбе Инны они даже предлагали Никифорову отпустить Марину. Однако предложения их были более чем «ненавязчивы», дабы «предводитель» не обиделся.

Как Никифоров при молчаливом одобрении своей «команды» издевался над девушками, как одна из них — Марина, — плача, повторяла: «Я боюсь! Я боюсь!» — видели проходившие мимо подруги — Разуваева,

Космачева, Чернова. И — прошли мимо... Плачущую девушку, между всхлипами спрашивающую своего мучителя: «Что я сделала?» — видела и другая проходящая — Гричанова. Увиденная сцена не оставила женщину равнодушной — о ней она через несколько минут рассказывала соседке.

Последний штрих — четыре парня, у которых Никифоров, «конвоирующий» Марину в свое «логово», просил прикурить. Дали. Но «врожденное чувство такта», естественно, не позволило им спросить, почему плачет девушка.

Стараниями следователя почти каждому действию Никифорова в тот страшный вечер нашлись очевидцы. Прояви хоть кто-нибудь из них минимальную заинтересованность к судьбе девушки — трагедии не произошло бы. Но никто из «наблюдателей» этой истории не пожелал стать ее действующим лицом. Все предпочли остаться свидетелями!

В силу «высших» соображений

Отложил в сторону бумаги и задумался: как быть дальше?.. Первое, что приходило в голову, — «раскрутить» безучастных к чужой беде свидетелей и сотрудников милиции. Могли, мол, предотвратить трагическую случайность, но... Было бы в этом случае достаточно причин и для упреков в непрофессионализме, и для разговора о равнодушии. В самом начале знакомства с делом я, наверное, так бы и поступил. Но сейчас у меня уже не было уверенности в том, что произошедшее подходит под разряд «частных случаев». Я все больше убеждался, что выглядит оно таковым, а потому и привлекло к себе внимание исключительно в силу своей трагической развязки: если же дело не кончается откровенным «криминалом», это, в сущности, всем безразлично.

Вспомнился разговор с Инной. Теперь поведение девушки уже не казалось мне равнодушно-спокойным. Скорее в ее ответах и манере держаться была некая обреченность. Уж она-то на личном опыте убедилась: пока не случится трагедия, будут спешить мимо прохожие,

будут с включенной «мигалкой» проноситься мимо, по «более важным» делам стражи закона. И никого не заинтересует, какие следы в душах пострадавших оставляют подобные «мелочи», сколько судеб они ломают. Помогут ли мои поиски равнодушных обрести Инне душевное спокойствие, веру в людей? Вряд ли...

Равнодушных слишком много, чтобы имело смысл их искать. Извечный вопрос в другом — откуда они берутся, какие социальные «болезни» питают ростки безразличия к чужой беде и боли? Что в этой конкретной истории «помогло» людям забыть долг — и человеческий, и служебный?

В силу каких «высших соображений» из сознания общества год за годом вытесняли представление о женщине как о блоковской Прекрасной Даме или рафаэлевской Мадонне, постепенно подменяя гордую идею гражданского равенства равенством экономическим, равенством, которое, кстати, для самих женщин вскоре обернулось неравенством, а для мужчин — вполне удобной формой существования, «отменяющим» заботу о «слабой», но «прекрасной» половине человечества? А раз утрачена ответственность, то не воспитывается и потребность души быть сильным, быть защитником, а не «прохожим».

В силу каких «высших» соображений органы внутренних дел долгие годы были вне «зоны критики»? Не в этой ли безответности перед теми, чей покой, жизнь, достоинство они призваны охранять, кроется выработавшаяся у некоторых стражей закона порочная практика по своему усмотрению определять: это дело серьезное — им нужно заняться, а этот вызов — пустяк, пусть сами разбираются... Кто им дал право мерить боль души человеческой?!

...Рано утром противно затрещал телефон. Звонил знакомый из местной газеты: «Привет, старичок. Я на днях слышал, что в Киеве произошла история, «близнец» твоей с Никифоровым. Это тебя заинтересует?»

СОВЕТЫ ДЖУНЫ

«Слушаю свои руки»

Вина перед первым ребенком будет терзать меня всю жизнь, но я благодарю судьбу за то, что все-таки она даровала мне великое счастье материнства. У меня растет славный сын Вахо, давший мне неизмеримо много — не меньше, чем могу ему дать я. Это он научил меня любви, готовой на любые жертвы. Это он дал мне необъятные силы, когда, почти уже приговоренный врачами к прощанию с этим миром, спокойно шепнул мне: «Я знаю — ты спасешь меня...»

Лаская и пеленая сына, я сделала много важных для себя открытий. Давайте вместе по-

смотрим, как мать пеленает дитя. Занятие это полно высокого смысла. Ведь мать дисциплинирует при этом тело и дух ребенка, как бы дает ему возможность самоощутить себя, окрепнуть, преодолевая сопротивление внешней среды — хотя эта сила явилась к нему в образе самых простых пеленок. Мать привычно заворачивает ребенка для тепла и гигиены, совсем, быть может, не подозревая о других значениях своей заботы. Малыш пытается найти в себе силы раздвинуть сковывающий его мягкий обруч, любой ценой высвободиться из него. А мать, снова ласково

пеленая ребенка, как бы укрощает в нем зачаточные импульсы животных инстинктов. Идет борьба, в которой воспитывается человек сразу же после своего появления на свет. И в этой борьбе мать вооружена тысячелетним опытом, ведь даже пеленает ребенка она в строгой последовательности, продиктованной ей веками, а значит — и высшей целесообразностью.

Думаю, что совсем зря отказались матери от колыбельных песен, дарованных нам самой природой, которая ничего не делает зря. Ведь так важно и сегодня, чтобы дитя своим «бессознательным» ухом и уже просыпающимся навстречу миру разумом улавливало и усваивало сначала мелодию материнского голоса, а уж потом и слова — простые, ласковые, нежные, сказочные, чтобы не обрушивались на него пьяные выкрики или какофония металлической музыки.

В наши дни ученые установили, что, еще находясь в утробе матери, ребенок слышит ее голос, воспринимает ее пение, способствующее нормальному психическому и физическому развитию плода. Как жаль, что современные женщины почти разучились петь не только во время выполнения домашней работы, но даже и на досуге.

Через организм матери мы все девять месяцев впитываем с биологической плазмой свет, воздух и соки, получая с ними заряд энергии Вселенной, гармонично наполненной разумом и инстинктами, мы зреем для будущей жизни. Хотя я слышала, что формирование ребенка «внутри матери» длится семь месяцев, потому что это число особенно любимо природой (семь цветов радуги, семь нот в звуковом ряду, слово «семь» во многих поговорках и пословицах...), а два оставшихся месяца природа рисует нам на ладони тайный код — ту дорожку, которую каждому из нас предстоит пройти, смеясь и плача, умирая и вновь возрождаясь в чужих жизнях.

Эти простые истины тоже открыл мне мой маленький сын, и вспомнила я их здесь только затем, чтобы еще раз пожалеть о том, что в своем стремлении познать мир мы все чаще и всецело полагаемся сейчас лишь на достижения науки и техники.

И забываем прислушиваться к голосу природы, мудрость которой неисчерпаема.

Еще работая в баре, я начала понемногу лечить знакомых. А впервые в Тбилиси сделала свои манипуляции, когда увидела, как у пятилетней дочери моей соседки случился приступ эпилепсии. Я сказала соседке: «Я помогу твоей дочери, Римма. Только не говори никому об этом». И через несколько сеансов мне удалось снять девочке приступы эпилепсии, подобно тому, как однажды в детстве я сняла бородавки своей подруге.

...Меня часто спрашивали, да и сейчас спрашивают, когда я обнаружила в себе способности чувствовать внутреннее состояние человека и воздействовать на него? На этот вопрос ответить точно я не могу, потому что долгое время была уверена: другие люди ощущают так же, как и я. Позже, поняв, что мои возможности удивляют окружающих, стала экспериментировать с близкими и друзьями: многое они воспринимали как чудо. А чуда здесь нет. Вокруг всякого живого организма, в том числе и человека, есть то, что пока условно принято называть биологическим полем, которое люди с повышенной чувствительностью легко воспринимают. Свойства биополя человека зависят от его физического и психического состояния. Поэтому, проводя руками вдоль тела больного, можно определить, какие органы поражены недугом. Разные болезни вызывают разные ощущения в руках: покалывания, прилив или отлив тепла, а часто этим ощущениям трудно даже дать определение (например, при язве желудка я чувствую нечто похожее на вибрацию, которая как бы втягивает мою руку в воронку).

У нас в кафе работала официантка Валя — немолодая уже женщина, бывшая фронтовичка. И однажды прямо на работе ей сделалось плохо — приступ печени. Я бросилась к ней, своими пассажами сняла ей острую боль, потом всерьез занялась ею, и вот совсем недавно она была в Москве, навестила меня, чтобы не только повидаться, но и сказать, что и по сей день не знает больше, что такое боль в печени.

В другой раз на проспекте Руставели у своего метро я

встретила давнюю подругу, которая, оказывается, дожидалась меня, чтобы познакомить с миловидной, но глубоко несчастной девушкой — щека ее была обезображена внушительным красным пятном, своими очертаниями напоминающим мерзкого краба. Джульетта, так звали эту девушку, однажды ночью проснулась от острой боли — нестерпимо горела щека. Проснувшись, сразу бросилась к зеркалу и увидела пятно, розовеющее на щеке. И, пока стояла у зеркала, буквально у нее на глазах это пятно, продолжая увеличиваться и краснеть, приобрело свой нынешний, устрашающий вид.

Будучи опытной медсестрой, Джульетта тщетно пыталась избавиться от уродливого пятна, хотя консультировалась с лучшими специалистами и перепробовала всевозможные лекарства. Я чувствовала, что у нее на щеке что-то страшное, и рука моя — инстинктивно, я даже не сознавала, зачем я это делаю, — потянулась к ее щеке. Я ощущала это пунцовое пятно, улавливая пальцами резкие, как будто впивающиеся в меня сигналы, собрав все силы, пыталась утихомирить их, как бы вывинтить из пораженной щеки. Джульетте я ничего не сказала, лишь обещала подумать, что можно сделать дальше. Мы постояли еще немного и расстались.

А утром Джульетта прибежала в наш двор, хотя я не говорила ей своего адреса. Она подняла на ноги весь двор, рассказывая каждому, что вчера вечером я сотворила чудо, а едва увидев меня, бросилась мне на шею. Я и сама изумилась, убедившись, что пятно на ее щеке вполовину уменьшилось, и не сразу, честно говоря, поверила, что это моя заслуга. Но девушка не хотела и слушать меня. Она прижимала мои руки к своему лицу. С того дня и пошли обо мне разговоры по всему Тбилиси. Сначала в нашем квартале, в моем кафе, в больнице, где работала Джульетта, а вскоре и повсюду — после нескольких сеансов пятно на щеке девушки окончательно исчезло.

Скептически относился к моим возможностям муж. Он убеждал меня, что никаких незаурядных способностей у меня нет, что это случайность или блажь, что у него самого, напри-

мер, не менее сильное биополе. Но когда у него на носу вскочил огромный фурункул, а наутро ему надо было идти на прием к министру, он так жалобно смотрел на меня, что я всю ночь держала руку у него на носу, и к семи утра Виктор снова был неотразим и элегантен. Но уже вечером его благодарность обернулась вспышкой гнева: у всех жены как жены, а его жена — ведьма.

Хотя я и не считала мужа своим владыкой и не полагалась целиком на его мнение, тем не менее, как я теперь понимаю, именно его отношение к моим способностям и верность семейным обязанностям до поры до времени не позволяли мне сделать решительный шаг — профессионально заняться лечением и целиком посвятить себя этому делу.

Но однажды, уже под утро, когда я, утомленная работой в баре, погасила свет в своей комнате, зашторила окна и прилегла отдохнуть... Задремала ли я, а может быть, еще не успела — не знаю, но внезапно в комнате сам по себе вспыхнул свет. Нет, не электрический, а какой-то сияющий, прозрачный, почти голубой. Стены моей квартиры расширились и исчезли. А што-

ры развевались по комнате, напоминая большие облака.

Какая-то сила приподняла меня с постели, как будто приказала быть готовой к полету. А я всегда мечтала летать. В раннем детстве я вставала на пригорок, запрокидывала голову и подолгу смотрела в небо. А когда мне начинало казаться, что уже слилась с ним, я посылала в небо свою страстную мольбу: «О небо, небо, сделай меня легкой, сделай меня чем захочешь — одуванчиком или птицей, — но сделай так, чтоб я летала. Сделай меня легкой, о небо!...»

А в этот раз я испытала неведомое мне раньше чувство полета, когда небо и облака были рядом со мной. После долгого полета я приземлилась на холме, поросшем высокой зеленой травой. Здесь я увидела маленькую сухонькую старушку в темном платке и скромном одеянии.

— Я давно жду тебя, — тихо сказала старушка и повела меня, взяв за руку, куда-то в высокие заросли травы, пахнувшей чебрецом и мятой. И вдруг я увидела юношу, который лежал на спине и глядел в небо такими глазами, что я сразу же поняла: он умирает.

Старушка медленно и так

же тихо, как раньше, сказала:

— Он любил тебя больше всего на свете и любит до сих пор, потому сердце его еще бьется. Но он умирает — и только в твоей власти спасти его.

Я посмотрела на юношу внимательней, и его лицо показалось мне знакомым.

— Ты узнала его? — вступенулась старушка.

И я почему-то ответила:

— Да.

— Так и должно быть, — уже спокойно продолжала она. — А теперь спаси его. Положи свою правую руку на ребро с левой стороны и думай... Прошу тебя, думай и думай о том, что ты любишь его.

Я повиновалась. Любовь, которая овладела всем моим существом, сделала меня в эти мгновения решительной и отважной, а сама я превратилась в луч света, столь сейчас необходимый уходящему из жизни.

Я коснулась его рукой и ощутила неведомый прилив сил и безмерной любви ко всему живому.

А потом все исчезло... Я снова была в своей комнате и видела, как сквозь шторы ко мне пробивается свет шумного Тбилиси. Я резко отдернула шторы. Все было на своем месте. Все те

же темные деревья заглядывали в мое окно, все те же яркие цветы пылали на клумбе посреди двора.

Но небо казалось мне уже не таким далеким, как прежде, и довольно было шагнуть за порог, чтобы снова взлететь.

Я чувствовала, что во мне произошли великие перемены.

Теперь я ясно видела свой путь. Он терялся в далеком прошлом, ярким лучом устремлялся в космические дали будущего и тысячью человеческих судеб сплетался в настоящем...

Как и все люди, я люблю свой дом. Но знаю, что мне нужно быть в любую минуту готовой расстаться с собой, раздать себя всем, а это означает — искать, находить и снова искать тех, кому мы нужны. Ведь любовь — это путь добра.

В чем бесконечность настоящего? В надежде, любви и вере, которые вечно идут от дома к дому, от человека к человеку, от планеты к планете. Вечно идут, растворяясь в людских судьбах и звездных мирах.

Тбилиси и был несколько лет таким домом, где я нашла пристанище, ощутила любовь и доброту людей, поверила в себя, свет Грузии впервые осветил мой путь. Именно здесь я сделала свой окончательный выбор.

После того странного случая, что произошел со мной однажды утром, после фантастического полета во сне или наяву я наконец-то обрела себя, приняла несколько важных для дальнейшей своей судьбы решений.

Одно из них внешне выглядело довольно просто — я поступила в народный университет медицины, не бросая работы в баре. Во-первых, мне необходимо было на первых порах овладеть хотя бы минимумом медицинских знаний. Во-вторых, хотела с помощью медиков проверить особенности проявившегося во мне дара. Если он лишь признак индивидуальности — развить его на пользу людям. Если мои приемы и способы исцеления повторимы — совершенствовать их, чтобы научить других.

Как же я была наивна — я не представляла себе, какой трудной, долгой и порой до отчаяния изматывающей будет моя борьба за утверждение своего дела.

Продолжение следует

Владимир Шахиджян

Соло на пишущей машинке

Продолжаем изучать четвертый ряд клавиатуры. Упражнения этого ряда сложные. Многие машинистки, прекрасно владея десятипальцевым методом, замечательно перепечатывая текст, каждый раз, когда им встречается цифра или пунктирный знак, бросают беглый взгляд на четвертый ряд, основательно замедляя темп работы, ударяя по клавишам бессистемно.

Многие из нас страдают одним существенным недостатком: начиная то или иное дело, мы не доводим его до конца. Казалось бы, цифра, знак препинания — какой пустяк... Что там тратить время на его изучение! Это неверная установка. При обучении нет пустяков.

И еще. Пока выполняете задание, старайтесь не отвлекаться. Научитесь максимально сосредоточиваться на выполнении поставленной задачи.

Уметь полностью сосредоточиваться даже при выполнении механической работы — к этому необходимо себя приучать. Когда вы достигнете автоматизма, то, пожалуйста, думайте о чем хотите. Но это скорее контрольные упражнения — переписывать текст, а думать о чем-то другом.

Упражнение № 82

Напишите, пожалуйста, арабскими цифрами, используя замок верхнего регистра, следующее (помните, левая рука: цифру 1 пишут мизинцем, цифру 2 — безымянным, цифру 3 — средним, 4, 5 — указательным; правая рука: указательный — цифры 6, 7, средний — 8, безымянный — 9, мизинец — 0. Может быть, у вас клавиатура, где нет цифры 3 и 0, тогда их заменяют прописными буквами 3 и 0, соответственно ударяя требуемыми пальцами): 111 222 333 444 555 666 777 888 999 000)

Напишите каждое число по пять строчек.

Упражнение № 83

Пожалуйста, напишите два раза следующий текст:

В сутках 24 часа. Это 1440 минут или 86 400 секунд. Человек должен спать 8 часов. Мы не умеем ценить время. В году 12 месяцев или 365 дней.

Как быстро летит время! Одни успевают за день сделать много, а у других почему-то время уходит впустую. Жаль! Человек должен питаться 3 раза в день.

Хорошо бы получать стипендию 95 рублей, но многие обходятся вообще без стипендии, при этом покупая себе джинсы за 170 рублей. Как думаете, откуда берут деньги?

И еще один совет. Большинство людей — такая у нас психология — любят делать то, что получается, и не любят делать того, что не получается. Давайте поставим перед собой задачу — сделать следующее упражнение № 83 на пять с плюсом. Для этого надо его напечатать без единой опечатки. Цифры ударять именно тем пальцем, которым требуется, хотя вам иногда будет казаться, что легче нажать, скажем, на цифру 2 и 9 не безымянным, а указательным пальцем. Нет и еще раз нет! Будем ударять именно — цифры 2 и 9 — безымянными пальцами.

Упражнение № 84

Повторим пройденное. Нужно по десять строчек напечатать без единой ошибки три слова: рапорт, тайфун, движок.

Почему нужен автоматизм? Нельзя думать, вспоминать: пальцем таким-то ударять по клавише такой-то. Принцип письма на машинке примерно тот же, как и письмо рукой. В свое время мы до автоматизма овладевали начертанием тех или иных букв ручкой. Этого же нужно добиться и при изу-

чении машинописи. Только автоматизм заключен в том или ином пальце: а — указательный палец левой руки, л — средний палец правой руки, ш — средний палец правой руки и т. д. Если одно и то же слово часто писать, то достигается автоматизм.

Ни одна квалифицированная машинистка никогда не думает, каким пальцем какую букву ударить. Мало того, если машинистка начинает думать об этом, то у нее пойдут опечатки.

Тогда она проверяет верность постановки пальцев, то есть ФЫВА — ОЛДЖ. Помните наше первое упражнение?

Упражнение № 85

Напишите, пожалуйста, четыре строчки слова «водопровод».

Попробуйте добиться максимальной скорости при написании этого слова. Попробуйте писать его с закрытыми глазами. Попробуйте писать, думая о чем-то другом (интересно, будут ли у вас при этом ошибки). Нужно добиться, чтобы все четыре строчки были без единой опечатки, чтобы были равные интервалы между словами.

Упражнение № 86

Маленький текст, который нужно написать три раза без единой опечатки, и при этом помнить, что знак «%» ударяется мизинцем правой руки и пишется сразу после цифры, без интервала, вот так — 100%.

Многие, изучая машинопись, ожидают чуда. Думают, вот выполнят за 30—40 часов 40—50 упражнений — и они научатся. А чуда нет. Почему? Да потому, что чудес не бывает. Любой талант, любые способности — это прежде всего 90% труда. Да-да, 90% труда плюс 10% таланта. Вот и вся формула. Если будете действовать по этой формуле, то достигнете успеха не только в машинописи, но и во многих своих начинаниях.

Что делать, если вы при выполнении того или иного упражнения устали? Ни в коем случае не заставляйте себя работать через силу. Расслабьтесь... и снова начинайте занятия. Еще одна формула успеха. Она звучит чуть иронично: жизнь любит удачливых. Да-да, если у вас будут удачи, все пойдет легко. Если вы сами себе будете говорить, что вы бездарность, что у вас ничего не получается, что вам не хватает терпения, воли, то у вас многое действительно не будет получаться. Невероятно важная штука — личная психологическая установка.

Вы должны чувствовать себя удачливыми людьми. Вы должны верить в удачу. Не знаю, насколько легко вам удастся изучение тех или иных предметов в институте, но знаю точно — машинопись может освоить каждый. Лучше повторить то или иное упражнение десять, а то и сто раз, но добиться автоматического выполнения, чем достигнув посредственного результата (небрежное выполнение упражнений, постоянные опечатки), испытывать раздраженность и тем не менее переходить к следующим заданиям, а про себя говорить, что все выходит плохо, нет результата.

Упражнение № 87

Выполните, пожалуйста, как бы вам этого ни не хотелось, — заново, и при этом выполните на отлично — все упражнения (с 82-го по 86-е) этой публикации. Каждое последующее отделяйте от предыдущего упражнения двойным пропуском, при этом максимум, что вы можете себе позволить, — это три опечатки на странице.

В заключение очередного задания, пожалуйста, перепечатайте четыре анекдота. Здесь нужно обратить внимание на то, как иногда при письме передается прямая речь — совершенно не обязательно печатать ее в кавычках. Ну и, конечно, перепечатывать надо до тех пор, пока вы не добьетесь того, чтобы не было ни единой опечатки.

Упражнение № 88

На экзамене профессор спрашивает студента:

— Вам как лучше — задать один трудный вопрос или два легких?

— Один трудный, — отвечает студент.

— Тогда так: где впервые на земном шаре появились обезьяны?

— На Арбате.

— Почему?

— Профессор, это уже второй вопрос.

Упражнение № 89

Некто набирает в 3 часа ночи номер телефона. Сонный голос отвечает:

— Слушаю...

— Это телефон 285-80-71?

— Вы с ума сошли! У меня вообще телефона нет!!

(Из абстрактных анекдотов)

Упражнение № 90

Один преподаватель жалуется другому:

— Ну и тупая группа мне попалась. Объясняю им теорему — не понимают. Второй раз объясняю — не понимают. Третий раз объясняю — сам понял, а они все равно не понимают...

Упражнение № 91

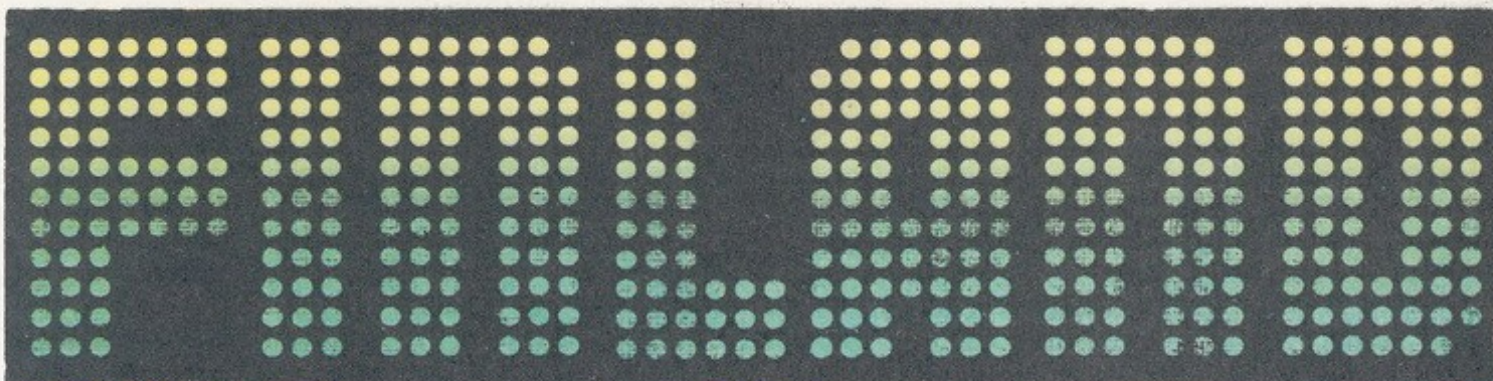
Голубь назначил свидание голубке в двенадцать часов дня на часах городской ратуши.

В 12 часов голубки нет. 1 час дня — ее нет. 2 часа — тоже. И только около 5 часов вечера она появилась у часов.

— Почему ты так поздно пришла? — спросил ее голубь. — Ведь от твоей площади до ратуши лететь 5 минут.

— Милый, на дворе такая чудесная погода, что я решила пройти пешком.

Итак, наши занятия (осталось две публикации) подходят к концу. Как всегда, мне хотелось бы узнать мнение читателей: что получается, что — нет. Жду ваших писем.

КОНКУРС ПО ПОДСКАЗКЕ ЧИТАТЕЛЯ

Финляндия — северный сосед

(Продолжение. Начало в № 10)

Напоминаем нашим читателям: победителей конкурса ждут достойные награды: 5 путевок для поездки в Финляндию летом 1989 года на VII Фестиваль дружбы и 10 поощрительных призов ЦК ВЛКСМ и КМО СССР.

Вопросы конкурса-викторины:

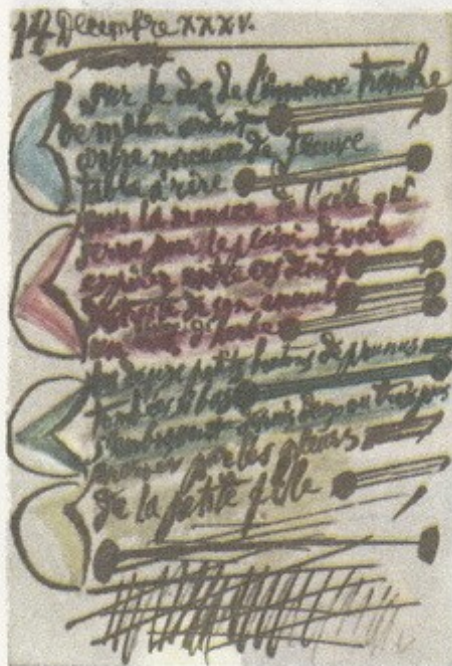
11. Расскажите о советско-финляндском культурном сотрудничестве.
12. Какие города СССР и Финляндии установили между собой прямые связи?
13. Что вы знаете об основных молодежных организациях Финляндии?
14. В каком году был впервые проведен Фестиваль дружбы советской и финской молодежи?
15. Когда молодежь Финляндии принимала посланцев Всемирного фестиваля молодежи и студентов? Что вы знаете об этом фестивале?
16. Какие крупнейшие высшие учебные заведения Финляндии вам известны?

17. Расскажите о своем любимом финском писателе. Какие его произведения вы читали?

18. В каком году в Финляндии проводились Олимпийские игры?

19. Финляндия славится традициями проведения массовых лыжных соревнований. Когда в этой стране проводится национальный «лыжный день»? Какая лыжная трасса названа «Пробегом Финляндии»?

20. Расскажите о себе: где учитесь, работаете? Что дало вам участие в конкурсе, обогатило ли ваши знания о Финляндии? Ваши предложения по поводу организации подобных конкурсов-викторин.

«Поэзию, как и многое другое, Пикассо держал в тайне», — писал Патрик О'Брайан, один из самых внимательных биографов художника: «Это было его убежище, скрытое от посторонних глаз». Стихи Пикассо считались утерянными навсегда, но вот в 1979 году, через шесть лет после смерти художника, его наследники решили избавиться от всего «нехудожественного» архива. Теперь стихи и поэмы великого Пабло хранятся в его парижском музее. А в конце этого года будет издана антология его стихов, так похожих на его картины. Вот одно из стихотворений в переводе Е. Лившиц:

на необъятной спине
жаркого ломтя арбуза

дерево излучина реки
стол смеха
над ним крыло угрозы
сжимает дабы радостно узреть
как увядает меж его зубов
в своем унынии развлечено
зеленая былинка

и пара пуговичек-слив
упавших низко
целуется уже который день
но их тревожит
плач девочки

14 декабря 1935 года

«Бью черномазого ногой в живот. Он падает. Хватаю его за волосы и выворачиваю голову...» — так живописует перед своими приятелями свой очередной «подвиг» в одном парижском баре низкорослый, крепко сбитый юнец. При этом он отчаянно жестикулирует, приседает, подпрыгивает — дикарю не хватает слов. Все четверо обриты наголо. Одеты в куртки «в военном стиле», на шеях кресты, на башмаках

стальные пластины. Это — «бритоголовые». Их банды сеют страх во многих городах Франции, нападая в основном на арабов и африканцев. Пока социологи, политики рассуждают и думают, что предпринять, французские «бритоголовые» продолжают бесчинствовать...

С позором был вынужден покинуть Национальный университет Лесото американский про-

фессор философии Юджин Вальберг. Студенты и сотрудники этого учебного заведения потребовали увольнения этого «преподавателя», открыто проповедующего расистские взгляды.

Вальберг пытался представить государство апартеида «раем для африканцев», утверждая, что «черные живут там лучше, чем их собратья по цвету кожи в любой другой части континента».

Ах, как радовались мы недавно, что и у нас тоже проходят конкурсы красоты. Радовались зрители, радовались первые красавицы и грустили вторые и

третьи, телевидение демонстрировало озабоченные лица организаторов, раздавались трезвые голоса: хорошо бы изучить зарубежный опыт и влить в него наше содержание, и т. п. А вот что делать с таким опытом? Первая красавица Калифорнии Энн Симонтон на обложке журнала (верхний снимок), рекламирующая новые купальники, затем — автомобили «Форд», затем — меха и т. д., становится лидером борьбы «первых красавиц». «Нам осточертело, что к нам относятся как к куклам — «стой, где прикажут», нам осточертело, что к нам смеют подходить разные грязные типы с самыми дикими предложениями. И Симонтон

в ознаменование юбилея своей победы обрила свои роскошные волосы: «Пусть теперь только попробуют назвать меня красавицей!»

«Последний шик для шейхов или «Когда новое встречается со старым» — так можно было бы озаглавить фотографию, на которой запечатлен момент встречи двух жителей Объединенных Арабских Эмиратов. Последний шик для шей-

хов — спуск с песчаных круч на горных лыжах — завоевывает все больше поклонников и среди тех, кто может позволить себе прилететь (с лыжами в багаже) из Европы и США. Единственная проблема — подъемники. Нет-нет, у

шейхов хватает денег на сооружение подъемников самых комфортабельных и современных. Проблема в другом: построил подъемник, а песчаная гора глядишь — и переехала!

Один из трех...

В № 8 вы могли прочесть письмо Лизы М. из Симферополя — «На чашечку кофе». Она просила доктора Дереша высказать свою точку зрения.

Итак, ответ компетентного человека.

Давайте немного порассуждаем. Раньше считалось, в христианские еще времена, что у каждого человека стоят сзади — за левым плечом — дьявол, а за правым — ангел. И каждый нашептывает в ухо свое. Дьявол искушает. Речи его сладки, вкрадчивы, льстивы. Он знает наши слабости, потакает прихотям... Ангел взывает к совести, достоинству, чести. Слова простые, немудреные. На самом деле в метафоре есть глубокий смысл. Мы действительно биосоциальные существа, и в каждый момент времени смещаемся по оси — «животное» — человеческое. Смещаемся влево или вправо в зависимости от своих поступков. Вот почему мы не можем и не должны никому подражать, мы же не знаем, какому голосу следует человек, совершая тот или иной поступок. Когда говорится, что мы должны слушать самих себя — подразумевается, что мы должны еще и хорошо различать, какое начало в нас говорит — «животное» или человеческое. Учитывая при этом, что «животное» часто надевает маску человеческого и выражается весьма и весьма прогрессивно.

Пойдем дальше. Вот с чем я не могу согласиться в вашем письме, так это со словом — *все*. *Все* — пристают, предлагают и т. д. Уж не все-то точно. Но правда состоит в том, что почти любая девушка в жизни подвергается прессу сомнительных предложений. Нужно быть к этому готовой. И уметь достойно отвечать. Но ясно также, что одни девушки получают их намного больше, чем другие. Возможно, что их манера одеваться и делать макияж, а также мимика, движения и т. п. толкуются превратным образом. Эта манера воспринимается как *призыв*. Такие недоразумения вообще часты между людьми — мы вкладываем в

какой-то акт поведения один смысл, а люди читают совсем другой. Бывает, что неправильно понимается также взгляд, в нем находят некую неопределенность, искательность. Думаю даже, что эта неопределенность или искательность есть и в вашем взоре, потому что вы — колеблетесь... То ли оставаться такой, как есть, то ли поступить как подруга. И вот эти тонкие колебания улавливаются.

Теперь о психологии, физиологии и морали. Проблема есть. И проблема серьезная. Публичных домов у нас нет. Влечение есть, в ряде случаев — довольно сильное. Спортивных площадок и спортивных комплексов, где можно было бы переключить и рассеять эту энергию, не хватает. (Помните, как герой рубит дрова для сублимации сексуальной энергии в итальянском фильме «Укрощение строптивого»?) Действительно, можно сказать, что в этих ситуациях «животное» начало поднимает голову, а половой инстинкт начинает искать себе пищи. Так вот, рубка дров и является культурным механизмом канализации либидо, культурным механизмом сублимации; очевидно, что, кроме рубки дров, можно использовать множество других форм социальной деятельности, в которых «животное» начало берется под контроль, эстетизируется, очеловечивается.

Мне, кстати, вспоминаются данные о подростках и молодых людях, ведущих беспорядочную половую жизнь (исследования были проведены в нашей стране). Оказалось, что в 100% случаев эта беспорядочная жизнь идет на фоне алкоголизации. А именно алкоголь снимает «человеческое», культурное. Без алкоголя, возможно, «не позволил бы себе», а так — «гори все ясным огнем». Начинается вакханалия. Вовлечем ли мы в нее, вовлечем ли в нее кого-то? А если вовлечем, то кого? И

как? И вот здесь в последнее время сложилось очень интересное и примечательное словупотребление. Не первый год, правда, уже бытует такое выражение — «снять телку». Помните, как это в «Онегине»: «...откажут — мигом утешался, изменят — рад был отдохнуть».

Ходят вокруг вас онегины такие, ходят. Но принимают вас, увы, не за Татьяну. Вы для них некое деперсонализированное существо, в котором больше «животного», чем человеческого. И на такое вот куцее восприятие и наталкивает как раз лексика, словупотребление. «Снять» — речь идет обычно о комнате, квартире, то есть вещи. «Телка» — что-то симпатичное, но необычайно глупое, теплое, дающее (в обычном случае — молоко). Получается, что это выражение играет на «снижение» девушки, на ее овеществление, деперсонализацию. Не сестра, не комсомолка, не поэтесса, не художница, не технолог, не учитель, не ткачиха и т. д., а просто некая вещь, приятная, не переживающая, готовая к услугам... Гегель, между прочим, называл эту первую стадию развития человеческого самосознания вожделеющим самосознанием, алчущим самосознанием. Знающим только себя, а любого другого воспринимающего только как средство для достижения своих целей. На второй стадии — все иначе, человек воспринимается как равный себе...

Сколько же вокруг нас людей находится на уровне первой стадии развития? Расскажу о двух экспериментах. Первый провел автор этих строк восемь лет назад в МАИ, на встрече со студентами. Я попросил анонимно ответить на вопросы: «Насколько важным и главным в супружестве является сексуальное взаимодействие?» и «Каковы причины разводов»? Оказалось, что примерно $\frac{1}{3}$ девушек и юношей считает, что С. В. является в супружестве самым главным. Соответственно и на второй вопрос они отвечали в том смысле, что причина разводов и разлада коренится именно в этой сфере взаимоотношений.

Примерно $\frac{1}{3}$ ответила, что С. В. совсем не является главным и важным, или что оно вообще не играет роли, а глав-

ное — душевное и духовное взаимодействие, взаимопонимание. И, конечно, в ответе на второй вопрос говорилось о недостаточной духовной и душевной близости, потере взаимосочувствия и понимания. И, наконец, третья группа. Авторы этих записок говорили, что они не могли бы так искусственно разделить то и другое, что если нет взаимопонимания, то и сексуальное взаимодействие теряет смысл и ценность, а без С. В. жизнь становится слишком пресной. Эта позиция, которую можно было бы назвать «синтетической», кажется мне наиболее конструктивной. Те, кто делает акцент на сексуальном, упуская из виду человеческое, или те, кто делают сугубый акцент на человеческое, упуская из виду сексуальное, — это, пожалуй, представители группы риска. Потому что нельзя одно отрывать от другого и эмансипироваться от фактов, от жизни. Во всяком случае, нам важнее, наверное, в людях преодоленное и поставленное под контроль «животное» начало.

Еще одно исследование, только ему уже более 50 лет. Врач Гельман исследовал разные категории граждан, их отношение к половой жизни. Вот яркие мужские ответы: «Искал самку и всегда находил». «Почему современные советские женщины так церемонятся? Почему мы готовы всегда и со всеми?». «Я не имею контактов только тогда, когда нет женского продукта».

Чувствуете? Стираем позолоту, остается свиная кожа.

Теперь женские ответы, совсем другой колорит: «Имела желание, но не могла себе позволить быть с человеком, не близким душевно». «Мне не нравятся мужчины за их слишком грубый и прямолинейный подход к нам». «Близкого человека не было, а желание было. Приходилось терпеть».

Разница бросается в глаза. Если мужское влечение физиологизировано, узконаправлено, берет только часть женщины, то женское, наоборот, личностно, психологизировано, берет человека целиком, во всех его качествах и отношениях к себе и к нему. Без психологической близости физиологическая теряет силу, не имеет цены или невозможна...

Результаты нашего эксперимента говорят, что на первой — алчной, вожделеющей — стадии развития самосознания находится примерно один из трех молодых людей. Один, а не все, как вам это пока кажется. И более того. Наверное, 1—2 из 10 до конца дней своих будут считать так же, как и сейчас. Но с каждым годом будет увеличиваться количество «прозревших». Потому что период гиперсексуальности проходит. Период неточных и неверных суждений кончается. Начинается период зрелости. И тогда перестают рассказывать о своих «победах» и гордиться ими. Перестают искать и «снимать телок». Ищут друга и человека, и с каждым годом все больше и больше. Впрочем, я поляризовал мужское — женское, пожалуй, напрасно. Ведь и девушка и женщина тоже проходят схожий путь.

Отсюда ответы на ваши вопросы: «Разврат, бывало хладнокровный, наукой славился любовной». В некоторых случаях сейчас этому придают «благородное» название пробного брака. Не всегда, но встречается.

Ваша проблема — это проблема ваших интересов и увлечений. Чем интересуетесь и чем увлекаетесь? К чему стремитесь и к чему идете? Потому что есть смысл знакомиться и искать только на совместном пути. Но едва ли на совместном пути к постели. И чем больше увлечений и интересов, тем меньше влечения эгоистического.

Не получается знакомство с ребятами, приятельство с ними, дружба? А ведь только через эти пути нужно двигаться. Вы плохо понимаете, кто вам нужен? Стали бы вы дружить с самой собой, с точно такой же, как вы? Как вам было бы вдвоем? Цели, ценности. Надо двигаться. Неприязнь к ребятам? Страх? Среди них пустых не больше, чем среди девушек. Пустых и дешевых — одинаково. Ищите свое. Ищите содержательных. Только надо ведь, чтобы и он в вас увидел не просто достоинства и недостатки, но — Личность. То есть нестандартного, интересного человека.

Доктор Дереш

ИТОГИ АНКЕТЫ

«Определим судьбу книги»

Количество анкет, пришедших в редакцию, еще раз подтвердило, что хорошая детская литература — дефицит во всех районах нашей страны.

Но даже самая обширная программа Госкомиздата СССР, наверное, не сможет удовлетворить все заявки, ведь в анкетах вы назвали почти 200 произведений, достойных, на ваш взгляд, занять место на книжной полке малыша. Вы предлагаете включить в программу Андерсена, Барто, Маршака и даже таких «взрослых» писателей, как Каверин, Диккенс, Экзюпери.

Самые популярные у ваших детей — «Маугли», «Винни Пух», «Волшебник Изумрудного города». А самые желанные для вас — издания «Русских народных сказок», «Золотого ключика» А. Толстого, «Конька-горбунка» П. Ершова, «Старика Хоттабыча» Л. Лагина, трилогии о Незнайке Н. Носова, «Кондуита и Швамбрании» Л. Кассиля и «Приключений Тома Сойера» М. Твена.

Мы благодарим всех, кто откликнулся на наше предложение помочь выявить любимые и ожидаемые детские книги.

Пять авторов наиболее интересных анкет получили в подарок от редакции интересные книги.

Семен Альтов

Орел

Всем известно: кукушке подложить яйцо в чужое гнездо — раз плюнуть. Однажды взяла и снесла яйцо в гнездо воробья.

Вернулся воробей вечером домой — и что же он видит? Все яйца как яйца, а одно здоровенное, ну прямо орлиное!

— Так, — сказал воробей. — А ну, воробыха, поди сюда! В глаза смотри! Выходит, это правда?

— Что — правда? — спросила воробыха и покраснела.

— А то, что тебя видели с орлом. А иначе откуда у нас в доме орлиное яйцо? А?

— Побойся бога! — закричала воробыха. — Я не то что на орла, на слонов не гляжу! Как ты мог такое подумать?

И воробыха заплакала. Воробей еще покричал-покричал, а потом решил:

— А может, она и не врет?.. Вдруг это действительно от меня? А что? Вырастет с орла ростом, а глаза и клюв — мои. И все будут говорить: «Ай да воробей! Орел!»

С блохой и без

Не гляди, что уши висят, лапы короткие! Да, из дворняг. Но английской королеве лапу давала! Вот эту, которой сейчас тебе по шее дам. Так что ты, рыжий, держи дистанцию, понял? Отодвинься!.. Еще!.. Сидеть!

А была у меня тогда блоха. Ну, доложу тебе, кусачка! Вот такусенькая, кусать нечем, а жрала так — за ушами трещало! Как начнет меня вприкуску — я вприсядку и к потолку! Не то что шею, горы могла свернуть.

В таком приподнятом состоянии как-то через высоченный забор перемахнула аллюром. Один мужик это дело увидел, обомлел, в дом пригласил. Накормил, напоил, на соревнование выставил.

Ну, а мы с блохой там шороху дали! Слышишь, рыжий, мы там дали прикурить! Этим вычесанным, чистопородным, чуть ли не от английского короля произошедшим, рядом с нами делать нечего было! Шансов — минус ноль! Они еще на старте

землю скребли, а мы с блохой финишную ленту в клочья рвали и дальше неслись! Медаль бы на грудь повесили, да не смогли на мотоциклах догнать.

На какие только соревнования не выезжала! Чью не защищала честь! Само собой, приемы сплошь на высоком уровне вплоть до курятины. Как говорится, из грязи в князи! Шутка ли, единственная в природе скоростная дворняга! Ученые на меня набросились. Целым институтом вцепились. Задумали новую породу вывести — дворняга-экспресс. Слушай, с кем только не скрещивали! Борзые, овчарки, бульдоги, причем не какие-нибудь — все из хороших семей. Ну нарожала я им, а толку-то?! Во-первых, ради науки, а значит, без любви. Во-вторых, не меня с бульдогом скрещивайте, а блоху с бульдогом — и тигр получится! Единственное, за что меня ругали в печати, — «нет стабильности результатов». Какая стабильность? Когда блоха не кусала, какого лешего я побегу, верно, рыжий? Да хоть бы там мозговая косточка засияла! Материальные стимулы — ерунда по сравнению с моральными. А блоха грызет тебя, как совесть. Цель в жизни появляется, и несет тебя через преграды напрямиком в светлую даль.

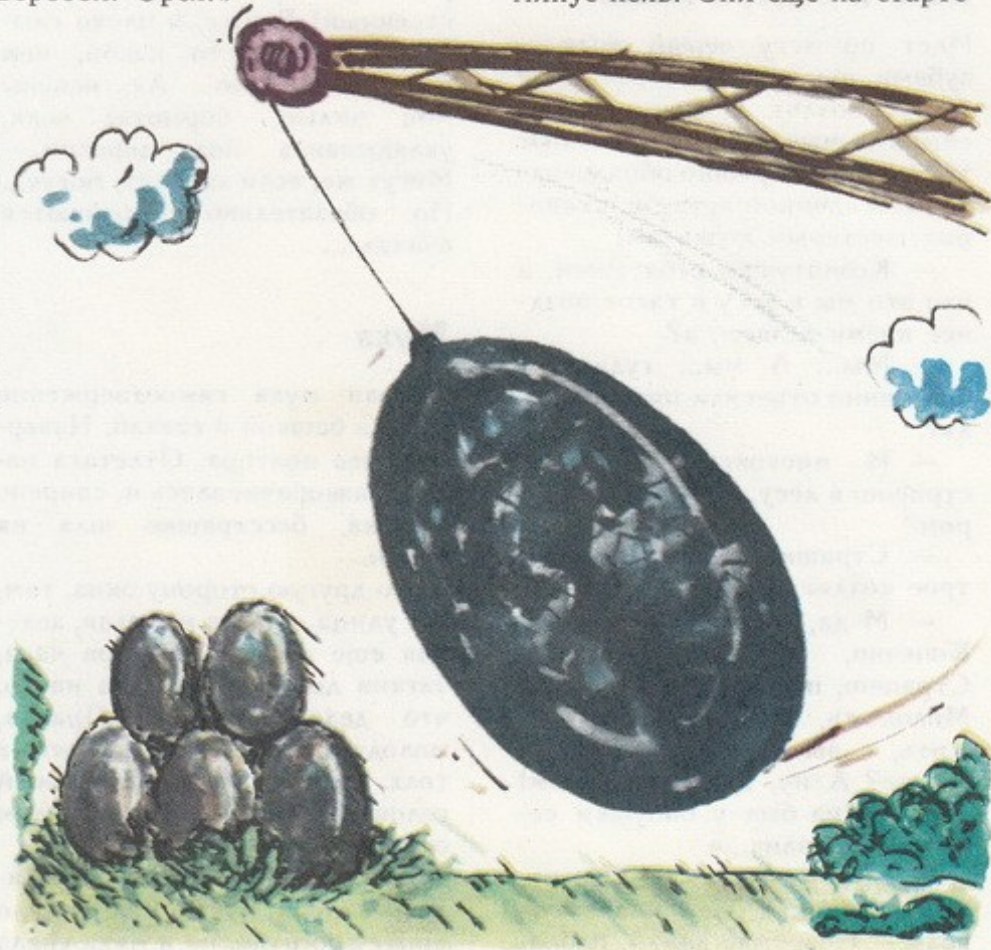
Я тебе вот что скажу: порода, кровь голубая — ничто, пока эту кровь пить не начнут. А так живешь бесцельно, что хочешь, то и делаешь, а значит, не делаешь ничего. Лучшие годы псу под хвост. Без блохи сто раз подумаешь: «Стоит ли заводиться, а зачем, а куда?» С блохой думать некогда, и, естественно, результат. Вот такие дела, рыжий!

Но в одно прекрасное утро пропала блошечка. Проснулась в холодном поту, оттого что меня не кусали. Дикое ощущение! Не знаешь, куда себя деть.

То ли выкрали блоху, то ли переманили. А без блохи я, сам видишь, никто, как и ты. Уши висят, лапы короткие. Барахло! Ну и выгнали в шею!

Но на меня, скажу тебе откоро-

Графика А. Лобашинского

венно, посадить хорошую блоху, я бы знаешь, где сейчас была?.. Сегодня четверг?.. В Лондоне на бегах брала б главный приз. Вот так-то вот! А без блохи сам ни в жизнь не почешешься. Правильно сказала одна болонка французская: «Шерше ля блох» — ищите блох!

Эстетика

— Журавль, а журавль, скажи, почему, когда вы летите по небу, люди улыбаются, говорят: «Журавлиная стая летит!» А когда идем мы, коровы, ворочают носы, ворчат: «Стадо коровье прет-ся!» В чем разница?

Журавль гордо задрал голову и сказал:

— Мы как-никак журавли. А вы коровы. Извини.

Буренка замотала головой:

— Но как же так? Мы даем людям молоко, мясо, шкуру — последнее отдаем! А вы? Что даете народному хозяйству?

— Ну не знаю, — обиделся журавль. — Зато летим красиво. Журавлиным клином. А вы бредете как попало, стадом. Неэстетично.

Буренка задумалась: «А ведь журавль прав. Нам бы клином, по-журавлиному. И люди скажут: «Вон коровья стайка прошла!»

На следующий день коровы возвращались домой, построившись несколько странно. Впереди бежала Буренка. Она то и дело оглядывалась назад и мычала, чтобы коровы подравнивались, держали линию. Пропуская коров, люди прижимались к заборам, ругались:

— Совсем очумела скотина. Всю улицу заняли!

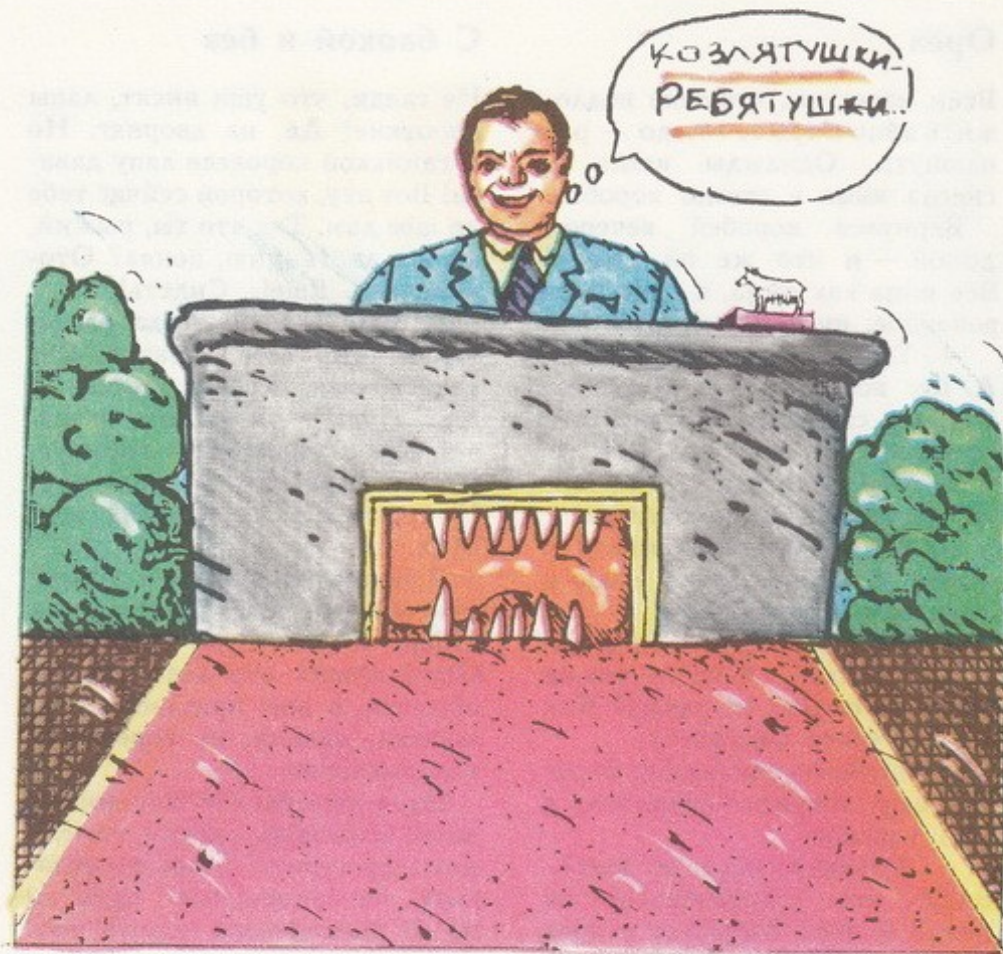
Коровы прошли. Остались на земле коровьи лепешки.

Кто-то сказал:

— Смотрите! Смотрите! Лепешки-то как легли! Прямо журавлиный клин получился!

Услышав последние слова, Буренка радостно замычала:

— Вот что значит эстетика. Выходит, и мы можем!

Волк и семеро козлят

Идет по лесу серый волк — зубами щелк, а навстречу ему семеро козлят. И такие на вид симпатичные, просто слюнки текут! Волк страшно обрадовался неожиданной встрече и говорит шестерым козлятам:

— Козлятушки-ребятушки, а что это мы в лесу в такое позднее время делаем, а?

— Мы... А мы... гуляем, — испуганно ответили пятеро козлят.

— И нисколько вам не страшно в лесу, вот так, вчетвером?

— Страшно, — заплакали трое козлят.

— М-да, — зевнул волк. — Конечно, страшно в лесу. Страшно, потому что не поете. Молодежь, вам еще жить и жить, а вы не поете. Песенки знаете? А ну, давайте дуэтом!

— «Жил-был у бабушки серенький козлик...»

— «Вот как, вот как! Серенький козлик!» — подхватил волк. — Погромче давай, побод-

рей! Ну! Запевала ты мой единственный! Ближе, я плохо слышу... А худой-то какой, чем поет, непонятно... Ах, певуны мои милые, — бормотал волк, укладываясь под деревом. — Могут же, если захотят, могут... Но обязательно поломаются вначале...

Муха

Старая муха самоотверженно билась башкой о стекло. Наверно, часа полтора. Отлетела назад, разворачивалась и, свирепо жужжа, бесстрашно шла на таран.

По другую сторону окна, там, где улица, сидела молодая, зеленая еще муха и полтора часа, затаив дыхание, глядела на то, что делает старая. Правда, молодая никак не могла взять в толк, зачем пробивать своей головой стекло, когда рядом открыто окно настезь.

Два часа героически сражалась старая муха. Уже стекло вроде дрогнуло, но и муха упала

без сил. По-пластунски добралась до открытого окна, перевалилась на карниз, где и раскинулась, судорожно дергая лапками.

Молодая муха подбежала и робко спросила:

— Простите, что отрываю, если не секрет, зачем биться головой о стекло, когда рядом открыто?

Старая муха ответила, еле двигая челюстями:

— Глупая ты. Оттого что молодая. В открытое окно любой дурак вылететь может. Ну а радости-то? Влетел, вылетел, влетел, вылетел. Разве живем ради этого? А вот ты поработай своей головой, пока не распухнет, пока пол с потолком не

сольется! И когда жужжать уже нечем, вот тут и ползешь туда, где открыто. Если б ты знала, как мне сейчас хорошо!

Молодая муха старалась не смотреть на распухшую голову старой, а та продолжала:

— Мой папа всю жизнь бился головой о стекло. Мама покойная билась. И мне завещали: только преодолевая трудности, почувствуешь себя человеком! Поняла?

Вон окно, начинай!

ФРАЗЫ

Порой так голосуют, что руки опускаются.

Александр Беренштейн

Особенно грустно, когда доходит до смешного.

Если мужчина постиг все тайны кулинарного искусства, значит, женщина для него уже не загадка.

Александр Перлюк

Невозможно носить на руках женщину, которая хочет идти в ногу с мужчиной.

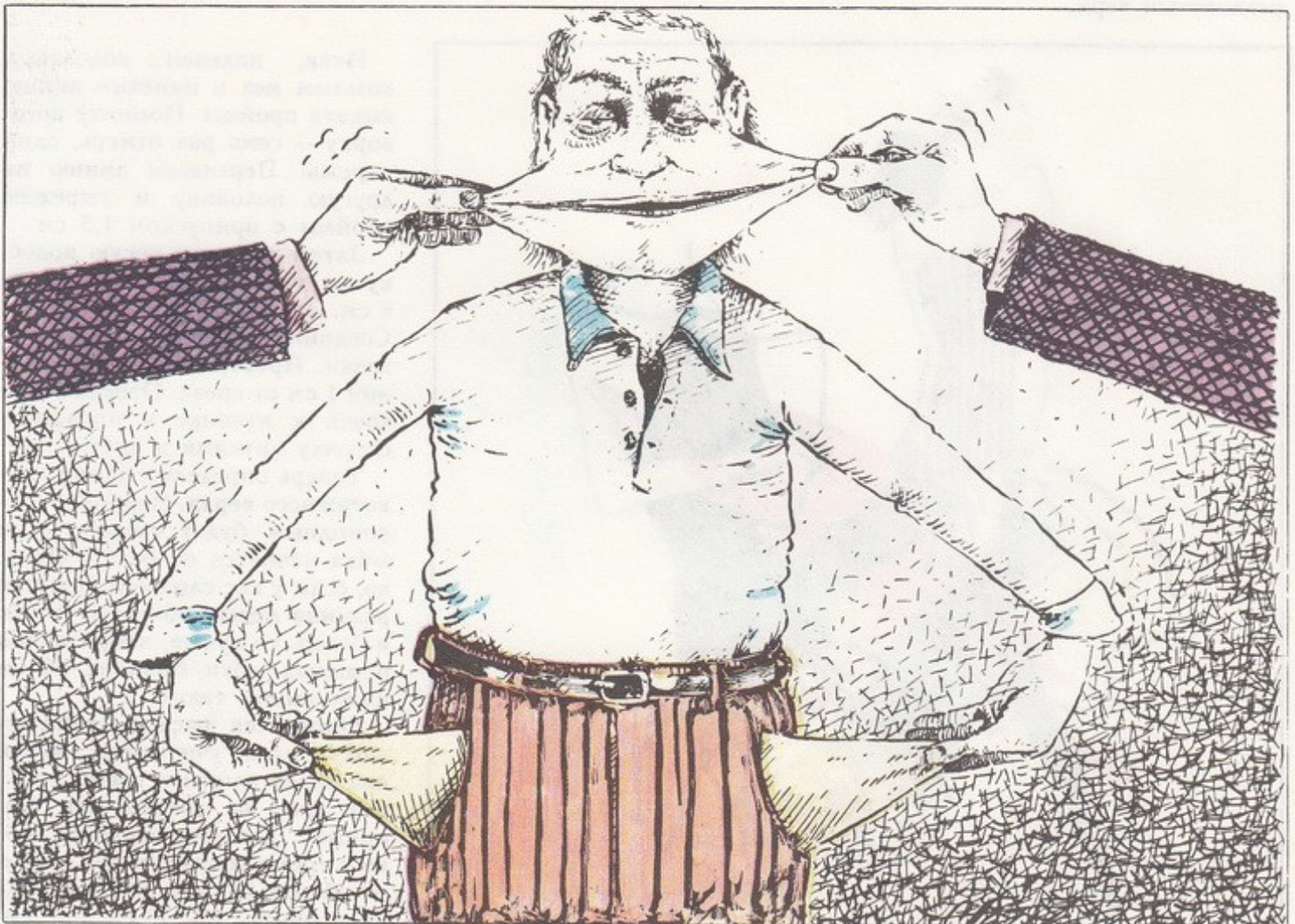
Виктор Власов

Нравственность падает, культура повышается. Как же трудно представить себе человека будущего!

Андрей Готовский

Жизнь без стрелочников? Да это же крушение!

Виктор Власов

Сергей Айнутдинов
(г. Свердловск)

КАРИКАТУРА

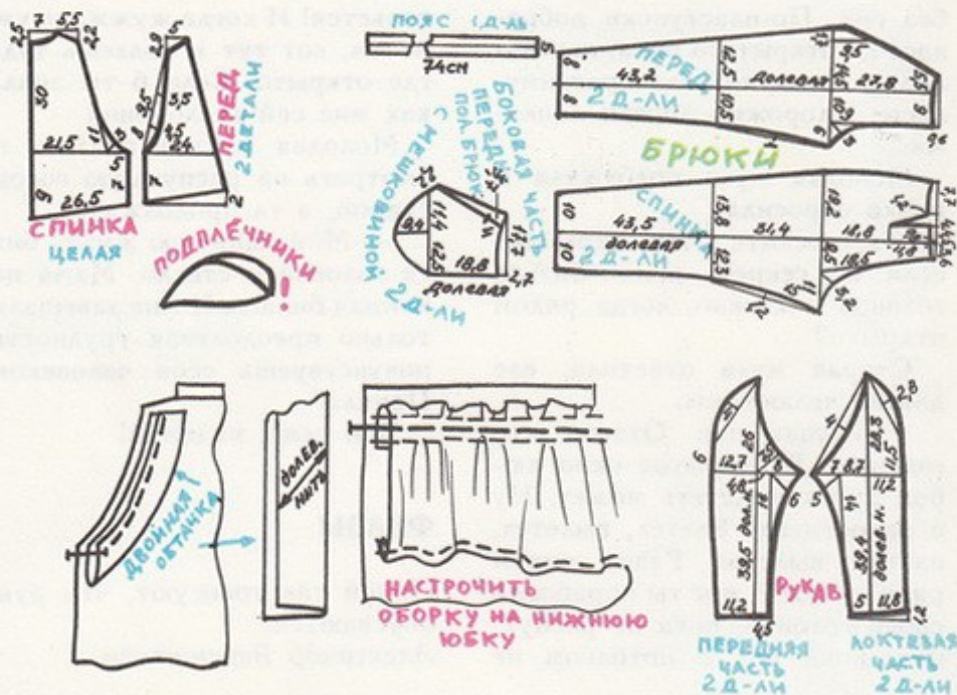

Гвоздь программы

Не будем отступать от традиций нашей рубрики — быстро, дешево и эффектно! На пороге Нового года. И, естественно, хочется себя чувствовать королевой бала. А средств, увы, не так уж и много, тем более для приобретения нового наряда.

Давайте переберем свой гардероб. Вот вы нашли вышедшую из моды водолазку или трикотажный свитер — «лапшу». Это как раз то, что нам нужно. Теперь посмотрите на эскизы и определитесь, что вам больше подходит.

Сегодня гвоздь программы модельеров всего мира — «американская» пройма, а романтическая юбка смягчит несколько резковатый верх.

Итак, наденем водолазку, возьмем мел и наметим линию выката проймы. Помните поговорку — семь раз отмерь, один отрежь! Перенесем линию на другую половину и вырежем проймы с припуском 1,5 см.

Затем выкроим косую полоску из ткани в цвет шириной 6 см. Заутюжим ее вдвое вдоль. Соединим срезы проймы и обтачки. Прострочим на расстоянии 1 см от среза. Отвернем обтачки к изнанке и проложим строчку нитками в цвет.

Теперь определим длину трикотажного верха. Наиболее остроумным будет силуэт, если юбка начнется от бедер. Однако, если у вас слишком большая разница между обхватом талии и бедер, то лучше, чтобы линия пришива юбки была на 10 см ниже линии талии.

Определяя расход ткани на юбку, надо учитывать, какой она будет длины и какой принцип кроя вы предпочтете. Например, для многоярусной юбки с тремя оборками при ширине оборок 16 см в готовом виде понадобится 2 м 40 см при ширине ткани 90 см и 1 м 20 см при 1 м 50 см.

Можно придумать массу вариантов юбок. Это и баллон, и присборенное «солнце», и многоярусные воланы. Крепятся

они на маленькую нижнюю юбку. Берем кусочек ткани, шириной равной обхвату бедер плюс 1 см, а длиной на 5 см короче верхней юбки. Желательно, чтобы ее цвет совпадал с цветом верха.

Пристрочим нижнюю юбку к нижнему краю водолазки. И уже на этом «стаканчике» будем распределять оборки. Ширина оборок должна быть либо одинакова, либо каждая нижняя шире предыдущей.

Цвет — дело вкуса, но в соответствии с торжеством, мне кажется, это может быть блестящий шелк или парча, яркая подкладочная ткань или гипюр.

Низ каждой оборки обрабатываем на зигзаге, а после отвернем в сторону изнанки на 0,7 см и отстрочим с лица на 0,5 см от сгиба. Верхние срезы оборок заметаем наизнанку на 1,5 см. Соберем на сборку и равномерно ее распределим.

Итак, платье готово!

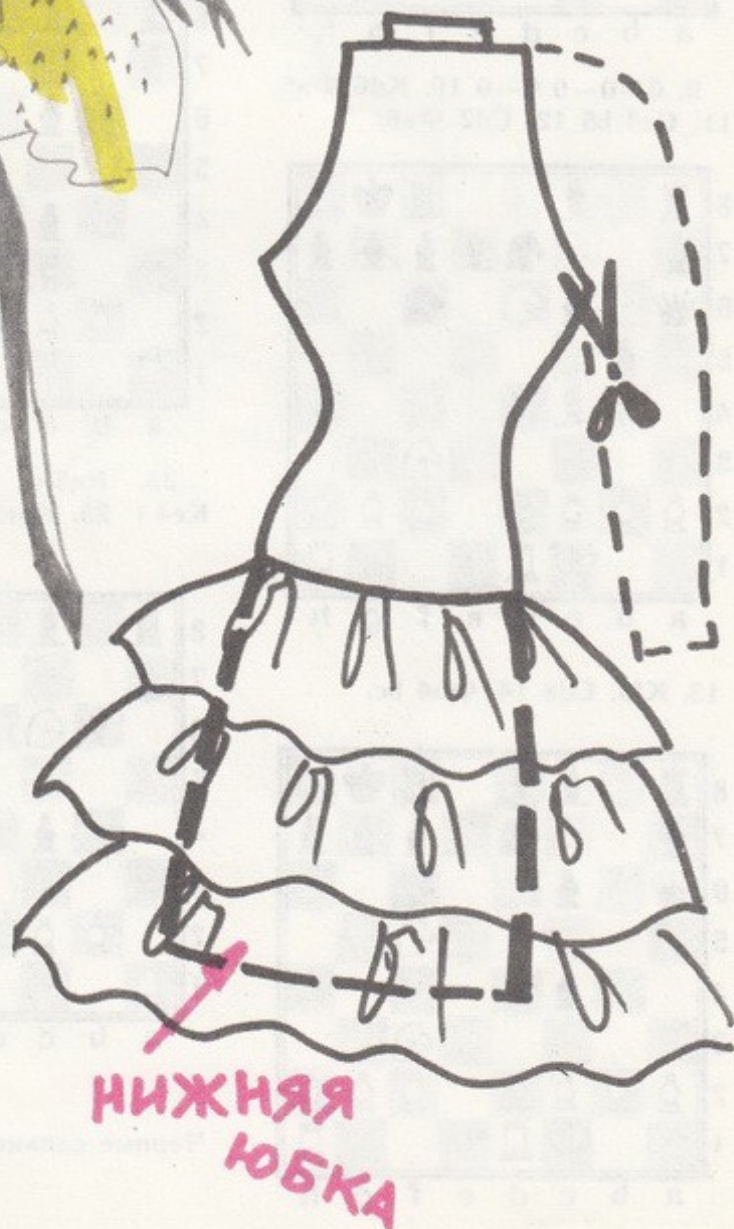
Допустим, что встречать Новый год вам придется в официальной обстановке. Тогда рекомендуем сделать небольшой жакет с рукавом покроя полуреглан. Расход ткани 1 м 20 см при ширине 1 м 50 см.

Очень обогатят ансамбль цветные колготки и гипюровые перчатки, искусственные цветы и декоративная бижутерия. Косметика может быть несколько ярче, чем обычно. В прическу можно включить всевозможные бантики и бусинки, блески и декоративные закладки.

Выполняя ваши многочисленные просьбы, публикуем выкройку классических брюк 46 размера. Пишите нам, что бы вы хотели еще увидеть в нашей рубрике. Заказывайте!

Дорогие модницы! Надеемся, что модели этого номера помогут вам быть самыми красивыми в Новый год.

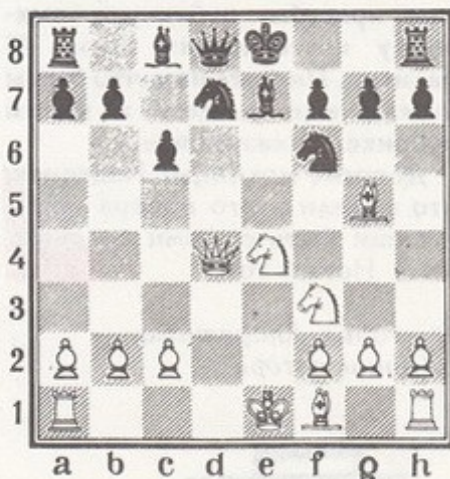
Виктория Андреевна,
рисунки автора

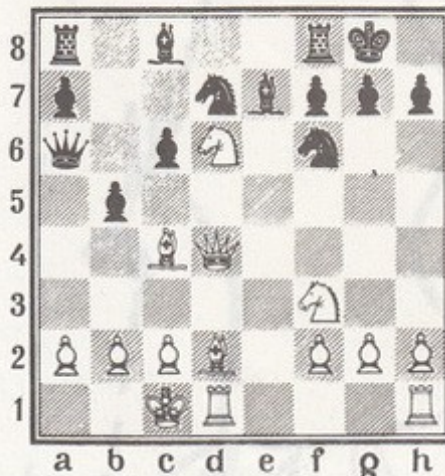
Не расставляя фигур

Под редакцией
Анатолия Карпова

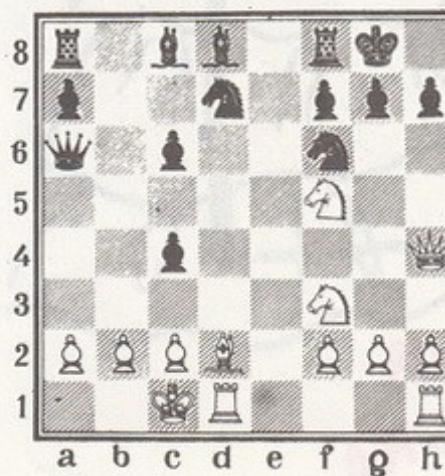
М. Таль —
В. Смыслов
(Югославия, 1959 г.)
Староиндийское начало
1. e4 e6 2. d3 d5 3. Kd2 e5 4.
Kgf3 Kd7 5. d4! de 6. K:e4 ed 7.
Ф:d4 Kgf6 8. Cg5 Ce7.

9. 0-0-0 0-0 10. Kd6 Фa5
11. Cc4 b5 12. Cd2 Фa6.

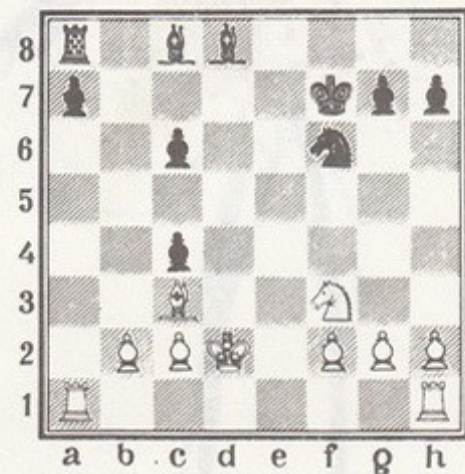
13. Kf5. Cd8 14. Фh4 bc.

15. Фg5 Kh5 16. Kh6 + Kph8
17. Ф:h5 Ф:a2 18. Cc3 Kf6.

19. Ф:f7! Если теперь 19
...Ле8, то 20. Фg8+! и 21. Kf7x.
19 ...Фa1+ 20. Kpd2 Л:f7 21.
К:f7+ Kpg8 22. Л:a1 Кр:f7.

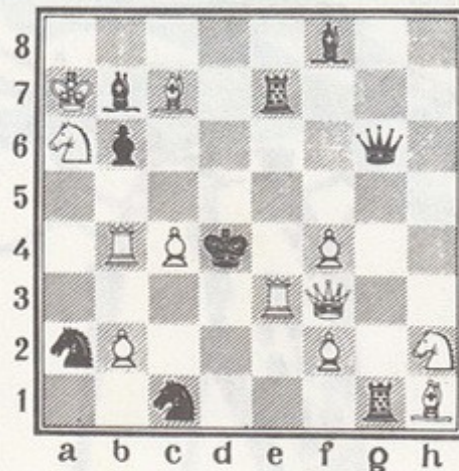

23. Ke5+ Кре6 24. К:c6
Ke4+ 25. Кре3 Cb6+ 26. Cd4.

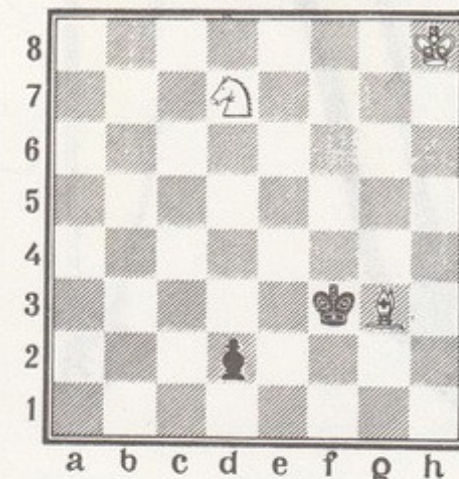

Черные сдались.

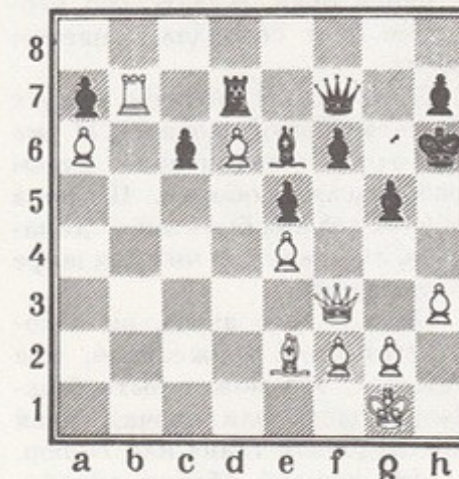
Предлагаем вам задания третьего тура.

№ 7. Мат в 3 хода.

№ 8. Белые начинают и делают ничью.

№ 9. Ход белых. Найдите за них выигрывающую комбинацию.

Ответы отправьте не позднее 15 декабря.

Ст.М представляет: Александр Галич

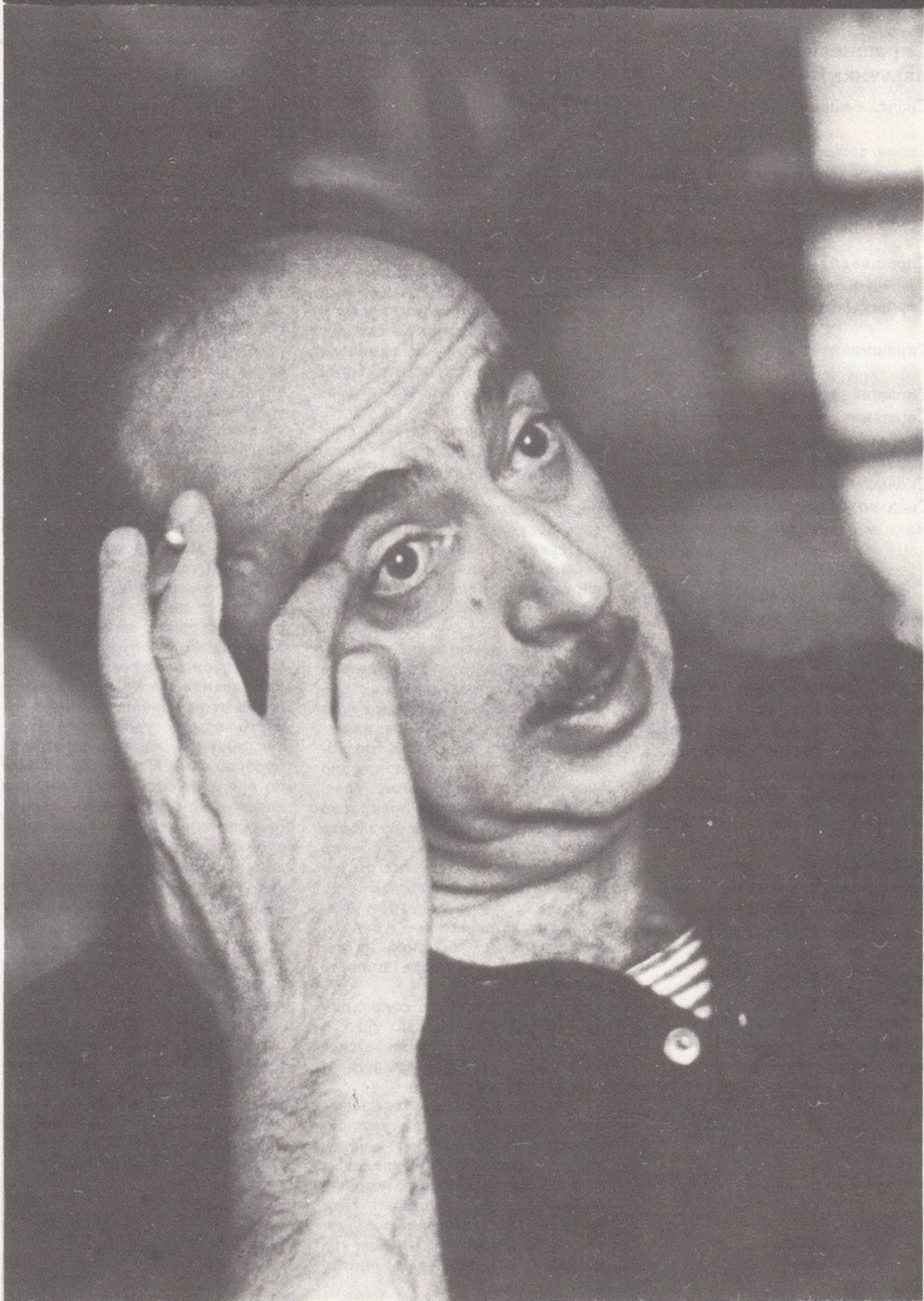

Фото М. Баранова

Спрашивайте, мальчики!

Сначала напомним:

Снова замаячила боль, боль,
Снова рвутся мальчики в пыль,
в бой!

Вы их не пугайте,
не отваживайте,
Спрашивайте, мальчики,
спрашивайте,
Спрашивайте, мальчики,
спрашивайте,
Спрашивайте, спрашивайте!

Спрашивайте: как и почему?
Спрашивайте: как и почему?
Как, и отчего, и почему?
Спрашивайте, мальчики, отцов!
Сколько бы ни резать ветчину,
Сколько бы ни резать ветчину—
Надо ж отвечать в конце
концов!

Эти пронзительные строки поколение 60-х носило в себе, как и знаменитые «Облака», как и многие другие замечательные песни начала магнитофонной эры.

И если только сегодня имя Александра Галича вернулось на страницы печати, то в сознании слушателей разрыва с его песенным словом не было и не могло быть. Его обостренное восприятие времени и себя в нем слушатели — ровесники барда передавали в наследство своим детям. В его песнях много горечи и лиризма, иронии и задушевности.

Александр Галич звал к конфликту. Но только не с самим собой. А с тем временем, которое позже назовут застойным.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

Мой резерв времени

Сейчас многие люди жалуются на бессонницу, и именно им адресовано большинство рекомендаций по упорядочению сна. Но есть не меньше людей, особенно среди учащейся молодежи и людей творческого труда, которым хронически не хватает дневного времени. Именно они не прочь подзанять это время у ночного сна. Можно ли сделать это без ущерба для здоровья и по возможности не прибегая к помощи возбудителей, подобно крепкому кофе?

Да, у каждого из нас есть возможности, используя которые можно сократить свой сон и при этом чувствовать себя хорошо. Для этого нужно соблюдать несколько условий.

Первое: необходимы физические нагрузки. Не случайно нарушениями сна страдают люди в основном умственного труда.

По некоторым данным, силовые напряжения, проводимые в тренировочных занятиях для самых больших и мощных групп мышц тела — ног, спины, живота в течение 15 минут, позволяют сократить сон примерно на полтора часа. Кроме того, силовые упражнения прекрасно снимают физическую усталость после трудового дня, особенно если они нагружают мышцы, не занятые во время работы.

Второе: сон с доступом свежего воздуха. Летом — с открытыми окнами, балконом, на веранде, зимой — после проветривания.

Что еще может сократить сон? Простая постель. Это о полководце А. В. Суворове сказано: «На трон сажал царей, сам на соломе спал».

Четвертое условие сокращения времени сна (при улучшении его полноценности): сон натощак. Сытный ужин ведет к усиленному снабжению кровью органов пищеварения. При этом мозг меньше, чем следует, подзаряжается энергией, что приводит к неполноценному сну.

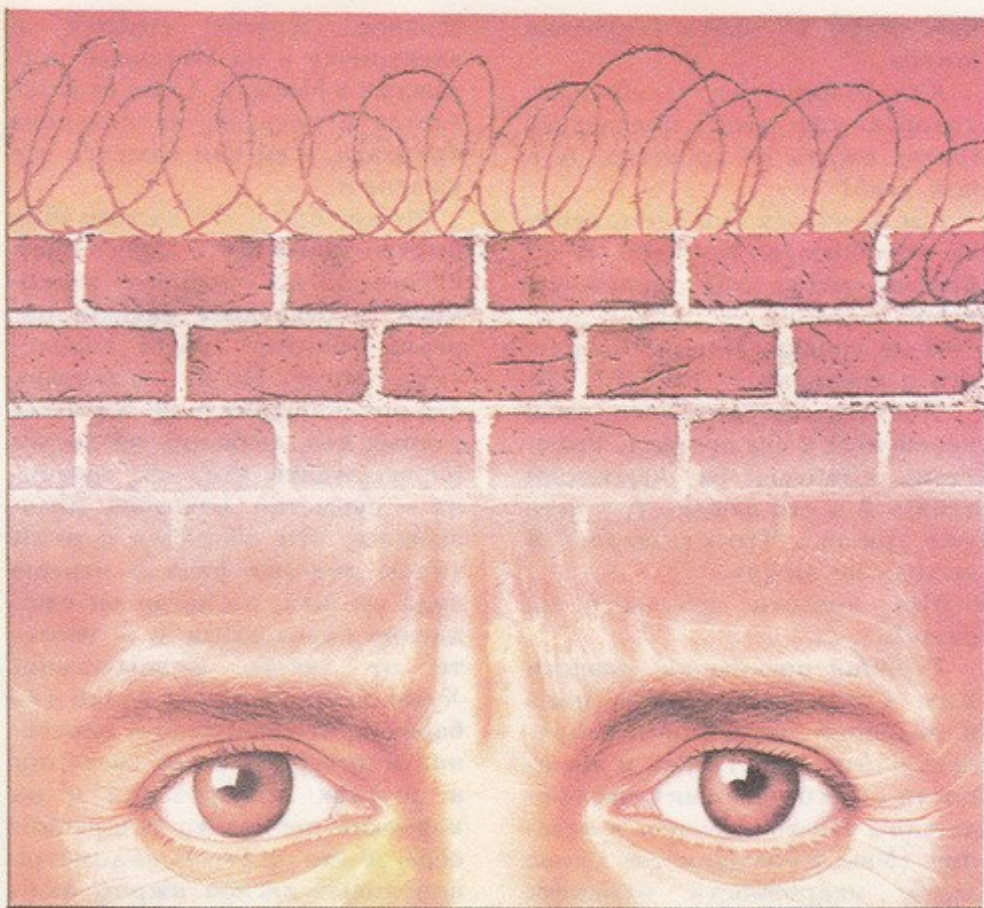
Пятое: всем, у кого нормальное или повышенное давление крови и в первую очередь тем, у кого укорочен период ночного сна, рекомендуется спать на слегка (7—10 сантиментов) приподнятой в ногах кровати. Это обеспечит более эффективное восстановление нормального состояния сердечно-сосудистой системы. Кроме того, это способствует быстрому засыпанию и более глубокому сну. (Это положение лишь не рекомендуется тем, у кого давление крови ниже 100/60 миллиметров ртутного столба.)

Шестое условие. Некоторые ученые условно делят сон на повелительный и волевой. Первый наступает периодически в соответствии с «повелительной потребностью организма». Повелительная потребность особенно сильно проявляется при продолжительном бодрствовании, утомлении. Волевой же сон возникает по желанию и является роскошью, наслаждением, привычкой. Не будучи необходимым, он приятен.

Повелительной необходимости в этом случае нет, потребность в сне удовлетворяется, как правило, еще до утреннего пробуждения. Чтобы уменьшить по времени состояние волевого сна, нужно сразу же после пробуждения принять прохладный душ или облить холодной водой. В древних индусских книгах говорится: «Десять преимуществ дает омовение: ясность ума, свежесть, бодрость, здоровье, силу, молодость, красоту, чистоту, приятный цвет кожи и внимание красивых женщин».

И пожалуй, самое главное в стремлении меньше спать, ведя при этом здоровый образ жизни, — целеустремленность. Подмечено, что целеустремленные люди энергичны, бодры, подвижны, живут напряженной внутренней жизнью и мало спят.

Николай Годышев,
методист ЛФК
г. Омск

УРОКИ ЭТИКИ

Жить, чтобы жить!

На конверте со штампом Ульяновска не было обратного адреса.

Молодая женщина лет пять держала в себе обиду на медиков со «Скорой помощи», когда-то не давших ей свести счеты с жизнью. И статья «Жить не хочется» в № 3 напомнила ей былое. Приведя ее в чувство, те спасители позволили себе нечто, чему их вряд ли учили в вузе: «...В следующий раз, когда захочешь умереть, вены нужно резать выше сгиба локтя, и таблеток нужно принять приблизительно в два раза больше. И уж тогда точно добьешься желаемого результата!»

Ей тогда было девятнадцать. По распределению она попала на завод, не имевший непосредственного отношения к ее специальности. На работе не получалось, в общежитии отношения не сложились, с мужем развелась, попытка второй раз выйти замуж была неудачной... Ну и!..

Сейчас, когда у нее в жизни все более-менее благополучно, она с самой большой обидой вспоминает ту злую иронию

людей со «Скорой помощи». И выражает пожелание, чтобы в кабинетах социально-психологической помощи, возникающих при поликлиниках, сотрудники бы не походили на ее спасителей: «Ведь о самом сокровенном порой легче поговорить с совершенно незнакомым человеком, чем с подругой!» Она, ждущая понимания и чуткости, пять лет не забывает сказанные походя слова — они заслонили все остальное.

Вас можно понять, Незнакомка. Я ведь и сам до сих пор не могу забыть, как, подобрав меня из лужи возле тротуара, растолкав собравшуюся вокруг толпу любопытных, крепкие парни «Скорой помощи» сделали обезболивающий укол, сунули носилки в микроавтобус, запросили по радию, куда меня везти — и тут же заговорили о футболе. Он был интересен для них гораздо больше, чем мои переломанные кости.

Но чем больше мне лет, тем больше я их понимаю.

Для того, кто приехал приводить вас в чувство, неудавшиеся

самоубийцы давно уже стали малоприятными буднями...

Практически все авторы писем сконцентрировали свое внимание на заголовке «Жить не хочется», поведав, как часто им в голову приходила и приходит эта мысль.

У одних она вызвана вполне конкретными жизненными обстоятельствами, как у студентки-вечерницы из Ферганы: «...У меня уже такие нервы, что дома от меня житья никому нету. На работе молчу, молчу, а потом как сорвусь... Меня кидают из одной смены в другую, из лаборатории в лабораторию. Часто приходится пропускать занятия. Это оборачивается одной-двумя задолженностями после каждой сессии. И приходится ловить преподавателей ради пересдачи, создавая себе новые сложности на службе... Сегодня разболелась голова. Возле меня учебник химии, но его тошно даже открывать, а не то что учить. Но и без института дальнейшую жизнь не представляю, и с работой расставаться не хотелось бы...»

Ну, тут вроде бы достаточно беседы с хорошим психологом и совета сбросить с себя хотя бы часть ноши, оказавшейся непосильной. Если, конечно, есть такая возможность.

Но что ответить рассудительному мальчику из Белоруссии, начавшему письмо с благодарности за публичное признание, что тяга к самоубийству в принципе может возникнуть у каждого нормального человека... У него вроде все «как у людей». Но единственное, что его удерживает от отчаянного поступка — сознание, какую боль он бы причинил близким. И еще «огромное любопытство, а что же будет дальше?..» «Окончив институт и уехав по распределению, я останусь висеть на одной ниточке... любопытстве к жизни. Думаю, долго оно не сохранится».

Носители рационального мышления, мы, выскочив из наезженной колеи, оказываемся совершенно беспомощными перед лицом действительности, которая всегда богаче нашего знания о ней. Мы все еще живем анахронизмами, и один из них — вера во всемогущество науки. Да, она может объяснить многое — инстинкты, химию

мозга — но это не полное знание о человеке. Остается еще обширная сфера иррационального... Отношение к семье и среде, к природе и родине, к лестнице, по которой тяжело подниматься в конце рабочего дня... Все это в крови, в генах, зафиксировано даже в наших рецепторах, и здесь ничего нельзя декретировать. А все наши чувства, когда мы должны «звонить» Зигмунду Фрейду, чтобы он разобрался в нашей личной жизни, которую мы сами не в состоянии постигнуть — что это как не еще одна, скрытая от нас наша иррациональная сущность?!

Недавно пришлось слышать от академика Б. В. Раушенбаха — одного из отцов советской ракетной программы, что иррациональное — не отклонение от нормы, не аномалия. Это не компетенция науки — только и всего. Мы все еще пытаемся логически объяснить, за что нужно любить родную мать — зачем, что это изменит?

Я дал прочитать пару писем о несчастной любви знакомому профессору-психоаналитику.

— Как тут выходить из положения? Все зависит от сообразительности ближних... или — ближнего! Например, когда я задумал докторскую диссертацию, то первым делом отправился на спорткафедру родного вуза: «Ребята, я пока что живу в одной комнате с младшим братом-студентом. А у него в самом разгаре пора хождения по девочкам. Словами на него сейчас не воздействуешь... Вы уж, пожалуйста, организуйте ему такую нагрузку, чтоб он после ваших занятий еле ноги таскал!»

Они выполнили мою просьбу. И я стал доктором наук, а младший брат нормально закончил вуз. Все довольны!

Студент, уставший от самого себя, скорее всего еще поймет, что по-настоящему безвыходных ситуаций не бывает. И раздует в себе то самое любопытство к жизни, которое не позволяет сегодня ему перешагнуть черту. В конце концов не зря сказано: «Человечество смеясь расстается со своим прошлым!» А почему на это неспособен конкретный человек? Драматические эпизоды жизни то и дело оказываются драматическими только потому, что

нам остро не хватает чувства юмора.

Как Марине из Челябинска, которую уже месяц преследует мысль «жить не хочется». А в чем дело?

«Встречалась с парнем, верила ему больше, чем себе. А он бросил меня, как ненужную вещь.

Я не уродка. Парни говорят, что я красивая.

Подруга твердит, что надо переболеть и все пройдет. Родители: «Забудь, он недостоин тебя!» А я его люблю. А у него уже другая... Что же делать? Я выхода не вижу».

Нет повести печальнее на свете!

Героиня прекрасной повести Ежи Ставиньского «Час пик» в подобной ситуации постаралась найти в поступках и внешности своего неверного возлюбленного что-то смешное и нелепое. (Увы, в большинстве из нас такие подробности отыскать несложно!) И ей сразу стало легче жить на белом свете. Она разлюбила.

Кроме того, есть старое средство от несчастной любви — новая любовь!

Но, конечно, самые паразитические строки содержало письмо из Тулы: «Если у меня нет выхода, и вы посоветуете покончить жизнь самоубийством (обещаю ваше письмо никому не показывать, и на вас не падет никакой тени), я приму такой совет».

Как печально, когда двадцатилетний человек умеет лишь делать уроки и слушаться! А жизнь требует самостоятельности и инициативы. И за ними не сбегаешь на минутку назад, порывшись в забытом. «...Я экземпляр, никогда не гулявший с парнями, а уже дожила до двадцати лет, — сетует Тамара Г. — Мне даже не пишет никто, а я все время жду письма, не знаю от кого... Теперь буду ждать от вас».

Тут можно развести руками и, вздохнув, посетовать на ущербность системы воспитания, основанной на подавлении личности. Она очерчивает вокруг человека круг, из которого ему выбраться гораздо труднее, чем гоголевскому семинаристу Хоме Бруту. Но девочке из Тулы от подобной констатации ни жарко ни холодно. Ей некому выговориться — и это самое

главное. Другие садятся в электричку и на выходные укатывают в Москву. А она отправляется в поселок, из которого приехала, и ей там кажется все ужасным.

Может быть, это ее томление быстро кончится с появлением какого-нибудь доброго знакомого, и очередная спящая царевна обнимет своего королевича Елисея. Но не исключено, что она пополнит ряды желчных старых дев, любящих на досуге порассуждать, что, мол, мужчина — существо разового пользования, что общаться с этим типом два-три раза в неделю куда ни шло, но когда он ежедневно перед глазами — увольте от такого удовольствия! Хуже это или лучше судеб тех бабочек, что залетают в окрестности интуристовских гостиниц в поисках приключений и на короткий период до вендиспансера и сто первого километра пополняют легион «жриц любви»?

Хоть и пела когда-то Клавдия Шульженко в «Московской студенческой» — «Коль дружить — так дружить, коль любить — так любить, горячей и сильней, чем Ромео Джульетту!» — а годы застоя ознаменовались и застоєм чувств. Удивительно, до чего мы оказались не нужны друг другу и самим себе.

Для того чтобы вернуть смысл жизни, никаких кабинетов социально-психологической помощи не хватит. И каждый человек ищет решение там, куда его толкает собственный его культурный уровень.

Но только ведь жертвы (хотя бы и обстоятельств!) потому и становятся жертвами, что заранее примирились со своей участью. И вместо того, чтобы снова и снова пытаться прорвать круг, отыскивают виновников собственного несчастья. А назвать — уже почти объяснить.

«В бескризиснейшей из систем один переживаю кризис!»

Большая часть писем от первокурсниц, мечтавших о вузе как о храме, где все будут любоваться юной жрицей, а вошла внутрь — на нее никто не обращает внимания.

«Протерпев кое-как школу, поступила на тот факультет, на какой мечтала, — пишет девушка из Белгорода. — Лето поступ-

ления было замечательным: оно пронизывалось надеждами. И вот теперь опять невыносимое одиночество. Я не могу так больше жить. А для самоубийства не хватает силы воли: много раз включала газ, но становилось жутко и пятилась назад.

Я уже писала себе план на каждый день, пыталась и так и этак найти контакт с однокурсниками. Ежедневно заставляла себя жить дальше. И теперь дошла «до ручки», и даже В. С. Высоцкий — самый мой авторитетный советчик, не может мне помочь! Нахватала в институте кучу задолженностей, потеряла и нарождавшуюся любовь, и последнюю подружку, и саму себя...»

Днем я прочитал это письмо, посочувствовал про себя его автору — как ей скучно и одиноко в Белгороде!.. Но тут же сразу засомневался — а станет ли моей корреспондентке интересней и легче на белом свете, если она переместится в пространстве? От себя-то не убежать...

И тут хватаешься за голову: для чего тогда творили Толстой и Ван Гог, Чехов и Бетховен, Бунин и Рублев, если мы не способны воспринять силу их мысли и духа, если не способны увидеть в их страданиях опоры.

Но потом вспоминаешь себя в семнадцать лет: непроходящий лирический экстаз, готовый излиться на первый попавшийся объект, хоть сколько-нибудь годный для обожания, и полное отсутствие как чувства юмора, так и способности к самооценке — и сразу делаешься снисходительнее. И пишешь непривычно пространный ответ с выражением сочувствия, словами, что «такое» бывает у каждого, особенно в переходном возрасте. Плохо, конечно, если переход затягивается.

В сущности, им, этим девочкам, больше ничего и не надо.

Жизнь их мы не переделаем. Но можем чуть-чуть прибавить стойкости и поднять настроенное содержимое своих страниц. Хотя бы ненадолго!

А кабинетов социально-психологической помощи все же надо бы иметь побольше. Но и за те, что есть, скажем профессору Амбрумовой спасибо!

ДИСКОТЕКА

Лунные шаги

Прощай, «Мотаун»

Наши проблемы с фирмой «Мотаун» начались в 1974 году, когда мы прямо сказали, что хотим сами писать песни: нам совершенно не нравилась та музыка, которую нам давали играть и петь. Мы хотели превзойти всех наших конкурентов, а вместо этого мы видели, что рискуем, что нас обгонят другие группы, создающие более современную музыку.

Фирма «Мотаун» отвечала: «Нет, вам нельзя писать собственные песни, вы должны довериться нашим авторам и продюсерам». Нам было запрещено

даже упоминать о желании писать музыку.

Когда я чувствую, что что-то не так, я должен сказать об этом вслух. Я знаю, что почти никто не считает меня решительным и сильным по характеру, но это потому, что почти никто хорошо меня не знает. Мы дошли до точки. Мои братья ничего не говорили. И тогда я сказал все, что думал. Это был один из самых трудных поступков в моей жизни.

Имейте в виду, я люблю Берри Горди. Я считаю, что он — гений, один из гигантов индустрии звукозаписи. Я глубоко уважаю его, но в тот день я ощутил себя львом. Я жаловался, что нам не дают свободы

Окончание. Начало в № 10

сочинять и играть наши песни. Он ответил, что по-прежнему считает, что нам нужны профессиональные помощники.

Но я уже знал другое.

Я знал, что пришло время перемен. Мы послушались нашего инстинкта, и судьба вознаградила нас, когда мы решили начать с нуля в новой фирме звукозаписи — «Эпик».

Когда мы увидели обложку альбома Джексонов, первого нашего альбома в «Эпике», то с удивлением обнаружили, что все мы похожи. Даже Тито казался худым. Тогда у меня была прическа в стиле «афро», с которой я не очень отличался от всей группы. В любом случае, когда мы пели новые песни, такие, как «Наслаждайся» и «Я покажу тебе дорогу», публика сразу отмечала, что я всегда второй слева. Рэнди занял прежнее место Тито на краю справа, а Тито перешел на место Джермена, который оставил нас и остался у «Мотауна»...

С Квинси Джонсом я встретился впервые в Лос-Анджелесе, — мне было тогда двенадцать лет. Наша дружба началась на программе «Виз», кинематографической версии «Волшебника Оза», где я играл в то время, и переросла в отношения отца и сына. В конце съемок «Виза» я позвонил ему и сказал: «Послушай, я собираюсь сделать альбом. Ты можешь порекомендовать мне какого-нибудь продюсера?» Это было не предложение. Это был наивный, но искренний вопрос. Мы перебрали серию музыкальных имен, я все комментировал неуверенным хмыканьем, и в конце концов он мне сказал: «А почему ты не хочешь поручить это мне?»

Я и в самом деле об этом не думал. Может, он и решил, что в моем вопросе содержалось предложение, но это не так. Я как раз не думал, что моя музыка может настолько заинтересовать его. И я только пробормотал: «О, конечно, великолепная мысль. Я об этом не подумал».

Квинси за это меня до сих пор поддразнивает.

Тем не менее мы немедленно начали подготовку альбома «Из-за стены».

В 1979 году мне исполнился

двадцать один год. Контракт менеджера с моим отцом кончился именно в это время, и хотя это было трудное решение, я не возобновил контракта. Нелегко уволить собственного отца... Изменило ли увольнение отношения мои с отцом? Не знаю. Но это был шаг, который я мог сделать, потому что у меня начало появляться ощущение, что я работаю на него, а не он работает на меня. С точки зрения творческой у нас абсолютно разные представления. Он периодически предлагает что-то такое, с чем я совершенно не соглашался. Мне было важно самому контролировать свою жизнь, и я этого добился. Все приходит к этому рано или поздно. Для моих 21 года у меня был приличный опыт: 15 лет музыкальной карьеры.

Альбом «Из-за стены» должен был называться «Подружка». Пол и Линда Маккартни написали эту песню с мыслью обо мне, еще меня не зная. Пол Маккартни всегда говорит, что я ему позвонил и предложил вместе писать песни, которые будут иметь успех.

Это было совсем не так.

Я впервые увидел Пола на вечеринке на палубе «Квин Мэри», стоявшей на якоре на Лонг Бич. Его дочь Хессер где-то раздобыла мой телефон и пригласила меня на праздник: ей нравились мои песни. Позже я встретил Пола Маккартни в Лос-Анджелесе. В огромной толпе мы обменялись рукопожатием, и Пол сказал: «Ты знаешь, я написал для тебя песню?» Я удивился и поблагодарил его. Мы договорились встретиться, но вспомнили об этом через пару лет. Кончилось тем, что Пол включил песню в свой альбом «Лондон таун».

Самое странное случилось, когда мы делали альбом «Из-за стены». Квинси однажды пришел ко мне и сказал: «Майкл, у меня есть песня, словно специально для тебя написанная». И дал мне прослушать «Подружку», не зная, разумеется, что Пол действительно написал ее для меня. Когда я ему об этом сказал, он был удивлен и польщен. Мы записали ее и включили в альбом. Это было невероятное совпадение.

Влюбленный в Татум

Подготовка альбома «Из-за стены» совпала с одним из трудных периодов моей жизни. Я чувствовал себя таким одиноким, что слонялся по моему кварталу в надежде встретить кого-нибудь, с кем можно поговорить. Я хотел встретить людей, которые не знают, кто я такой. Чтобы они стали моими друзьями потому, что им нужен друг, а не потому, что я — Майкл Джексон.

Успех влечет за собой одиночество. Это правда. Люди думают, что ты счастливчик, что у тебя есть все. Но дело же не в этом. Необходимы более фундаментальные вещи.

У меня никогда не было девушки. Я был ужасно робкий. Одна из одноклассниц очень со мной дружила. Она нравилась мне, но я стеснялся намекнуть ей об этом.

Мое первое настоящее свидание было с Татум О'Нил. Мы познакомились в клубе на Сансет Стрип, который назывался «На скале». Мы обменялись телефонами. Я болтал с ней часами: из телефонных будок, со студии, из дома. В первое свидание мы отправились на вечеринку на виллу Хью Хефнера и веселились до упаду. В этот вечер она впервые взяла меня за руку. Я сидел за столом и вдруг почувствовал нежную руку на своей руке. Это была Татум. Для меня это было серьезно: она дотронулась до меня. Я испытал именно это ощущение. В прошлом девушки старались вцепиться в меня и вопили из-за кордона телохранителей. Это был неприятный опыт...

Когда я узнал, что Диана Росс выходит замуж, я был рад за нее, потому что хорошо знал, что брак сделает ее счастливой. Тем не менее мне было трудно смириться с этим. Я чуточку ревновал, потому что я всегда любил Диану и никогда не перестану ее любить.

...Диск «Из-за стены» появился в августе 1979 года, когда мне исполнился 21 год. Я полностью взял под контроль свои деловые связи. Это был решительный поворот. Для меня этот диск значил много очень, потому что его успех, без всяких сомнений, доказывал, что чудорбенок смог вырасти, превратившись в артиста. В это время я преодолел танцевальные рит-

мы, к которым долго был прикован. В начале нашей работы мы с Квинси долго говорили о том, как важно выразить в музыке сильные чувства. Я считаю, что мне это удалось.

Признаюсь в моей мечте

Когда я сейчас вспоминаю эти моменты, я понимаю, насколько важной была работа над «Из-за стены» для рождения следующего альбома — «Триллер». Квинси, Род Темпертон и остальные исполнители «Из-за стены» помогли мне воплотить мечту многих лет. Диск разошелся в шести миллионах копий только в Америке. Я с самого юного возраста мечтал сделать самый популярный диск всех времен. Помню, как в детстве ходил купаться: перед тем, как броситься в воду, всегда загадывал желание. Надо принять во внимание, что я до тонкостей знал музыкальный мир, хорошо изучил, что в нем можно, а что нельзя сделать. И решил, что хочу сделать нечто особенное. Я вытягивал руки, словно чтобы послать мое желание прямо в космос. Загадывал желание и бросался в воду.

Помню, однажды мы были в студии вместе с Квинси и Родом Темпертоном и работали над «Триллером». Я играл на флиппере, и кто-то из них спросил меня: «Если этот альбом не получит такой популярности, как «Из-за стены», ты будешь разочарован?»

Вопрос меня задел. Я ответил, что «Триллер» будет популярнее, чем «Из-за стены». И рассказал о моей мечте: чтобы этот был самый популярный диск всех времен.

Они расхохотались.

С каким лицом

Наша студия звукозаписи стала давить на нас, чтобы мы как можно скорее заканчивали работу над «Триллером». Когда студия вас торопит, она не шутит: диск должен быть готов к определенной дате. Или так — или никак. Мы работали на износ. Нам пришлось пойти на многие компромиссы, микшируя различные звуковые дорожки, и мы много спорили: должны ли определенные музыкальные партии записываться на диск или нет.

Когда пришло время прослушать партии, «Триллер» оказался столь ужасным, что я заплакал.

Я знал, что все было не так. И если бы мы не сделали паузу, чтобы прослушать то, что мы сделали, диск был бы ужасным. Альбом можно целиком испортить при микшировании. Это как великий фильм, испорченный при монтаже. Есть вещи, которые нельзя делать в спешке.

Мы взяли пару дней отдыха, чтобы перевести дух, и вернулись к работе. Переделывали по две песни в неделю. Когда вышел «Триллер», студия звукозаписи предполагала, что продаст два миллиона копий. Как правило, студии никогда не верят, что новый альбом будет лучше предыдущего и что количество проданных дисков показывает наивысший интерес публики.

Я хотел, чтобы с «Триллером» все было по-другому. Одним из тех, кто помог мне, был Фрэнк Дилео, заместитель директора и ответственный за реализацию продукции в фирме «Эпик». Он прослушал некоторые куски из «Триллера». Диск произвел впечатление.

И вот 16 мая 1983 года я исполнил «Билли Джин» на телешоу, организованном в честь 25-летия фирмы «Мотаун». Программу смотрели почти 50 миллионов человек. Представление «Мотаун-25», правду говоря, записывалось за месяц до выхода в эфир, но до вечера перед съемками я не предполагал, что буду петь. Сидел на кухне и напевал «Билли Джин». Во весь голос. Я был один в тот вечер перед съемками и пел и танцевал так, как подсказывала сама песня. Я плыл по течению, отдаваясь ритму, будто ноты «Билли Джин» сами подсказывали мне движения.

Надо сказать, что «лунные шаги» были уже знакомы публике, но я их усовершенствовал. Они родились как па брейк-данса, созданного парнями — цветными, танцевавшими на углу улиц гетто. Меня научили брейку трое таких ребят, и я пробовал сочетать его с другими танцевальными па. В этот вечер на кухне я решил, что во время исполнения «Билли Джин» буду делать шаги вперед и назад, будто я шагаю по Луне.

На следующий день после 25-летия «Мотауна» мне позвонил Фрэд Астор. Он сказал — я привожу его точные слова: «Ты сумасшедший танцовщик. Я тоже был таким». В этот раз я впервые говорил по телефону с Фрэдом Астором...

За осень 1983 года было продано восемь миллионов дисков. Мы намного превзошли ожидания Си-би-эс. Тогда Фрэнк Дилео выдвинул идею сделать настоящий видеоролик. Я сразу сообразил, какого режиссера пригласить. За год до этого я посмотрел фильм ужасов, который назывался «Американский волк Маннано в Лондоне», и режиссер этого фильма, Джон Ландис, подошел бы для постановки «Триллера».

Мы и предложили Джону Ландису быть режиссером. Он согласился, показал нам предварительный сценарий. Технические трудности в фильме были устрашающими, и очень скоро мне позвонил Джон Бранка, мой адвокат и один из моих доверенных и надежных консультантов. Джон был в ужасе: цена «Триллера» будет в два раза больше, чем предусматривалось.

И вот тогда Джону пришла в голову гениальная мысль. Он предложил сделать еще один ролик, который финансировал бы кто-нибудь другой, — о съемках ролика «Триллер». Странно, что раньше это никому не пришло в голову. Мы все были уверены, что это будет интересная штука, которая в то же время поможет нам покрыть расходы, удвоившие нагрузку на наш бюджет.

Успех ролика «Как делается «Триллер» стал шоком для всех нас. Было продано миллион видеокассет. Еще сегодня не побит его рекорд.

Фильм «Триллер» был готов в конце 1983 года. Мы пустили его в продажу в феврале, и он был представлен на телевидении фирмой «Мотаун». Цифры проданных альбомов взлетели до небес. По статистике, за шесть месяцев количество проданных дисков и видеокассет перевалило за 14 миллионов. Этот успех до сих пор поражает. Когда через год мы закончили рекламную кампанию «Триллера», было продано 32 миллиона копий. Мечта осуществилась.

Одним из последствий триумфа «Триллера» стало постоян-

ное внимание ко мне публики. И тогда я решил вести более спокойную, более частную жизнь. Я продолжал оставаться очень застенчивым. Ведь я был чудо-ребенком, а кто вырос с этой этикеткой, того публика не хочет видеть изменившимся, постаревшим, с другим лицом. Во время первых успехов я был круглолицым, пухлым, толстеньким мальшом. Таким и был еще несколько лет назад, до тех пор, когда я изменил диету.

Постепенно, пока я худел, мое лицо стало таким, как сейчас, и пресса стала обвинять меня в том, что я сделал пластическую операцию, а не только операцию носа, которую я действительно сделал, как бог знает сколько артистов театра и кино. Они берут старую фотографию и сравнивают с нынешней. На старом фото у меня круглое и пухлое лицо, прическа «афро». На современной — другая прическа и новый нос. И все говорят, что я сделал пластическую операцию лица и что осветлил себе кожу. Это несправедливо. Я никогда не переделывал себе скулы или разрез глаз, не осветлял себе кожу. Смешные обвинения! Если бы это было так, я бы признал это: мне все равно, что говорят другие. Это мое лицо...

В начале 1985 года мы записали диск «Мы — это мир» в марафоне всех звезд, который продолжался целую ночь и был устроен сразу после церемонии присуждения американских премий в области музыки. Я написал эту вещь после того, как посмотрел документальный фильм о голоде в Эфиопии и Судане. Попросил мою сестру Дженет пойти со мной в комнату с необычной акустикой, например, в ванную или кладовую, чтобы напеть ей только одну ноту, ритм. Слов не было, было только бормотание, которое шло из глубины горла. Я спрашивал: «Дженет, что ты видишь, когда слышишь вот такой звук?» И она отвечала: «Детей, которые умирают в Африке».

Я думаю, что диск «Мы — это мир» — это настоящий спиритизм. Горжусь, что был одним из тех, кто пел его этой ночью. Нас объединяло желание сделать что-то, что принесет пользу.

После этого диска я снова

решил уйти со сцены и два с половиной года посвятил работе над новым альбомом «Плохой».

Почему потребовалось столько времени? Дело в том, что мы с Квинси хотели, чтобы этот диск был совершенным. А тот, кто создает совершенство, нуждается во времени, форме, плазме, — он ищет объект. Он не может прекратить работу, не будучи полностью удовлетворенным. В этом разница между диском, который стоит на тридцатом месте, и диском, остающимся первым в течение недель.

Цена успеха может быть очень высокой. Стоит ли платить эту цену? Представьте, что у вас нет больше никакой частной жизни. Все, что вы делаете, нужно обставать особыми предосторожностями. Газеты печатают, что бы вы ни сказали. Сообщают обо всем, что вы делаете. Знают, что вы купили, какие фильмы посмотрели и тому подобное. Если я иду в библиотеку, тут же публикуют список книг, отобранных мною. Однажды во Флориде они проследили мой распорядок дня: целиком — с десяти утра до шести вечера. «После того, как он сделал это, он пошел туда...»

Помню, я подумал: «Что было бы, если бы мне захотелось сделать что-нибудь, о чем мне не хочется читать в газетах?!» Вот — цена успеха.

Меня обвиняют, что я свихнулся на охране моей частной жизни, а сами только и делают, что разглядывают тебя. Если вы спросите, почему я часто ношу темные очки на публике, я отвечу: неприятно постоянно смотреть людям в глаза. Это для меня способ спрятаться. Когда я удалил зубы мудрости, дантист дал мне маску, чтобы носить дома. Эта была чудесная маска, намного лучше, чем темные очки, и я развлекался, выходя в ней на улицу. В моей жизни так мало личного, что возможность закрыть хоть кусочек моего лица кажется мне убежищем. Я знаю, что могу показаться странным, но я дорожу своей частной жизнью...

Перевод Елены Коваленко

ДИСКОТЕКА

По обе стороны корриды

— Мы играем музыку, созвучную нашему времени — энергичный, насыщенный «хард энд хэви». И вместе с ним — романсы, распевы, народные песни: исконную русскую музыку. Ведь если они живут столько лет — тот же «Черный ворон», «Ямщик», «Дубинушка», если передаются от поколения к поколению, — значит, что-то стоят и для нас, сегодняшних?! И мы не хотим их забывать, потому что они — песни русского характера, русской души! — Так скажет он уже позже, когда станет обладателем Гран-при «Юрмалы» и подоспевшие журналисты наконец зашелкают «блицами»...

Родом он из Свердловской области. Родился и вырос в деревне, и родители его по сей день живут там. В девятом классе поступил в Студию эстрадного искусства при Свердловской филармонии. Пел в Уральском народном хоре — вторым баритоном. Затем — в Ансамбле песни и пляски Уральского военного округа — уже тенором. В Свердловске гастролировал популярный в те годы ВИА «Поют гитары» и уговорил его пойти к ним солистом. Так Александр Малинин оказался в Москве.

— Вы пропагандируете в рок-народную культуру?

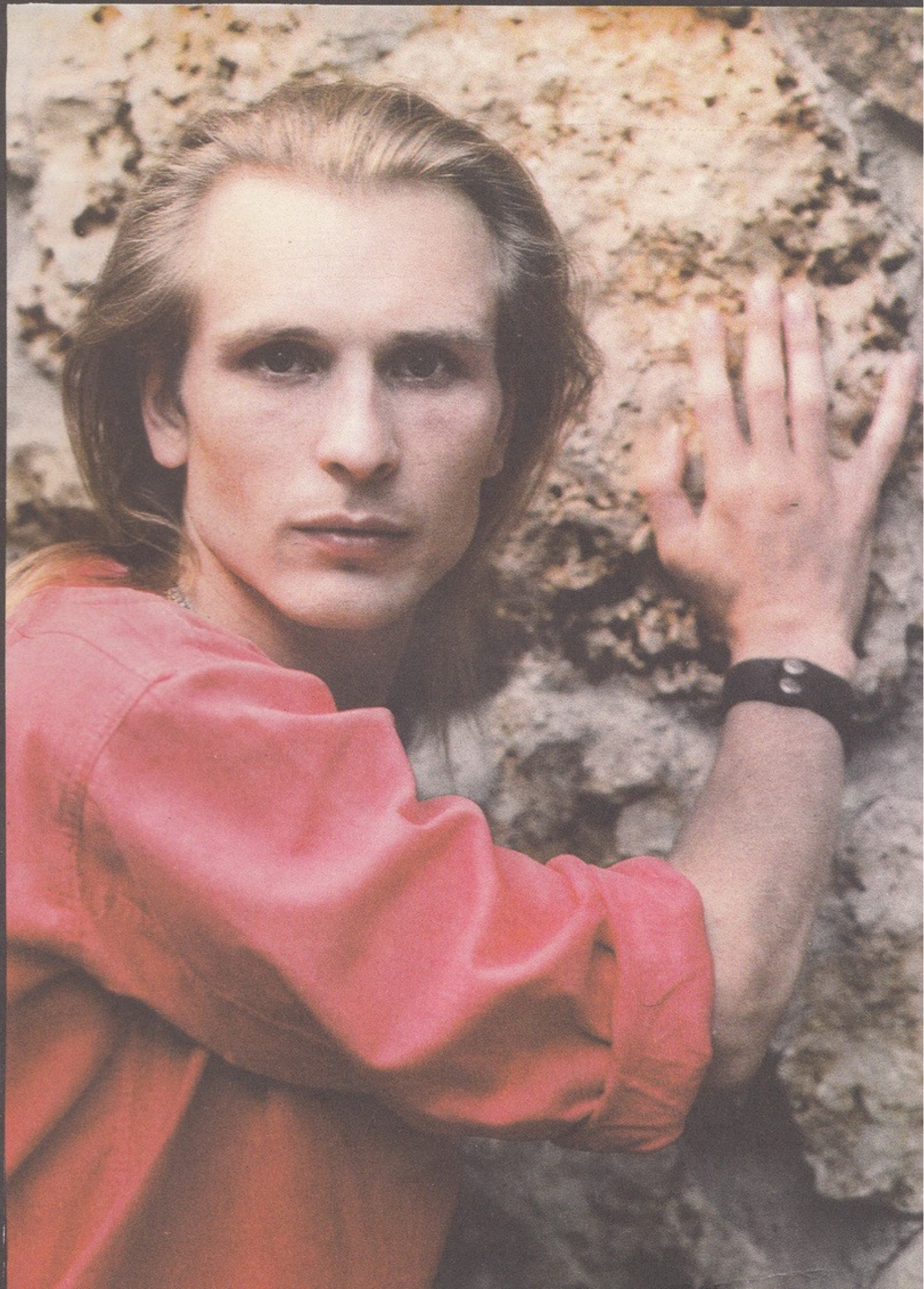
— Я просто пою песни, которые люблю. И хочу, чтобы их полюбили и другие. Время меняет жизнь. И многие песни, романсы пою в современной аранжировке. Но начало и концовку — и это обязательно — все равно «в подлиннике»...

Помните, на «Юрмале-88» была у него такая песня — «Коррида»? В которой он играл и пел одновременно за двух персонажей — за быка и тореро?! Метался по сцене, падал, умирал, снова возрождался... Прекрасный актер и в то же время рок-певец.

*Татьяна Алексеева,
Александр Архипов*

СТМ представляет: Александр Малинин

Фото Е. Матвеева

Липецкий
политехнический
институт

ЛипПИ сегодня — это 5 факультетов (механический, металлургический, машиностроительный, строительный, вечерний); 16 специальностей; 5200 студентов; 375 преподавателей, среди которых — 2 лауреата Государственной премии СССР, 8 профессоров и докторов наук, 235 доцентов и кандидатов наук; это — 600 000 книг в библиотеке и 1000 мест в общежитии.

